

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

Литрес

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
НА ПОРОГЕ ПРОШЛОГО

Солнечный луч

Юлия Цыпленкова

**Солнечный луч. На
пороге прошлого**

«Автор»

2023

Цыпленкова Ю.

Солнечный луч. На пороге прошлого / Ю. Цыпленкова —
«Автор», 2023 — (Солнечный луч)

Как же это восхитительно — вернуться домой! Даже если дом — это мир, скованный льдом и снегом, как и память его обитателей. Но за зимой приходит весна, и под натиском солнца снег тает, обнажая землю, готовую к возрождению. Так и человеческая память. Сколь тяжело бы ни было забвение, сколь бы ни велика была толщина ледяного панциря, но разве можно с этим смириться? Если душа так же горяча, как солнце, то даже маленькому лучу под силу пробить брешь и, скользя в нее, разогнать мрак и осветить истину. У каждой загадки есть свой ответ, и однажды приходит время, чтобы найти его. Дайнани Айдыгера желает узнать все скрытые тайны, но готовы ли жители Белого мира услышать ответы? И способны ли открытия переменить намерения врагов? Этого не узнать, пока не шагнешь на порог прошлого, потому что только за ним начинается будущее...

© Цыпленкова Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	71
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. На пороге прошлого

Глава 1

Белый мир! Боги, духи, как же это невероятно – вернуться туда, где живет твое сердце! Я стояла посреди бесконечной ослепительной белизны и жмурилась от удовольствия. Рядом крутился счастливый Уруш, взрывая борозды в глубоком снегу, и мне казалось, что я никогда не покидала своего нового дома. Только одежда моего родного мира да магистр Элькос, с интересом изучавший взглядом дом моей названной матери, говорили, что впечатления обманчивы.

– Душа моя, вы говорили, что летом этот дом полностью покрывают цветы, – произнес магистр.

– Аймаль, – кивнула я.

– Удивительно, – негромко произнес маг. – Всё удивительно...

Я повернула к нему голову и улыбнулась:

– Да вы же еще ничего не видели толком, друг мой. Только святилище и дом моей матери. Еще ее саму и Уруша.

– Мэ-э, – заревел мохнатый рох, на котором приехал в священные земли Танияр.

– И роха, – не стала я возражать. Тут же показал морду Малыш, и мне пришлось внести новое уточнение: – Еще йенаха.

– А вы говорите – почти ничего, – усмехнулся магистр. – Девочка моя, всё здесь – чудо. Разве же мечтал я, Мортан Элькос, дожив до своих лет, что однажды смогу открыть ворота в другой мир, да еще и сам окажусь там? Нет-нет, Шанни, каждая минута становится для меня восхитительным открытием. Я безмерно счастлив.

– Воля ваша, – улыбнулась я. – Наши чувства созвучны, друг мой. Я сама переполнена счастьем.

На пороге дома появилась Ашит. Она оглядела нас с Элькосом и кивнула на дверь:

– Есть идите.

– Мама приглашает нас к столу, – перевела я магу. – Лучше с ней не спорить.

– Я безумно хочу поговорить с ней, – сказал мне магистр. – Станьте моим переводчиком, дорогая. У меня столько вопросов.

– Непременно, – кивнула я. – Но вам нужно знать, Ашит отвечает только то, что считает нужным.

– Да-да, я помню, по каким принципам живет ваша названная матушка, – кивнул Элькос и посмотрел на меня: – Но вы уж постарайтесь ее разговорить.

– Хотите языки отморозить – мешать не буду, – уведомила нас шаманка. – И лечить тоже.

– Поспешим, – взяв мага за руку, сказала я, и мы направились к дому.

Однако войти мы так и не успели, потому что в двери показался Танияр. Он был одет и явно намеревался покинуть священные земли, потому что более причин быть сейчас в шубе у него не имелось. Я вопросительно приподняла брови, и супруг улыбнулся:

– Вернусь с повозкой. Втроем нам на рохе не уместиться. Идти далеко, а сейчас зима.

– Я поняла тебя, милый, – ответила я и подалась к нему.

Танияр коснулся моих губ легким поцелуем, после провел по щеке тыльной стороной ладони, и я отступила, позволив ему пройти к роху.

– Я буду ждать, – тихо сказала я ему вслед, но дайн услышал.

Он обернулся и ответил:

– И я вернусь к тебе.

Я еще некоторое время смотрела, как супруг забирается на роха и мохнатый, с виду неуклюжий зверь уносит его в бескрайнюю даль. Мне вдруг вспомнился в этот момент день, когда к маме приезжали трое всадников с вопросом. Она тогда прятала меня в лихуре. В тот день я также смотрела им вслед, но из окна, сгорая от любопытства и желания поскорее познакомиться с жителями Белого мира, но мудрая Ашит не спешила показывать меня.

Теперь я точно знала, что было тому причиной – предвзятое отношение к тем, кто отличается от любимых детей Белого Духа. А я тогда была не только зеленоглаза, но и рыжеволоса... Интересно, сейчас Отец волосы мне не выбелил заново, пока мы шли по пещере, значит, теперь Он хочет, чтобы я осталась собой. Как тагайни примут меня с этим пламенем на голове? Хорошо примут. Многие знали из моих рассказов, какая я на самом деле. Им будет любопытно, и не более. Я ведь по-прежнему их...

– Ашити!

– Иду, мама!

Послав вслед супругу воздушный поцелуй, я поспешила войти в дом и, сняв шубку и шляпку, сразу направилась к очагу. Я все-таки замерзла. Одежда моего родного мира грела хорошо, но здесь зимы были холоднее. Да и подошва сапожек оказалась тонка. Протянув руки к огню, я бросила на Ашит вороватый взгляд, ожидая выговора, но шаманка не спешила бранить меня.

Она что-то смешала в глиняной кружке и поднесла мне.

– Пей. Дайнанчи должен быть здоров, как и его мать. Пей, – повторила она и направилась к столу, за которым уже сидел Элькос.

Магистр водил взглядом по сторонам, и мне вдруг стало любопытно, как он, проживший большую часть жизни в роскошных покоях в королевском дворце, воспринимает простоту дома шаманки? Усевшись на свое место, я допила настой и, отставив кружку, спросила:

– Вас не пугает скудость после великолепия королевских чертогов, друг мой?

Маг ответил мне рассеянным взглядом. Наконец улыбнулся и махнул рукой:

– Ну что вы, душа моя, это всё мелочи. Я ведь не изнеженный аристократ, и богатство для меня не в золоте, а в наличии ресурса. Сейчас у меня его столько, что впору лопнуть. Так что у меня много поводов радоваться, но ни одного унывать.

Улыбнувшись ему, я перевела взгляд на шаманку и пояснила ей, о чем мы говорили. Она покивала и подвинула поближе ко мне тарелку с пирогами:

– Ешь. И он пусть ест. Скажи, Отец рад принять еще одно дитя.

– Белый Дух говорил с тобой, мама, – утвердительно произнесла я. – А... Отец не мог бы... – я замялась, и Ашит ответила прежде, чем я довела свою мысль до конца:

– Сам скоро научится. Он – хамче, помощь не нужна.

– Хамче? – переспросила я и нахмурилась, вспоминая книгу Шамхара.

Хамче... Это слово было мне незнакомо, и адан его не поминал. Вот о шаманах было, а про хамче...

– Дар в нем, – пояснила мама, так и не дождавшись, когда я пойму сама. – Много подарков – избалуется. Сам научится.

– О чем вы говорите? – спросил магистр. – И почему вы хмурились?

Теперь я пояснила Элькосу, о чем мы говорили, и маг оживился. Он поглядел на шаманку и спросил уже у нее, но, разумеется, я переводила:

– Стало быть, я могу вмешаться в разум человека? Там, откуда я пришел, это запрещено, если передо мной не преступник. Для этого нужно иметь особый дар.

– Отцу решать, кому и что дозволено, – ответила Ашит. – Сказал, сам говорить обучишься быстро.

– Ох, – только и ответил магистр. Он некоторое время молчал, переваривая первое послание Создателя, а потом спросил: – А я смогу... смогу увидеть Белого Духа?

– На всё воля Отца, – ожидаемо ответила мама, и я склонила в почтении голову:

– Отец мудр.

Шаманка покивала и, потянувшись, провела ладонью по моим волосам. После отстранилась и велела снова:

– Ешь.

Указав магу на блюдо с пирожками, я взяла первый и с удовольствием потянула носом, вдохнув хорошо знакомый уютный запах. И в эту минуту ни один гастрономический изыск не мог сравниться с мамиными пирожками. Это было, как ощущать аромат гармонии или счастья.

– О Хэлл, как же хорошо, – с умиротворением произнесла я и откусила первый кусочек, не забыв протянуть блаженно: – М-м-м...

– Ребенок, – усмехнулась шаманка.

– Да, весьма необычно, но вкусно, – отозвался Элькос.

Шаманка некоторое время наблюдала за нами, но вскоре встала из-за стола и отошла к моей бывшей лежанке. На ней, прислоненная к стене, стояла картина Элдера. Я проводила маму взглядом и последовала за ней с пирожком в одной руке и кружкой с этменом в другой. Остановившись рядом с Ашит, я улыбнулась:

– Это мои родные, мама, и друзья. За столом сидят мои родители и сестрица с мужем.

Шаманка нагнулась и с явным интересом всмотрелась в лица. Не знаю, что думала она в этот момент, но признаков ревности, испытанной моей родной матерью, я не заметила. Впрочем, я несправедлива, берясь сравнивать чувства двух близких мне женщин. Моя дорогая родительница выносила и родила меня, после растила и была рядом большую часть моей жизни. Да и потеря дитя сыграла свою роль. Для Ашит я была лишь названной дочерью, принятой ею по велению Создателя. Она полюбила меня, это я знала так же точно, как то, что сама привязалась к ней всей душой. И все-таки шаманка всегда знала, что я рождена другой женщиной.

Но главное – это разница в характере моих матерей и в их взглядах и принципах. Они были совершенно различны. Ее сиятельство желала быть участницей едва ли не каждой минуты моей жизни, а Ашит, напротив, считала, что вмешиваться без крайней нужды нельзя. Мой опыт – это только мой опыт, и получить его могу лишь я сама. Но в совете отказа не было, а это очень немало.

– Хорошая семья, – наконец произнесла мама. – А это кто? Глаза хитрые. Гляжу на него и вижу лена.

– Верно, – я весело рассмеялась, – змей и есть. Это его светлость герцог Ришемский. Я его много поминала, когда рассказывала о своей жизни в родном мире. Нибо – мой друг.

Ашит посмотрела на меня и заметила:

– Ты другого другом называла. А этот тебя обижал, потом помощником в делах стал, только ведь для своей пользы. Но сейчас говоришь, что он – друг.

Отставив кружку с недопитым этменом, я, обняв ее за плечи, уместила голову на плече шаманки.

– И вновь ты права, мама. Фьер и в этот раз помогал мне, но в дороге мне стал защитой именно Нибо. Он хитер, умен, но добродушен и может быть благородным. А еще он стал другом не только мне, но и Танияру.

– Да будет так, – кивнула Ашит и повторила: – Хорошая семья.

Мы вернулись к столу, где нас ждал магистр. В его глазах было любопытство и много-много вопросов. Элькос вдруг представился мне мальчишкой, попавшим в магазин, полный игрушек или сладостей, и теперь он не знает, за что схватиться сначала. Но хочется много и сразу. Я невольно рассмеялась.

– Что рассмешило вас, Шанни? – спросил маг.

– Вы показались мне забавным, друг мой, – ответила я. – Я кожей ощущаю, сколько вопросов вас полнит, и это напомнило мне ребенка, которого распирает от любопытства.

– Но мне ведь и вправду многое интересно, – пожал плечами магистр. – Однако я пока не стану лезть с вопросами и не буду мешать вашей беседе. Вы разговаривайте, а я попробую выучить язык, раз уж Создатель этого мира говорит, что мне это подвластно.

– Я поняла вас, – улыбнулась я и оставила мага в роли наблюдателя и слушателя.

Однако вновь заговорить я не спешила. Сначала хотелось насладиться собственными ощущениями. Я ела пирожки, попивала этмен и вдыхала запахи, царившие в доме шаманки. И единственным, что выбивалось из устоявшейся за год картины мира, было присутствие магистра. Он не казался неуместным в доме шаманки и в то же время пока был чуждым осколком иной реальности. О нет, ни в коем случае не вздумайте даже допустить, что я сожалела о его присутствии! Попросту видеть моего старого доброго друга в данном антураже было непривычно. Но и я ведь когда-то была чужда Белому миру.

– Мама, – скинув блаженное оцепенение, заговорила я. – Ты знала, что светловолосых племен было три, а не одно?

– Расскажи, – благожелательно кивнула Ашит, так и не дав мне ответа. – Всё расскажи, что узнала.

Мне вдруг подумалось, что она всегда знала больше о прошлом своего мира, чем рассказывала. Я едва удержалась, чтобы не спросить, но решила оставить вопросы на потом. Если мама до сих пор ничего не сказала, значит, и дальше будет хранить молчание. Переупрямить шаманку было попросту невозможно. И потому я перешла к повествованию Шамхара, начав его от рождения Белого Духа...

Ашит слушала, кивая время от времени, то ли подтверждая мои слова, то ли одобряя полученные знания, то ли просто принимая к сведению. А мне, пока я говорила, вдруг подумалось, что впервые я передаю забытую историю правильно – на языке Белого мира. Именно так она должна была звучать, именно так и была гармонична. Даже Танияру я рассказывала ее на своем родном языке. А теперь послание Шамхара, будто бриллиант, заиграло гранями, наполнившись ледяным светом Создателя.

Но особенно мне хотелось рассказать шаманке о религиозном культе, как блюли его в древности. Это и вправду было интересно. Начать хотя бы с савалара. Он олицетворял собой сам Белый мир. Когда-то Отец создал его как дом для себя и своей семьи. И савалар был домом духов. Не существовало храмов, посвященных кому-то одному, они все были вместе. И то святилище, которое показал мне Создатель в Даасе, было таким же, как любое другое в ином месте Белого мира.

Аданы, служившие в саваларе, не являлись священниками. Они не творили обрядов, не проводили ритуалов. Люди напрямую обращались к духам, посредник в этом был лишним. В общем, ничего общего со священнослужителями моего родного мира, как и с храмами. Аданы были учеными и зрителями, а также воинами, охранявшими священные стены. Они помогали тем, кто искал помощи, и не мешали тем, кто желал уединения.

А вот шаманы к саваларам отношения не имели. Их как раз можно было назвать колдунами и чародеями, которые творили ритуалы с помощью духов. Шамхар отзывался о шаманах, как мне показалось, с толикой, нет, не пренебрежения, но иронии и снисходительности, какая была в словах Ашит, когда она говорила о знахарке Орсун. Хоть и признавали их дар, но почитали немногим выше знахаря.

Как и сейчас, шаманы жили в уединении и принимали учеников, если видели в них искру дара. Впрочем, в древности у шаманов не было того почитания, каким они обладали сейчас. К ним бегали за помощью, если отчаялись отыскать ее в ином месте. Призывали, однако, не афишировать это. Это даже считалось дикостью.

– А сейчас не осталось аданов, и шаманы приняли на свои плечи заботы о сбережении веры, – улыбнулась я.

– И сейчас, как раньше, – возразила мама. – Живем подальше от людей, чтим духов и идем, когда позовут. Мы не наставляем, не учим, только помогаем, когда об этом просят. Только тем с аданами похожи.

– Да, наверное, ты права, – чуть подумав, кивнула я. После поднялась из-за стола и отошла к окну. Здесь уселась на лавку и посмотрела на улицу. Однако белая пустыня была по-прежнему безлюдна, и я обернулась к Ашит: – Попросту, кроме шаманов, не осталось иной связи с духами. Шаман стал проводником воли Создателя, но не служителем культа, кем были аданы. Они не только поддерживали веру, но и делились знаниями. А теперь наставлять некому. Шаманы держат знания при себе, и народы отдалились друг от друга. Это неправильно.

– Вот и исправь, – пожала плечами Ашит. – Ума тебе хватит, как людей в нужную сторону повернуть. А муж тебе поддержкой станет. Не зря Отец его избрал первым из первых, не просто так тебя в жены дал. Знал, кому свои помыслы доверить. Вы с Танияром уже дорожку в нужную сторону топтать начали, а теперь и верное слово есть. А у меня свои законы, их держаться и дальше буду.

Я чуть помолчала, раздумывая не столько над ее словами, сколько над тем, что сама только что рассказала. Почему исчезли аданы? Шаманы остались, а служители Белого Духа – нет. Почему не повели свою паству дальше, уберегая от разделения? Хотя... Нет савалара, нет адана. Зато есть халимы. Быть может, ученые при храме стали просто учеными и, как все остальные, забыли свою историю и прежние науки? Вполне возможно. А шаманы сохранили свою связь с Создателем. Или же Он сохранил с ними связь, чтобы уже они стали проводниками Его воли. Возможно...

– Что-то Танияр не едет, – задумчиво произнесла я, снова поглядев в окно.

– Приедет. Как говорить закончишь, так и приедет, – ответила мама. – Тебе еще есть что сказать. Рассказывай. – И я продолжила.

Говорила опять только я. Ашит по-прежнему кивала, а магистр то закрывал глаза, и казалось, будто он задремал, то вновь следил за мной взглядом. Иногда в нем мелькала досада, но потом он вновь рассредоточивался, и Элькос становился отрешенным, а затем вновь прикрывал глаза. Досадовал ли маг на то, что не понимает ни слова, или же на что-то еще, я не могу сказать, да особо и не собиралась вникать в тот момент. Мои мысли наполнила история Белого мира, и я продолжала описывать названной матери давно минувшие времена так, как рассказал мне о них главный адан савалара «Сияющий в Пустоте».

– Я еще не дочитала, – немного передохнув, произнесла я, когда мое повествование подошло к завершению. – Но у меня появилось ощущение, что речь вот-вот пойдет о восстании Илгиза и крахе целой цивилизации. Признаться, мне тяжело переходить к этой части. Прошлый мир был прекрасен. Да, понимаю, что Шамхар описывал мне историю в общем, он просто не сумел бы в одном шахасате передать все события. В его изложении это чистый мир без вражды и злобы. Однако Танияр прав, возможно, хватало и распрей, но адан желал оставить потомкам память именно о таком прошлом как об идеале, к которому нужно стремиться.

– Может, и так, – пожала плечами шаманка и поднялась из-за стола. – Соберу тебе травок. Хотя у тебя сейчас будет он, – мама кивнула на Элькоса, – он и без травок помочь сможет. Но я соберу. Зачем тратить дар, когда можно просто выпить травку?

– Ты мудра, мама, – улыбнулась я, но все-таки добавила: – Я чувствую себя хорошо. Мне ни разу не было дурно за всё время, что я ношу дитя. Ты что-то видишь, мама?

Она подошла ко мне и ткнула пальцем в лоб, как обычно не заботясь о силе прикосновения, и моя голова откинулась назад. Впрочем, обижаться я не стала. Лишь в глазах мага появилось недоумение, ему подобное обращение с благородной дамой было в новинку. И это Элькос еще не знал о затрещинах, которыми одаривала меня названная мать за непонимание!

– Глупая, – сказала шаманка. – Зима на улице, а ты ведь у печи сидеть не будешь. Опять побежишь по Иртэгену, куда голова укажет.

– Верно, – я усмехнулась. – Дел много, сидеть некогда. – А после склонила голову: – Спасибо за заботу, мама.

Ашит теперь ласково провела ладонью по моей голове и снова направилась к своим травкам. И в это мгновение Уруш, до того дремавший на своем месте, вскочил на лапы и развернулся мордой к двери. Он подобрался, заворчал, а я встрепенулась. Понять причину, по которой турым готов зареветь во всю немалую мощь своих легких, было несложно.

– Танияр едет, – огласила я очевидное для меня и шаманки, а после перешла на родной язык и пояснила Элькосу: – Танияр возвращается.

И поспешила к окну, заведомо зная, что, скорее всего, пока никого не увижу. Уруш чувствовал приближение гостей задолго до того, как их можно было разглядеть обычным человеческим взглядом. Сам турым, постукивая коготками по полу, последовал за мной и запрыгнул на скамью.

– Ждем, – сказала я своему маленькому другу.

После зарылась пальцами в его кудряшки, и турым снова заворчал, но уже от удовольствия. Улыбнувшись ему, я устремила взгляд в окно, однако, как и думала, пока еще никого не увидела. А потом пришла мысль, что вскоре я вернусь в свой дом, по которому безумно скучала. Увижу людей, чьи лица полнили мои сны. Услышу тысячу вопросов разом и буду купаться в искреннем простодушии айдыгерцев.

– Как любопытно, – произнес за моим плечом Элькос. Я обернулась к нему, и магистр пояснил: – Ваш супруг покинул нас всего четыре часа назад, а вы так радуетесь его возвращению, будто разлука длилась четыре недели. Или вы опасались за государя?

– Я не могу без него, – ответила я и вдруг смутилась.

Признание было искренним, и я невольно открыла затаенное... интимное. Оно вырвалось само собой, и я потупилась, а после вновь отвернулась к окну. Элькос накрыл мое плечо ладонью и пожал его.

– Я рад, душа моя, – сказал он. – Я безмерно рад, что ваше сердце полнится тем чувством, на какое способно. А еще рад тому, что вам отвечают тем же. Наконец-то в вашей жизни всё настоящему, а не тот суррогат, в котором вы существовали во дворце. Нет, король любил вас, это несомненно. Особенно в первые годы, однако это чувство было лишь тенью той великой любви, которую он испытывает к себе самому. Впрочем, из всех теней ваша имела самые четкие очертания.

– Я не желаю быть тенью, но желаю дышать полной грудью, – рассеянно ответила я. – И я дышу.

– В этом нет никаких сомнений, – произнес маг, и я подалась вперед:

– Вот он, друг мой, смотрите.

Среди белоснежного покрова, укутавшего священные земли, стали приметны несколько темных точек. Пока еще сложно было понять, кто едет и сколько вообще человек, но уже понятно, что Танияр не один.

– Кажется, дайн не один, – заметил маг. – Кто же с ним?

– Должно быть, ягиры, – ответила я, не отрывая взгляда от тех, кто поспешал к дому шаманки.

С этими словами я встала и направилась к своей шубке. Мама повернула голову мне вслед, но говорить ничего не стала, хоть по глазам и читалась укоризна. На то она и мама, пусть и названная, чтобы заботиться о своем дитя. Однако остановить меня было невозможно, да и незачем.

– Куда вы, Шанни? – спросил меня Элькос.

– Выйду навстречу, – ответила я и широко улыбнулась: – Я соскучилась. По всем соскучилась.

– Ветер – он и есть ветер, – сказала мама и махнула рукой.

Рассмеявшись, я оделась, натянула шляпку, так и не завязав ленты, а после поспешила за дверь. А вместе со мной юркнул из дома и Уруш. Он посмотрел на меня, а затем, будто спущенная с тетивы стрела, бросился навстречу людям, ехавшим к нам. И я бы бежала за ним, если бы не глубокий снег и моя беременность. Сейчас такие развлечения были для меня недопустимой роскошью, и я осталась ждать у дома, продолжая следить за приближением мужа.

А вскоре я различила, что едут трое. Еще было непонятно, кто правит повозкой, но ее сопровождали двое всадников. Гордые воины меняли зимой своих скакунов на ездовых рохов, потому что по снежной толще лучше и быстрее передвигались именно эти тяжелые и с виду неповоротливые животные. А бедные саулы ожидали прихода весны, чтобы вновь нести своих седоков во весь опор по зеленому благоухающему ковру.

В общем-то, саулы зимой теряли все свои преимущества по единственной, но главной причине – в эту пору сражались с дикими животными, а не с людьми. Войны и долгие путешествия происходили летом, когда не угрожали голодные стаи и ночные метели. А потому быстроногий защитник, бег которого затруднял глубокий снег, становился бесполезен. А вот рохи спокойно пробивали себе дорогу в ледяной толще.

Однако я отвлеклась, как делала уже множество раз, а между тем всадники уже приблизились настолько, что я могла различать их лица. Впрочем, черты всё еще были неприметны, и, понять, кто именно едет, я пока еще не могла. И единственный, кого я опознала, – это был мой супруг. Сам дайн правил крытой повозкой, в которой нас с магистром повезут в Иртэген.

А еще спустя несколько минут я радостно всплеснула руками, теперь узнав своих телохранителей. Ну, конечно же! Кто бы еще поехал с Танияром до самого дома шаманки, если не они!

– Юглус! Берик! – воскликнула я и вот теперь поспешила навстречу.

За моей спиной скрипнула дверь, но на это я не обратила внимания. И на Уруша, кинувшегося мне в ноги заснеженным кудрявым комком, тоже. Я прошла быстрым шагом по утоптанной колее и застыла на кромке, разделявшей шаманское подворье и остальные священные земли. После вскинула руку и помахала всем мужчинам разом.

Юглус, теперь я могла распознать ягиров, помахал мне в ответ. Мой первый телохранитель широко улыбнулся:

– Заждались тебя, дайнани. Долго же ты плутала по дорогам среди звезд.

– Дайн привел меня обратно на благодатную землю, – весело ответила я.

Берик казался более сдержанным. Он ничего не восклицал и не махал руками, но первым спешил и опустился передо мной на одно колено. Взяв его за плечи, я мягко велела:

– Встань, Берик. Сейчас тебе корить себя не за что. Впрочем, как и прежде.

– Я ждал тебя, – сказал ягир, поднявшись на ноги.

– И я вернулась, – ответила я. – Улыбнись, если рад меня видеть.

Губы ягира дрогнули в улыбке, и он произнес:

– Я рад тебя видеть.

– Милости Отца, Берик, – с ответной улыбкой сказала я и тепло обняла воина.

Мой телохранитель замешкался, но вскоре я ощутила, как его ладони легли мне на спину, и Берик наконец расслабился. А потом меня обнял Юглус, посчитав, что я буду не против. А я и не была против, даже рассмеялась, когда увидела лукавый блеск в его глазах. Этот телохранитель ни в чем себя не винил и был в этом совершенно прав. Мое исчезновение было волей Создателя.

– Все потрогали мою дайнани? – любопытствовал Танияр, но в его голосе не было ни негодования, ни даже толики ревности. Только ирония.

– Не дайнани, – возразил Юглус и указал взглядом на мой живот: – Дайнанчи. Раз уж Ашити его прячет, то остается трогать саму Ашити.

А потом его взгляд скользнул мне за спину, и лицо неувовимо поменялось, превратившись в хорошо знакомую мне маску каменного изваяния. То, что к нам подошел магистр, я не услышала, но по лицам ягиров поняла сразу. Обернувшись, я взяла Элькоса за руку и произнесла:

– Это магистр Мортан Элькос. Он добрый друг моей семьи и меня знает еще с пеленок. У нашего Айдыгера появился новый сын. Отец принял магистра и дал позволение пользоваться силой этого мира. Он – хамче.

В отличие от меня, ягиры сразу поняли, что подразумевает это слово, и почтительно склонили головы, но и только. Привычная маска так и осталась на их лицах. И я обернулась к магу.

– Позвольте представить вам, магистр, моих добрых друзей и телохранителей. Они – ягиры, но всегда сопровождают меня. Юглус, – я указала на названного воина, а затем на второго телохранителя: – Берик.

– Рад знакомству, – с улыбкой ответил маг, а я перевела.

– Милости Отца, – произнес Берик.

– Милости Белого Духа, – приветствовал нового знакомого Юглус.

– Теперь можно и в Иртэген, – усмехнулся Танияр. – Скоро начнет темнеть, а там и метель завоет. Надо поспешить. Рох не саул, быстро не домчит.

Произнес он это на языке моего мира, потому Элькос ответил:

– Скоро я выучу направления, и тогда добираться до места можно будет быстрее, чем на сауле.

Чтобы не быть невежливыми, я перевела диалог ягирам, и Берик отмахнулся:

– Быстрее саула никого нет.

– Ты просто еще не знаешь силу хамче, – подмигнула я. – Мы могли бы сейчас уже оказаться в Иртэгене, но магистру нужно кое-что запомнить для этого.

– Всему свое время, – сказал Танияр уже на языке Белого мира и подвел итог разговору: – Поклонимся вешей и уезжаем. – Возражений ни у кого не нашлось.

Мама уже успела сложить в мой саквояж мешочек с травами и сверток с оставшимися пирогами. Она с достоинством кивнула вошедшим ягирам, отвечая на их приветствие, после приложила ладонь к моему лбу, благословляя, а затем обратилась к Танияру:

– После праздника лета жену привози. Здесь дайнани первый вздох сделает.

– Как скажешь, вещая, – склонил голову дайн.

– Ступайте.

Полог повозки закрывать не стали по моей просьбе. Ветер еще не поднялся, а мне хотелось увидеть тех, кто ждал нас у границы священных земель. И не только ягиров, но и сами земли Айдыгера. Хотел того же и Элькос, и для того, чтобы получить подтверждение этой мысли, не нужно было спрашивать. Кому не хотелось бы рассмотреть свой новый дом во всех подробностях?

– Не жалеете о принятом решении, друг мой? – спросила я, пока мы еще ехали по священным землям.

– О чем? – изумился маг. – Моя душа открыта Белому миру. Я хочу увидеть всё, о чем вы рассказывали, и познакомиться с людьми тоже хочу. К тому же мы здесь всего несколько часов, а для сожалений нужно времени значительно больше. Впрочем, я уверен, что для них попросту не будет повода. Кстати, – он поерзал, устраиваясь удобнее на жесткой деревянной скамье, укрытой шкурой. – Каким словом вы называли меня? Хам... Хамше, кажется.

– Хамче, – улыбнулась я и пояснила: – Вы тот, в ком есть дар. Так назвала вас не я, а мама. Я лишь повторила.

Однако напоминание о новом для меня слове всколыхнуло любопытство. Я ведь и вправду ни разу не слышала его из уст жителей Белого мира, однако ягирам оно оказалось знакомым. Магией в известном мне смысле здесь не обладали, но слово, оказывается, имелось.

– Милый, – позвала я. А когда Танияр обернулся, спросила: – Тебе знакомо слово «хамче»?

– Да, конечно, – ответил супруг. – Почему спрашиваешь?

– Потому что я его никогда не слышала, – пояснила я. – Мама назвала магистра «хамче», но ведь магов в Белом мире нет... таких, как господин Элькос.

– Это слово не означает мага, – с улыбкой пояснил дайн. – Так называют людей, наделенных талантами. Тех, кому Отец преподнес свой дар при рождении. Слово используют нечасто, обычно говорят, что человек в чем-то лучший, что он мастер. Хамче уважают, но для этого нужно, чтобы его имя знали во многих таганах. Такое бывает очень редко, потому что каждый таган считает, что его мастера самые лучшие.

– Поняла. – Мое любопытство было удовлетворено. – Значит, всё верно. И пусть о магистре еще никто, кроме нас, не знает, но в нем дар Высших Сил. И тогда мы не станем навязывать людям чуждое им слово – маг, раз уж в этом мире уже имеется свое название одаренных.

– Верно, свет моей души, – улыбнулся Танияр, а магистр хмыкнул и повторил:

– Ну, хамче так хамче.

Ягиры нас не поняли, но любопытства, как водится, не показали. Воины выше любопытства, даже если от него ломит зубы. А вот у меня появился новый повод для проявления любознательности. Существуют ли в Белом мире другие одаренные? Быть может, есть что-то вроде спящего источника и будущего мага-хамче можно пробудить? А главное, нужно ли это?

Я даже заерзала и обернулась, но за мной была только плотная ткань полога. Должно быть, мы уже немало проехали и были много ближе к границе священных земель, чем к дому шаманки. Требовать повернуть назад я не стала и оставила свои вопросы на потом. Успеется.

– Что встревожило вас, душа моя? – спросил Элькос.

– Пришла в голову мысль, – ответила я. – Пока оставлю ее при себе. Сначала хотелось бы посоветоваться с мамой.

– Все-таки пока непривычно, что вы называете матерью не Элиен, – заметил магистр. – Но я еще ко всему привыкну.

– Позже попробуем отправить послание их сиятельствам, вдруг выйдет. И тогда им будет спокойней, – сказала я, вглядываясь вперед. Уже были хорошо приметны деревья, а значит, скоро мы окажемся на наших землях. Я улыбнулась и, сжав руку Элькоса, произнесла: – Но вот и Айдыгер, друг мой. Знакомьтесь.

– Невероятно, – шепнул наш хамче и устремил взгляд вперед.

Глава 2

– Ну что ты ворчишь? Разве саулы ворчат? Нет, они добрые, милые и замечательные. А ворчат только вредины и...

– Ветер.

Я обернулась и одарила неодобрительным взглядом Юглуса, который привалился к стене напротив стойла моего скакуна.

– Мьяв, – Ветер напомнил, что пришла я в ашруз ради его сиятельной персоны и отвлекаться на всех прочих, даже если это собственный телохранитель, права не имею.

– Прости, – извинилась я перед саулом, – нас прервали. Так вот...

Это была не первая наша встреча с Ветром после моего возвращения. Впрочем, о первой я все-таки расскажу. Она произошла почти сразу после того, как мы вошли в Иртэген.

– Жизнь моя, будь с ним строгой, – напутствовал меня Танияр. – Это ради него самого. На подворье ты привести его не сможешь. В доме саулу делать нечего, а на улице он замерзнет первой же ночью. У нас нет ничего, где можно его оставить. Помни, это ради него, – без тени улыбки напомнил супруг, и я кивнула, соглашаясь.

Как быть строгой со страдающим саулом, я не представляла. Когда мы с Ветром встретились после моего второго похищения илгизитами, он хотя бы успел выказать и радость, и недовольство. А сейчас мне предстояло показаться бедняжке и оставить его в стойле...

– Ох, – вздохнула я и вошла в ашруз.

Ветра я обнаружила в полном унынии. Он отвернулся к стене и, склонив голову, уперся в нее лбом. Сердце мое наполнилось жалостью в то же мгновение. Подбородок мой задрожал, и по щекам побежали слезы.

– Мой дорогой мальчик, – всхлипнула я. – Мой бедный Ветер...

Он вскинул голову и порывисто обернулся. Короткий миг взирал на меня, а после издав душераздирающее: «Мьяв!» – бросился на дверцу стойла.

Я обхватила шею саула руками, пытаюсь удержать от попытки сделать себе больно. Не стану рассказывать во всех подробностях, какой поток эмоций был излит на меня верным скакуном, он мало чем отличался от прежнего. Негодование, жалобы – всё это было обрушено от всей саулей души. Мы даже поругались немного, когда я уже пыталась уйти. Я едва успела отвернуться, как Ветер схватил меня зубами за плечо. Больно не сделал, но держал крепко. И повторял это каждый раз, как только я вновь собиралась удалиться. В результате довел меня до белого каления. После того как высказалась уже я, скакун гордо отвернулся. Фыркнув, я ушла, не забыв, правда, пообещать:

– Завтра приду к тебе.

Обещание, разумеется, я выполнила. И за ту неделю, что вернулась, навещала Ветра по три раза на день. Но даже если бы сейчас было лето, я бы не села на него, потому что был кое-кто, имевший, несомненно, большую ценность, чем саул, как бы я ни любила своего скакуна. И просто гулять я его не выводила, чтобы не расстраивать нежеланием сесть в седло. Выгуливали его ашеры, а я приходила в ашруз, чтобы мой мальчик привык к мысли, что я вернулась и больше никуда от него не денусь.

Он, конечно же, моему появлению был рад, но в силу своего характера не мог отпустить, не посетовав на свое нынешнее положение. И тогда происходили беседы, которые забавляли ашеров, моих телохранителей и Элькоса, который сопровождал меня повсеместно, знакомясь с людьми и Иртэгеном в целом. Но о хамче я расскажу чуть позже, пока же мне надо было закончить ворковать с Ветром.

– Не надо ворчать, мой дорогой, – вернулась я к прерванному диалогу. – Ты же знаешь, что я скоро снова приду к тебе. Я больше никуда не денусь, уверяю тебя! Ну, посмотри. – Я

распахнула шубу, сменившую шубку матушки, и показала свой живот. – Куда мне сбегать? Я уверена, что исполнила всё, что желал Создатель, остальным же буду заниматься в Айдыгере, а значит, ты будешь со мной.

– Мьяв, – возразил саул.

– Не могу я на тебя сесть, понимаешь? Потерпи, дорогой. Придет весна, и ты повозишь меня в повозке. А когда родится дайнанчи и я оправлюсь, то мы непременно промчимся с тобой во весь опор. Ты же знаешь, как я обожаю твой бег.

– Всё же они различны с Аметистом, – произнес Элькос, наблюдавший за мной. – Мне поначалу показалось, что история повторяется, но ошибся. Аметист был величайшим эгоистом, и весь мир должен был крутиться вокруг него. А Ветер привязан к вам, душа моя, и отсюда все эти пассажи и ваши уговоры.

– Верно, – ответила я, поглаживая саула. – Аметист и Ветер схожи лишь на первый взгляд, они оба невероятно артистичны. Но господин Аметист пользовался своим даром, чтобы привлечь к себе внимание. А Ветер желает быть рядом, потому что дорожит мной. Впрочем, он умеет быть тираном, а я попадаю под влияние что афериста, что опекуна. Уж таково мое женское сердце, – обернувшись, с улыбкой закончила я.

– Мьяв, – встрял саул.

– Нет уж, – я вернула ему свое внимание, – нам пора прервать дискуссию до следующей встречи. Уж прости, но у меня еще есть дела.

И я отступила назад, увеличив между нами расстояние настолько, чтобы Ветер не мог удержать меня, уже привычно ухватив зубами за плечо. Саул зашипел, выразив неодобрение, но я не поддавалась, и визит на этом был окончен.

– Куда идем? – спросил хамче, пристроившись рядом, когда я выходила из ашруза. – На курзым?

– Нет, – ответила я. – Там мы уже были несколько раз. Я увидела всё, что хотела, и всем довольна. Эчиль и Керчун – молодцы. Впрочем, я изначально думала, что людям нужно лишь указать направление. Они слишком долго спали, но теперь глаза открываются, и я безмерно этому рада.

– Когда вы расскажете им их историю?

Я посмотрела на магистра, после отвела взгляд и отрицательно покачала головой:

– Пока рано, мой друг. Я еще не всё прочитала и не во всем разобралась. Когда сойдет снег, мы прокатимся с вами на другую сторону священных земель. Я хочу узнать, что там находится. К тому же говорить надо не только с тагайни. Белый мир – это все его дети. Но тем, кто к нам ближе, я все-таки кое-что расскажу раньше остальных. А как ваши успехи?

– Продолжаю разбираться, – уклончиво ответил Элькос, и я поняла, что у него всё еще не получается.

Я спросила магистра о его попытках выучить язык Белого мира. То, что новоявленный хамче воспринял с энтузиазмом, на деле оказалось не так уж и просто. Тут сказилось отсутствие опыта работы с чужим сознанием. Да, он мог влезть в голову и заставить открыть все затаенные мысли, но это было вовсе не то, что помогло бы магу заговорить без уроков и пояснений.

– Понимаете, девочка моя, – говорил мне Элькос, – то, что я делал прежде, можно сравнить с топором, которым пытаются вырезать тонкий узор из бумаги. Сейчас же мне необходимо, не нанеся вреда носителю, получить его знания. Это ювелирная работа, и топор уже не поможет. Я не менталист, и нас не обучали работать с разумом человека. Тут ведь этическая подоплека, сами понимаете. Однако Белый Дух сказал, что я могу с этим справиться, и значит, мне это и вправду под силу, а потому буду и дальше искать путь.

Я одобительно улыбнулась. И желанию магистра искать путь, и его отношению к людям, но не меньше меня порадовали слова о Белом Духе. Элькос принял Отца, как Он принял новое дитя. Одна только эта его фраза «Однако Белый Дух сказал, что я могу с этим справиться, и

значит, мне это и вправду под силу...» говорила о том, что он видел в Ашит лишь посланца, но отправителем – Создателя. Ни капли сомнений в том, чьими устами стала шаманка, и это безмерно радовало.

– Я пробовал всяко, – тем временем продолжил нашу беседу Элькос. – Я пытался считывать с ауры, но, конечно же, более чем состояние и чувства говорящего человека не уловил. Нужно прожить хотя бы половину того времени, что существуют танры, чтобы научиться большему. Я осторожно проникал в сознание, чтобы попытаться увидеть образы, и уже по ним сопоставить услышанные слова. А еще следил за говорящим, за движением его губ и языка, но понимания так и не пришло. Признаться, я в растерянности. Язык – это ведь песня души, он способен облекать в слова мысли и образы, а я остаюсь немым. Досадно. Во всем Белом мире есть только два человека, с кем я могу общаться, но этого безумно мало, когда вокруг тысячи людей. Это словно бы... словно узник! И только два сокамерника могут составить весь твой круг общения... – Неожиданно разгорячившийся магистр выдохнул и повторил уже тише: – Досадно.

Его слова натолкнули меня на одну мысль. Помогло бы это моему доброму другу, сказать было сложно, но я решила поделиться своими соображениями.

– Знаете, дорогой мой, – произнесла я, – когда-то Отец научил меня слушать музыку жизни. Вроде бы ничего особенного. Ты слышишь все эти звуки каждый день и не обращаешь на них внимания, потому что воспринимаешь каждый по отдельности, и это создает скорее какофонию, чем мелодию, полную гармонии. Я однажды упоминала об этом, а теперь повторяюсь, потому что ваши слова о песне души вернули меня в священные земли, где я танцевала для Него под мелодию жизни. Что если и вам попытаться сделать что-то подобное? Вряд ли я бы сумела таким образом изучить чужую речь, но вы ведь маг и, как маг, возможно, сумеете разложить слова на некие составляющие, которые будут вам понятны. Наверное, путано, но, надеюсь, вы меня поняли.

– Хм-м... – протянул магистр. – Что-то в этом есть. Я подумаю над вашими словами, дорогая. По крайней мере, попытаюсь. Благодарю, – он прижал ладонь к груди и поклонился.

– Если моя идея поможет, буду только рада, – улыбнулась я. – Чем быстрее люди начнут понимать вас, тем быстрее вы станете для них своим. Наш народ дружелюбен, но с подозрением относится к чужакам.

– Это уж верно, – фыркнул хамче и неприязненно передернул плечами.

О чем, точнее, о ком он подумал, я понимала – Сурхэм. Наша прислужница отнеслась с неодобрением к тому, что в доме дайна появился еще один жилец. Впрочем, более всего негодовала она из-за пола магистра. Мужчина в доме! И даже напоминание, что в доме каана мужчин всегда было немало, ее не успокоило.

– Ягиры охраняют, прислужники заботятся, а этот что делает? Целыми днями вокруг тебя вьется, по пятам ходит. А ты – жена дайна! И говорите непонятно...

Так что, подозреваю, главной причиной этой нелюбви было то, что Сурхэм попросту оставалась безмолвным свидетелем чужой беседы. Ни сунуть нос, ни дать совет, ни подслушать, в конце концов! Сплошные расстройств для любопытной тагайни. Однако свои расстройств она вымещала на маге, подчеркивая и без слов, что недовольна его появлением.

Конечно, с хранильницей нашего очага была проведена беседа. Я попыталась донести до Сурхэм, что Элькос – старинный друг моих родителей, что я для него как дочь и что его «безмолвие» ненадолго. Даже повысила тон и в тысячный раз напомнила, кому и что она пытается указывать. Прислужница в ответ тоже в тысячный раз надулась, задрала нос и... продолжила свои выходки, но уже вне поля моего зрения.

Элькос, как мужчина и мужчина взрослый, не жаловался и старался не сорваться. Тем более у него была немалая выучка в общении с государями Камерата, имевшими желчный характер. Однако Сурхэм оставалась всего лишь прислужницей, а не монаршей особой, и

потому мириться с ее предвзятым отношением приходилось по иным причинам, но со временем это могло и вовсе перерасти во взаимную вражду. И это я сейчас ясно увидела.

– Мы уговорим гарпию, – накрыв руку магистра ладонью, сказала я с улыбкой. – Сурхэм – добрая и заботливая женщина. Вредная и зачастую забывается, но на это у нее есть некоторое право. Танияр ей как сын, и меня прислужница также встретила с подозрением. Она бдительно охраняет честь и достояние своего господина, и я нашла путь к ее сердцу именно через отношение к Танияру. Попытаемся отыскать и ваш путь...

– Не намереваюсь пресмыкаться перед вздорной женщиной, – сухо ответил хамче, и я поняла, что Сурхэм начала сильно его раздражать.

– Вот уж чего я не предлагаю вам делать, так это пресмыкаться, – я укоризненно покачала головой и добавила: – Как не пресмыкалась и я. Мы просто с ней поговорили по душам. А раз пока вы этого сделать не можете, то остаются поступки. Поверьте, друг мой, я на вашей стороне.

– Ну... ну, хорошо, – проворчал Элькос, успокоенный моей поддержкой, – посмотрим, что можно со всем этим сделать.

Я вновь улыбнулась и, приобняв магистра, поцеловала его в щеку. Тут же за моей спиной что-то проворчал Юглус. Я обернулась к нему и ответила укоризненным взглядом.

– Хамче мне как второй отец, – сказала я.

– Как скажешь, дайнани, – ответил ягир.

Я вздохнула. Знание языка все-таки важно. Ягиры к новому айдыгерцу относились равно. Они не выказывали враждебности и не вредничали, как Сурхэм, но и сойтись с Элькосом не могли, попросту не понимая его и наших разговоров. Они привыкли к нашему с ними легкому общению, привыкли быть не только охранниками, но и собеседниками, помощниками и советчиками. Со мной они не хранили на лицах каменного выражения, но открывались и были самими собой. А теперь оказались вынуждены просто оставаться тенью, шагающими за двумя людьми, которые говорили непонятно о чем.

И я, остановившись, вновь обернулась к Юглусу. Взяв его за руку, я пожала ее и улыбнулась:

– Потерпи, мой друг, скоро он научится говорить на языке Белого мира, и тогда всё будет проще. Дай немного времени. А пока мы с Танияром остаемся единственными, кто может понять хамче. Ему тоже нелегко. Но магистру я дорога, и он хочет принести пользу Танияру и всему Айдыгеру. Он наш друг, и ты сам это увидишь, просто нужно еще немного времени. Понимаешь?

– Я понимаю тебя, Ашити, – кивнул телохранитель, пожав мне руку в ответ.

– Так куда мы идем? – спросил Элькос.

– На стену, – пояснила я ему. – Хочу еще раз позвать, вдруг откликнутся.

И вот теперь я подошла к самому печальному событию, случившемуся за время моего, а после нашего отсутствия с Танияром. Наши рырхи... они убежали. Да, моя клыкастая гвардия, защитники Иртэгена от голодных стай, ушли в одну из этих стай. Впрочем, они выполняли возложенные на них надежды и, пока дайн не покинул Белый мир, ходили с признанным ими двуногим вожаком за стену.

Танияр пробовал отправлять рырхов одних с ягирами, но тут возникла неожиданная сложность – воинам хищники повиноваться не желали. Нет, они шли вместе с людьми, но начинали яриться и требовать подчинения, если тот же Берик лез вперед и не понимал, чего хотят звери. Происходило почти то же самое, что и на первой охоте с кийрамами. Бежать вместе можно, убивать тоже, но не лезть поперек Мейтта. Правда, кийрамам было запрещено приближаться к убитой добыче, от ягиров же рырхи ждали только признания их верховенства.

Но, что примечательно, в стенах Иртэгена рырхи становились милы и безобидны. Они ни на кого не рычали, любили заглянуть на курзым, чтобы получить свою порцию свежего мяса,

приготовленного торговцами, могли дурачиться и играть посреди улицы... О, не думайте, что им позволяли бегать по поселению в одиночестве. В эти минуты рядом был Танияр.

Правда, на курзым мои звери могли сбегать после возвращения из-за стен, вместо того чтобы войти на наше подворье, но после курзыма шли в свое «логово» без всяких понуканий и сопротивления. Люди даже перестали обращать на них внимание. Впрочем, дурных, кто бы пожелал подойти к хищникам, не имелось. Иртэгенцы шли по своим делам, рырхи по своим.

Но вернемся к защите Иртэгена от голодных стай. Увидев, что выход с воинами за ворота может закончиться трагически для людей или рырхов, Танияр принял решение выпускать зверей одних. Теперь ягиры помогали им со стен, если видели, что на наших подопечных могут напасть дикие собратья. Так прекратились распри, и угроза нападения на своих оказалась сведена к нулю. И как только стаи уходили, наша троица заходила в ворота. А дальше или подворье, или курзым, это уже рырхи решали сами, если, конечно, их не перехватывал двуногий вожак.

А потом исчез и Танияр. Звери несколько раз вышли в свой рейд за ворота и однажды уже не зашли. Их звали, даже искали, но троица не откликалась. Кийрамы рассказали, что видели их в одной из стай. Тоже звали, однако рырхи хоть и оглянулись, но подходить не стали. Так мои малыши ушли во взрослую жизнь, и я, узнав об этом, расстроилась до слез. Признаться, и по клыкастой троице я скучала не меньше, чем по людям или Ветру.

Понадеявшись, что голос матери сможет вернуть их назад, я пошла на стену еще в день моего возвращения. Я звала рырхов, укоряла и пеняла, что они обрекли себя на голод, но никто так и не появился.

– Может, ушли далеко, – попытался успокоить меня ягир, стоявший на страже Иртэгена.

Я одарила его мрачным взглядом, вздохнула и ушла на подворье. На следующий день я снова звала, и через день. А потом Танияр сказал, что надо довериться Хайнудару. Если он пожелает, то вернет наших хищников домой.

– Может, дух желал, чтобы мы помогли им вырасти и окрепнуть, а теперь у рырхов началась их взрослая жизнь. Они ведь и вправду взрослые, свет моей души.

– Хоть бы еще разочек их увидеть, – всхлипнула я.

– На всё воля Отца, – философски ответил супруг, у меня возражений не нашлось. Но сегодня я все-таки еще раз решила попытать счастья.

Мы втроем поднялись на стену. Я кивнула на приветственные поклоны ягиров и, застыв, взглядела в даль. Большая поляна была похожа сейчас на огромное выбеленное полотно. Совершенно ровное и ослепительно чистое. Ни единого следа не пересекало его, и даже если вчера их было великое множество, то за ночь метель навела свой порядок и вернула нашему сангару первозданную дикость, не тронутую ни звериной лапой, ни человеческой ногой.

– Да-а... – протянул магистр. – Даже не верится, что за прошлое лето на этом месте произошло столько событий, о которых вы рассказывали. И праздник, и война, и рождение Айдыгера... Невероятно.

– Вы повторили мое любимое слово, мой дорогой друг, – с рассеянной улыбкой ответила я. – Весь прошедший год я только его и говорила. Всё здесь невероятно и восхитительно в равных долях.

– Может, и так, – ответил Элькос. – Я пока только знакомлюсь с этим миром.

– Вот увидите, – уверенно сказала я и не глядя взяла за руку. – Друг мой, помогите мне, усильте голос. Вы ведь умеете это, насколько я помню.

– Да, разумеется, – чуть склонил голову хамче и встал за моим плечом. – Давайте попробуем. Этот навык с новой силой я еще не проверял.

Кивнув, я кашлянула, прочищая горло, а после крикнула:

– Мейтт! Бойл! Торн!

После вновь замерла, вглядываясь в даль. Но никто не спешил к Иртэгену, и я воскликнула, вдруг испытав отчаяние:

– Мейтт! Ну где же вы?! Мейтт!!! – И закончила уже тихо: – Я так скучаю по вас, детки...

И вновь ответом мне была тишина. Никто из рырхов так и не появился. Я простояла немало, снова выкрикивала их клички, а потом сдалась. Значит, и вправду пришло время попрощаться с моими лохматыми детками. Воля Хайнудара исполнена, и трое детенышей не погибли. Мы спасли их, вырастили и крепко поставили на лапы... надеюсь.

– А что если они погибли... – охнула я от неожиданной догадки. – Что если дикие собратья их не приняли? О Хэлл, – прикрыв ладонью рот, прошептала я, и поляна расплылась перед моим взором. – Хайнудар, не допусти, молю...

– Дорогая, ну что же вы снова плачете, – по-отечески тепло обнял меня магистр. – Всё бы вам слезы лить. Что вас так расстроило? То, что ваши звери не откликнулись? Так ведь их и вправду может не быть в этих землях. Стая могла уйти.

Элькос не понял меня, потому что говорила я на языке Белого мира. Зато поняли ягиры, и Юглус подступил ближе:

– Зря плачешь, Ашити. Они сильные и свирепые. И стоят друг за друга, в стаях такого нет. Они скопом нападают на одного...

Он замолчал под моим взглядом. Скопом! Трое против стаи! Да они попросту не выстоят против голодных хищников, а эти звери допускают каннибализм... И перед внутренним взором вновь встала картина из прошлой зимы, когда двое хищников рвали тело своего вожака, убитого Танияром.

– Отец! – надрывно всхлипнула я.

А потом по телу пробежала стайка мурашек. Она возникла под ладонью магистра и тонким ручейком потекла по позвоночнику, добралась до поясницы и разбежалась по всему телу. Но уже спустя короткий миг я ощутила тепло, ласковое и доброе тепло, обнявшее меня, словно заботливые руки, какими были руки моего старого друга. А следом пришло успокоение. Я перестала всхлипывать и затихла.

– Вот и хорошо, – услышала я голос хамче.

Подняв на него взгляд, я шмыгнула носом и слабо улыбнулась:

– Благодарю. Только я всё равно переживаю за них.

Я оборвала саму себя, но новых слез так и не появилось. И хоть я чувствовала себя подавленной, но острых переживаний уже не было. Только надежда, что детки и вправду живы, потому что они умные и сильные. Не оставь их, Хайнудар, своим покровительством...

– Идемте, – сказала я и первой направилась к лестнице.

Юглус меня понял, потому что я говорила на языке Белого мира, а магистр просто последовал за мной. Мы успели спуститься до среднего яруса стены, когда сверху крикнули:

– Дайнани, рырхи!

– Что?

Погруженная в невеселые размышления, я обернулась и с непониманием посмотрела на воина. И он махнул рукой за стену:

– Трое рырхов вышли на поляну.

Осознав, я охнула и поспешила вниз. И в этом стремительном движении чуть не съехала по ступенькам, но крепкая рука Юглуса удержала, а магистр строго произнес:

– Что же это вы, душа моя. Вам ли бегать зимой по открытым лестницам?

– Кажется, меня слышали, – только и ответила я. А затем воскликнула: – Откройте ворота! Выпустите меня!

– Дайнани, – теперь строг стал и телохранитель. – Мы не знаем, они ли это. Звери были в стае...

– Так идем со мной, – отмахнулась я. – И от ворот я отходить не буду. Если это не наши рырхи, то сразу войдем в Иртэген. А мои детки меня не тронут. Да откройте же!

Ягиры, стоявшие возле створ, приоткрыли одну из них, но лишь настолько, сколько нужно было, чтобы пройти одному человеку. И первым вышел Юглус, после я, а следом за мной высунул нос магистр.

– Это вот это ваши детки?! – в изумлении охнул Элькос, но я не обратила внимания.

Выбравшись из-за плеча своего телохранителя, я смотрела на трех рырхов, неспешно шествовавших к Иртэгену. И пока было неясно, мои ли это подопечные, или же просто совпадение, но оторвать взгляда от них я не могла. И в эту минуту я не понимала, как рырхи могли показаться мне когда-то неприятными, даже жутковатыми. Я любовалась статью серых исполинов, их по-своему грациозной поступью мощных лап, тем, как горделиво они несли свои тупоносые головы.

– И глазки у них голубые, – умиленно произнесла я, ни к кому не обращаясь. – Красавцы.

– Но только наши, – добавил Юглус, потому что говорила я на языке Белого мира.

Улыбнувшись, я сделала шаг вперед и подняла руку:

– Мейтт!

И они перешли на рысцу, а после и вовсе побежали. Я хотела поспешить им навстречу, но телохранитель удержал меня на месте.

– Ошейников пока не видно, – резонно заметил он.

Одарив его неодобрительным взглядом, я все-таки осталась стоять на месте, но сердце мне говорило, что ошибки нет. Это были мои дорогие детки, и они спешили к своей названной матери.

– Есть ошейники! – торжествующе воскликнула я. – Мейтт! Бойл, Торн! Мои дорогие, – захлебнулась я от восторга и зашагала к ним навстречу, а вместе со мной и Юглус. Только Элькос остался в воротах, справедливо рассудив, что так будет надежнее.

Они немногим не добежали до меня. Первым на брюхо упал Мейтт, а за ним и брат с сестрой. Вожак пополз в мою сторону, но вскоре вскочил на лапы и бросился навстречу. Бойл и Торн остались лежать, словно дав брату первым приветствовать меня.

– Мейтт, мой дорогой мальчик, – проворковала я, обхватив его голову. – Как же я по вам скучала, детки. Зачем вы убежали, зачем оставили свой дом? Бойл! Торн, ну идите же ко мне, идите!

И тогда отставшие рырхи медлить перестали. Они ластились, заглядывали в глаза и порывались, а я пыталась погладить и приласкать всех разом.

– Боги, как же вы похудели, посмотрите только на себя, – запричитала я, справившись с первыми эмоциями. – Зачем убежали, зачем? Поглядите только на себя, это же просто ужас! Но теперь я снова откормлю вас, вот увидите. Идемте же, идемте скорей...

Я потянула Мейтта за ошейник, но он вывернулся и даже отбежал в сторону. Растерявшись, я снова позвала его, но рырх остался стоять на месте и уже не спешил приближаться. Тогда я сама направилась к нему, но Мейтт опять увернулся. А следом за ним отбежали и Торн с Бойлом.

– Но как же...

– Не пойдут, – огласил очевидное Юглус. – Отозвались, пришли с матерью встретиться, но назад не хотят.

– Я вижу, – с ноткой раздражения буркнула я, но решила предпринять еще одну попытку и протянула руки к рырхам: – Детки...

Они не сдвинулись с места. Не убежали, но и не подошли. А потом на поляну вышли еще несколько рырхов, но уже диких и совсем недружественных нам. Один из них громко зарычал, и мои хищники, вдруг вздыбив шерсть, стремительно развернулись. Мейтт зарычал в ответ.

– Это ваша стая? Они зовут вас?

Мейтт порывисто обернулся и, коротко заскулив, бросил на меня взгляд. После вновь развернулся к чужим рыхам, зарычал, и вся троица бросилась на другую сторону поляны. Чужие хищники исчезли из поля зрения.

– Защищают, – произнес Юглус. – И Иртэген продолжают защищать, хоть и не здесь. Теперь редко какая стая сюда забредает.

– До свидания, детки, – прошептала я. – Я буду скучать и ждать вас...

– Идем, дайнани, – ягир накрыл мое плечо ладонью, и я согласно кивнула.

Магистр, дождавшись, когда мы приблизимся, отошел от ворот, а после покачал головой:

– Однако вы отчаянная. Я, признаться, испугался, когда они побежали на вас. Уже хотел закрыть вас, но звери упали на брюхо, и я растерялся, потому пропустил момент, когда Мейтт снова кинулся к вам.

– Я же их мама, – рассеянно улыбнулась я. – Мне они дурного не сделают.

– Надо выучить повадки местных животных, – сделал пометку для себя самого Элькос, – чтобы лучше понимать, кто и когда опасен. Куда теперь?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Мне немного грустно. С одной стороны, я счастлива, что мои опасения оказались напрасны. Рыхи живы и невредимы. Еще рада, что они откликнулись и прибежали, но расстроена, что отказались вернуться. Мне надо собраться с мыслями.

– В этом вам всегда помогали дела, душа моя, – улыбнулся хамче.

Чуть подумав, я согласно кивнула. Почему бы и нет? Возвращаться домой мне пока не хотелось, к тому же до стены у меня имелись определенные намерения. А значит, мне есть чем отвлечься.

– И что вы решили? – с улыбкой спросил магистр.

– На курзым! – провозгласила я.

– Но там же нечего делать, – напомнил Элькос.

– Друг мой, для того, кто хочет, дело найдется всегда. На курзым, – повторила я, мы зашагали в царство уважаемого Керчуна.

Глава 3

Я открыла глаза и устремила взгляд в потолок. После подняла подушку и, сев поудобнее, погладила живот.

– Тебе не спится, счастье мое? – прошептала я, ловя шевеление малыша.

Теперь это можно было не только ощутить, но и увидеть. И я попыталась поймать бугорок, появившийся на животе, но дайнанчи ускользнул, и бугорок появился в новом месте. Я улыбнулась и прикрыла глаза, прислушиваясь к шалостям сына. Рядом глубоко и ровно дышал Танияр, и звук его дыхания я тоже слушала с удовольствием. Он был уютным, как треск поленьев в очаге или мурлыканье кошки.

Впрочем, кошки здесь не было, зато за окном завывала метель. Ночь Белого мира была до зубовного скрежета предсказуемой. Ничто не могло изменить ее до наступления весны. Буйный ветер поднимал с земли снег, кружил его и возвращал на место, чтобы наутро жизнь расчертила этот белоснежный лист заново.

Зевнув, я открыла глаза. Внутри меня кипела жизнь прямо сейчас и затихать не спешила. Не знаю, чем занимался мой сын, но явно и не думал желать своей матери спокойной ночи.

– Не утомись, – констатировала я и спустила ноги с кровати. Ступни утонули в длинном густом ворсе шкуры, расстеленной на полу. Зимой это было даже приятно. – Идем, накормлю тебя чем-нибудь вкусеньким, может, тогда успокоишься, мой маленький воин.

Воин был слишком занят, потому я усмехнулась. Потом сунула ноги в теплые тапки – полусапожки, которые называли «хеги», и накинула длиннополую толстую кофту, носившую название «аныт». Теперь я была готова к тому, чтобы идти на кухню. Впрочем, в доме было тепло, и можно было бы выйти и в рубашке, но теперь мы жили не одни. К тому же с Элькосом мы уже как-то встречались, когда он шел с кухни, а я туда. В общем, предосторожность была не лишней, да и в коридоре сквозняк все-таки чувствовался.

Под ногами скрипнула половица, когда я уже взялась за ручку двери. Я обернулась, но ни поза, ни дыхание супруга не изменились. Дайн спал крепким праведным сном. Еще бы, никто внутри него танцы не устраивал... Фыркнув, я все-таки вышла за дверь и направилась в уже известном направлении.

– Сейчас нам будет вкусно, – заверила я сына, он ответил очередным па.

На кухне я подкинула в затухающий огонь подготовленные чурки и направилась к блюду с булочками, испеченными Сурхэм с вечера. Отщипнув кусочек от одной из них, я отправила его в рот и зажмурилась.

– Божественно. Как же хорошо ты придумал сходить за булочкой, умница моя, – похвалила я малыша. – А что ты еще хочешь? Где-то тут были сушеные ягоды. Мы хотим ягод? Да, мы хотим. И запить. И сыру тоже хотим. – И я укоризненно покачала головой: – Ну что ты со мной делаешь? Я так сама буду похожа на булочку, как не стыдно...

Было ли дайнанчи стыдно, или нет, мне это неизвестно. А я, свалив вину, как и полагается, на самого младшего, уселась за стол, набрав всё, что огласила ранее. Добавила еще горстку сухариков, и ночь расцвела красками...

– И вам не спится, душа моя, – услышала я и едва не поперхнулась от неожиданности.

Дожевав и проглотив сухарик, я взялась за последний кусочек булочки и проворчала:

– К чему было подкрадываться?

– Помилуйте, душа моя, я и не думал красться. Вы попросту за хрустом сухарей не услышали моих шагов. Впрочем, хеги недурно скрадывают звук шагов. Доброй ночи, Шанриз. – Я кивнула, и магистр прошел к кувшину с холодным этменом. Налив в стакан, он обернулся и продолжил: – Никак не могу привыкнуть к вашему второму имени. Когда дайн или его родственники называют вас Ашити, это звучит естественно, мне же никак не дается.

– Любое из двух имен мое, – пожала я плечами. – Обращайтесь, как вам удобней. Это мелочь. Как ваши попытки совладать с языком? Мы так и не поговорили об этом, но на курзыме вы хотели опробовать мой совет. Вам он чем-нибудь помог?

Хамче приблизился к столу и устроился на месте, которое обычно занимала Сурхэм.

– Курзым не то место, где я могу услышать песню души, – констатировал Элькос. – Это сплошная какофония. Мне не удалось сложить и пару звуков. Вот если бы один человек говорил и говорил долго, быть может, тогда бы что-то и вышло.

– Что-то вроде камертона, – улыбнулась я. – Вы бы могли попытаться настроиться на говорящего.

– Да, вы верно уловили мою мысль, – ответил магистр и допил этмен. – Может быть, вы поможете мне в этом, когда найдете время?

– О, у меня его много, – легко произнесла я. – Например, вся ночь. Спать мне пока расхотелось, малыш всё еще продолжает свои пляски. И если вы не желаете спать, то я почитаю вам книгу Шамхара. Иначе не представляю, о чем можно говорить и говорить. Чтение, на мой взгляд, самое подходящее, что можно придумать в этой ситуации. К тому же на языке Белого мира. Что скажете?

Элькос потер подбородок и хмыкнул:

– Замечательная идея. И книга – превосходно! Я готов приступить прямо сейчас, если вы уже успели доестъ все запасы и действительно не желаете спать.

– Запасы еще остались, – усмехнулась я, – что не может не радовать, иначе в следующий раз мне будет грустно. Давайте зажжем лампы и пойдем в гостиную, там удобней. Только этмен прихватите, а я пока схожу за книгой.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, – встав со стула, Элькос отвесил изящный поклон истинного царедворца.

И пока магистр выполнял свою часть работы, я отправилась в спальню за книгой. Чаще всего она находилась подле меня. Мне не хотелось оставлять свое сокровище без присмотра. И вроде бы взять ее было некому, да и прочитать не под силу, но я берегла послание последнего адана, как собственную жизнь. Даже, наверное, жизнью дорожила меньше.

Впрочем, перед сном я читала ее Танияру, чтобы он знал столько же, сколько и я, и сейчас книга лежала под моей подушкой. Супруг подтрунивал и спрашивал, зачем мне вообще нужна мягкая подушка, когда на послании Шамхара мне будут сниться самые сладкие сны? Я фыркала, отмахивалась, и дайн просто добродушно усмехался над моими странностями, но не мешал делать то, что я считала нужным.

Подкравшись к постели, я уже намеревалась взять книгу, но вдруг залюбовалась супругом. Он был в эту минуту так беззащитен и трогателен, что на глаза выступили слезы. Теплый, милый, родной...

– Жизнь моя, – в умилении всхлипнула я и забралась на кровать, чтобы поцеловать Танияра...

Но не удержала равновесия и повалилась на мужа. От неожиданности и веса, упавшего на грудь, Танияр сипло крикнул и рывком оттолкнул меня. Умиление сменилось жесточайшей обидой, и я вновь захлопала носом, но уже по иной причине.

– Ашити, – охнул дайн и поспешил заключить меня в объятия. – Прости, я со сна не разобрался. Тебе больно?

– Обидно, – пожаловалась я. – Я всего лишь хотела тебя поцеловать.

– Так целуют только рырхи, свет моей души, – уже с иронией произнес Танияр. – Не хватало только клыков на моем горле.

– Пф, – фыркнула я и попыталась освободиться от объятий. – Теперь оставайся совсем без поцелуев.

Супруг прижался к моим губам, после отстранился, и я, вредничая, потеряла его рот пальцами.

– Не будет тебе никаких поцелуев, – проворчала я. – Спи себе дальше не целованный. – После встала с кровати под ироничным взглядом дайна, достала из-под подушки книгу и добавила: – Может, даже вообще никогда не буду тебя целовать. А сейчас вовсе ухожу от тебя.

– Куда? – любопытствовал Танияр. – За булочкой?

– Негодяй! – возмутилась я и, вздернув подбородок, дошла до двери. А уже оттуда объявила: – Я ухожу к магистру.

– Доброй вам ночи, – ответил дайн. После скрыл зевок в ладони и вернулся на подушку. А спустя мгновение до меня донеслось: – Если все-таки решишь меня поцеловать, больше не прыгай. Это пугает.

– Никаких поцелуев, – с ноткой патетики ответила я.

– Как скажешь, свет моей души, – сонно пробормотал Танияр. – Люблю...

И он бессовестно засопел, едва я успела шагнуть за порог. Передернув плечами, я направилась в гостиную, где меня уже ожидал Элькос.

– Какой бесчувственный наглец, – пожаловалась я книге, игнорируя последнее слово супруга, и оставила дайна даже мыслями.

Магистр расположился в одном из кресел. Он закинул ногу на ногу и постукивал кончиками пальцев по подлокотникам. Кажется, наш хамче нервничал. На столе стоял кувшин с холодным этменом и два стакана. Еще было блюдо с сушеными ягодами, но, думаю, это предназначалось уже только мне. Масляные светильники недурно осветили пространство у кресел, тут Элькос мудро не стал рассеивать свет по всей гостиной, сосредоточив его весь на месте для чтения, и я благодарно улыбнулась.

– Вы переживаете? – спросила я, налив себе этмен, чтобы после не отвлекаться.

– Признаться, да, – передернув плечами, ответил магистр. – Девочка моя, сейчас у меня нет большего желания, чем научиться говорить на языке Белого мира. Из-за моей вынужденной «немоты» я чувствую себя... нет, не изгоем, но чужаком. Мне неудобно. Вы понимаете, я привык быть участником происходящих событий, а пока остаюсь вашей тенью. Я безумно люблю вас, душа моя, но бесконечно держаться за женскую юбку не могу. Я уже давно и благополучно вышел из этого возраста.

Отложив книгу на стол, я ненадолго отошла к окну и поманила Элькоса:

– Друг мой, подойдите ко мне, не откажите в любезности.

Он приблизился, и я, встав за спиной мага, взяла его за плечи. Хамче полуобернулся и одарил меня недоуменным взглядом.

– Смотрите, – шепнула я. Он послушно устремил взгляд в окно, и мы замолчали, зачарованные буйством стихии. Однако вскоре я отмерла и негромко сказала: – Это и есть Белый мир, магистр. Посмотрите на этот хаос и представьте, что стоите посреди него. Дышать тяжело, передвигаться невозможно. В этом безумии выживают немногие. Но вам надо выбраться, вы должны найти дорогу, и вам повезло больше остальных – у вас есть ваш дар. Вы – хамче.

Магистр обернулся ко мне, с минуту смотрел непроницаемым взором, но вдруг глаза его зажглись, и Элькос медленно кивнул.

– Да, Шанни, вы правы. Я стою посреди хаоса, но мой хаос состоит не из снега, а из непонятных мне звуков и слов. И я найду путь, не будь я Мортан Элькос.

– Именно так, – улыбнулась я и направилась к своему креслу. – Приступим.

Элькос уселся напротив меня, шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. Он поерзал, устраиваясь удобнее, снова выдохнул, но уже медленно, и накрыл подлокотники ладонями. Поза магистра стала расслабленной, и он прикрыл глаза, готовый слушать. Едва заметно улыбнувшись, я промочила горло, а после взяла в руки книгу.

Открыв ее, я любовно провела ладонью по первой странице, исписанной ровными строчками ирэ, и память на миг воскресила древний савалар в его великолепии, а после и главного адана Шамхара. Я увидела его лицо с благородными одухотворенными чертами, прямой взгляд чистых глаз, как замерзшие воды источника, в котором можно увидеть Создателя. Он ведь даже не был встревожен, несмотря на угрозу, разлитую в воздухе. Адан был спокоен и неколебим в своей вере, равнодушен к скорой участи и желал только одного – подарить потомкам прошлое, а вместе с ним и их будущее. И настоящее, его настоящее, Шамхара уже заботило мало, потому что было данностью, о которой он знал.

– Надеюсь, ты был удостоен чести говорить с духами, ты это заслужил, мудрый Шамхар, – прошептала я на языке Белого мира.

После коротко вздохнула и начала чтение. Теперь слова давались мне легко, будто я читала книгу на родном языке. Даже не заметила, как в голосе появилась выразительность. А в какой-то момент мне подумалось, что я могла бы пересказать написанное по памяти, до того мне въелись в кровь эти строки. Впрочем, экспериментировать я не стала, потому что сейчас было важным иное – помочь старому другу. И я продолжала бежать взглядом по ирэ.

За окном продолжал завывать ветер. Он вздымал с земли снег, кружил его и в яростном порыве кидал в окна. Но в доме было тепло, и вой метели, смешавшись с сонной тишиной, царившей в этих стенах, стал не просто фоном, но гармоничным дополнением к происходившему действию. Я будто попала в еще одну реальность, которая ткалась перед внутренним взором из снежной пелены. Рождалась под сплетение буйства стихии и спокойного течения моего собственного голоса. Если бы сейчас зазвучал хот, я бы и вовсе уверилась, что присутствую при сотворении...

А потом в мое сознание вплыл новый звук – мужской голос, бормотавший что-то невнятное. И это бормотание было похоже на эхо, повторявшее то, что озвучила я. Только я говорила четко, а эхо откликалось издали и едва уловимо. Оторвав взор от раскрытых страниц, я устремила его на Элькоса. Теперь я и вправду говорила текст по памяти. Наверное, я декламировала даже неосознанно, потому что отвести зачарованного взора от магистра так и не смогла.

Он оставался в прежней расслабленной позе, и глаза его были закрыты, но губы шевелились. Магистр продолжал повторять за мной, причем неразборчиво. Но не это поразило меня. Вокруг магистра разливалось легкое белое свечение. Нет, он не сиял, но казалось, будто всё его тело охвачено призрачным, чуть мерцающим ореолом. И мерцание это шло от мельчайших искорок, более всего напоминавших... снежинки? Да, верно! Именно снежинки, ну, или ледяные крошки, подобные тем, что сияли в пещере Создателя.

И я поняла, что это видимое проявление силы Элькоса, вроде вихря на ладони. Только сейчас он уже не пытался формировать поток энергии Белого мира, но излучал ее каждой порой. Это было невероятно, любопытно и занимательно в равных долях.

В нашем с ним родном мире дар мага был совершенно неприметен, когда магистр использовал магию. И мне стало интересно, имеется ли тому причина? Быть может, дело в объеме используемого ресурса... или же попросту энергия Белого мира была таковой? Но подтвердить или опровергнуть было невозможно. По крайней мере, пока Элькос был занят. Оставалось дожидаться окончания наших изысканий, а после спросить, что думает об этом сам хамче. В любом случае это было красиво и мистично.

Все-таки оторвавшись от созерцания, я опустила взор в книгу, но поняла, что не смогу отыскать нужного места, не прервавшись. Опасаясь сбить не только себя, но и Элькоса, я отложила послание Шамхара, сама прикрыла глаза и продолжила пересказывать то, что помнила так отчетливо, будто сознательно заучивала строки.

Взяв стакан с этменом, я неспешно направилась к окну, продолжая рассказывать историю Белого мира, а за спиной по-прежнему бормотал магистр. Но вскоре я перестала замечать его негромкий голос, полностью вновь погрузившись в прошлое. Я смотрела на метель, и мне

грезился совсем иной мир. О нет, не родной, а тот, который люди утратили много-много веков назад.

Я шествовала по улице шумного харата и смотрела на бурлившую полноводным потоком жизнь. Меня окружали люди с волосами разного цвета, но единой веры. Они не видели различий друг в друге, потому что оставались детьми одних Отца и Матери. Они существовали в гармонии и согласии. Должно быть, спорили и ссорились, но вовсе не из-за того, что одни почитали себя превыше других, а потому что оставались людьми со всеми своими чувствами и эмоциями. Радость, горе, любовь, ненависть, счастье, боль, зависть и щедрость. Всё это было им присуще, кроме одного – презрения к другим народам лишь за внешние отличия. Они не почитали себя превыше остальных, но были равными среди равных.

– И мы будем так жить, – забывшись, прошептала я. – Мы вернем утраченное.

– Вернем, – эхом отозвался Элькос и произнес это столь отчетливо, что я стремительно развернулась к нему.

Магистр всё еще не открыл глаз, и его сила по-прежнему мерцала ореолом вокруг него. Но вот он нахмурился, потревоженный воцарившейся тишиной, и веки хамче дрогнули. Он некоторое время смотрел на мое опустевшее кресло, а затем повернул голову, и мы встретились взглядами.

Я наблюдала за тем, как постепенно меркнет ореол силы, а глаза Элькоса всё больше наполняются мыслью. После глотнула этмена, и магистр облизал губы.

– Хотите пить? – спросила я на языке Белого мира.

– Да, – кивнул Элькос. – Я чувствую во рту сухость.

И я улыбнулась. Неспешно приблизившись к магу, я взяла его за руку и заглянула в глаза:

– Вы ведь поняли, что я сказала, друг мой.

– Разумеется, понял, – пожал плечами магистр и вдруг замер, осознавая, что мы беседуем на языке, которого он не знал еще в начале ночи. – Боги, я ведь и вправду понимаю каждое ваше слово.

– И говорите сами, – улыбнулась я. – Поздравляю, друг мой, у нас... у вас получилось.

– У нас, душа моя, именно что у нас, – произнес хамче и порывисто поднялся с места. – Невероятно, – взволнованно пробормотал Элькос и прошелся по гостиной.

Я вернулась в кресло и уже оттуда наблюдала за магистром. Он продолжал мерить шагами гостиную и потирал руки. Элькос был взбудоражен, и это бросалось в глаза. Еще бы! Во-первых, ему удалось то, в чем он почти разуверился, а во-вторых, теперь хамче мог стать частью Белого мира в полном смысле этого слова.

– Знаете, магистр, а вы светились, – сказала я, чтобы остановить метания Элькоса.

Он и вправду остановился и развернулся ко мне. Брови его приподнялись в изумлении, и магистр переспросил:

– Светился?

– Да, – кивнула я и допила этмен. После наполнила стакан мага и пододвинула его к краю стола, так напомним хамче, что он желал промочить горло. – Вокруг вас будто бы разлился ореол. Это было похоже на сияние в пещере Создателя, и я сделала вывод, что так проявилась ваша новая сила.

– Возможно, – рассеянно кивнул Элькос. Он приблизился к столу, взял стакан и с жадностью выпил его содержимое. После вернулся в свое кресло и повторил: – Вполне возможно. Это было... это было необычно, – продолжил маг, и я поняла, что теперь он перешел к своему новому опыту. – Сначала для меня ничего не поменялось. Я слушал вас, не понимал ни слова и даже ощутил раздражение, но потом... – Я подалась вперед, испытав жгучее любопытство. – Потом я заставил себя успокоиться и просто слушать. И в этот момент моего сознания коснулся звук метели. Завывания ветра и ваш голос переплелись причудливо и странно, но я вдруг ощутил гармонию. Знаете, я будто слушал не вас, я слушал голос самого мира. И вот

после этого я словно бы растворился в этой гармонии звуков, сам стал ее элементом. Этаким поток света... Чистого, белого, удивительно теплого и уютного. И вот когда я зазвучал в унисон, тогда начал понимать слова. Признаться, осознаю это лишь сейчас, а в тот момент... – Магистр на миг поджал губы, кажется, подбирая слова. – В тот момент я будто шел по тропе, по дорожке из следов и старался ступать по ним...

– Да, вы начали повторять за мной, – с пониманием кивнула я. – А когда я в задумчивости говорила с собой вслух, вы ответили на мои слова. Это было и вправду удивительно.

– Попросту невероятно! – воскликнул Элькос и легко рассмеялся.

Я с улыбкой смотрела на него, но когда магистр успокоился, произнесла:

– Вам стоит поблагодарить Создателя.

– Благодарю, Белый Дух! – прижав ладонь к груди, с чувством сказал хамче, и я с почтением склонила голову:

– Отец мудр и добр со своими детьми.

Магистр покивал, соглашаясь, а после вновь поднялся на ноги и возобновил свои хождения.

– Теперь я и вовсе не усну, – сказал он. – Я так взволнован, душа моя, чрезмерно взволнован, боги!

Я рассмеялась, слушая причудливое сплетение двух языков, на котором говорила сама. Теперь я могла оценить в полной мере, как слышали меня дети Белого мира.

– Друг мой, когда будете говорить с людьми, старайтесь упростить свою речь. Часть слов вы произносите на родном языке, не имея аналога на местном. Я говорю так же, потому сразу же поясняю то, что другим непонятно. Кое к чему они уже привыкли и понимают, но немного – это все-таки чужой для них язык. Учтите это.

– Да-да, вы правы, – снова покивал Элькос, но мне подумалось, что он особо не уловил смысла.

– И не оскорбляйтесь, когда вам станут тыкать, – всё равно продолжила я. – На «вы» друг к другу здесь обращаемся только мы с вами. И сами говорите «ты», иначе вас попросту не поймут.

– Разумеется, – не стал спорить магистр, и я поднялась с кресла.

Скрыв зевок за тыльной стороной ладони, я потеряла лицо и, забрав книгу, произнесла:

– Оставлю вас. Малыш уже давно успокоился, а я чувствую, что усну, едва коснувшись подушки. Доброй ночи, дорогой друг.

– Девочка моя. – Он посмотрел на меня и склонил голову. – Благодарю вас. Ваша помощь бесценна для меня.

– Пустое, – отмахнулась я. – Всегда рада быть вам полезной. Доброй ночи.

– Доброй ночи, дайнани, – ответил хамче.

Преисполненная благодушия, я вернулась в спальню. Отправив книгу под подушку, я уже намеревалась лечь, но взгляд мой вновь упал на спящего супруга. И снова я любовалась им. Сердце мое таяло от нежности и желания обнять его, провести ладонью по волосам, коснуться губами приоткрытых губ, а после уткнуться носом в плечо и заснуть под звуки тихого спокойного дыхания и завывания ветра. Я даже уже потянулась к Танияру, но... передумала. Попросту вспомнила, как он оттолкнул меня, и опять обиделась. Уже не так сильно, однако вредность вернулась вместе с воспоминанием.

И я, улегшись в кровать, повернулась к дайну спиной, решив ни за что не отступать от данного обещания, чтобы поутру не видеть ироничный взгляд. Сказала, никаких поцелуев, значит, без поцелуев. Вот первый обнимет, тогда, так и быть, оттаю, но не раньше. Именно так, и никак иначе. Удовлетворенная своим решением, я закрыла глаза и вздохнула, приготовившись уплыть в блаженную негу сна...

А потом теплая мужская ладонь опустилась мне на бедро, переползла на талию и скользнула на живот. Танияр прижался к моей спине и, уткнувшись носом мне в макушку, пощекотал дыханием. А еще спустя мгновение я почувствовала, как супруг поцеловал меня. Улыбка сама собой скользнула на уста, и я вздохнула второй раз, но теперь уж и вовсе умиротворенно. А спустя минуту уже крепко спала...

Разумеется, когда я проснулась, Танияр уже давно и благополучно покинул подворье. Уж он-то не просидел ночь в важных изысканиях, а сладко спал, не мучаясь ни голодом, ни великой целью. Впрочем, я не жалею ни на ночные бдения, ни на желание подкрепиться. Первое было необходимо моему старому другу, второе... разумеется, дайнанчи. Что до нашего славного правителя, то у него и днем забот хватало. Так что никаких претензий я к нему не имела.

Кстати, о дайнанчи...

– Ты опять проголодался, мое маленькое счастье, – погладив живот, констатировала я. – И немудрено. Последний раз мама кормила тебя ночью, а сейчас уже белый день. Да и что там кормила... так, дала перекусить. Теперь уж мы с тобой поедем по-настоящему. Чувствуешь эти запахи? Наша дорогая Сурхэм уже выманивает нас к столу, и мы не станем отказываться от столь любезного приглашения, верно?

Дайнанчи молчал, но я точно знала, что мы с ним единомышленны. А раз так, то томить его и дальше было преступлением. И как хорошая мать, я поспешила привести себя в порядок, чтобы отправиться на кухню. К тому же на сегодня еще было намечено немало важных дел, и одно из них – мое присутствие на Совете. Я была уверена, что супруг задержит его, чтобы я успела к началу. Однако заставлять себя ждать было невежливо, и потому надо было поторопиться. Но для начала необходимо исполнить свой родительский долг, и я направилась в царство ароматных запахов и громыхавшей посуды.

– Милости Отца, Сурхэм, и доброго утра, – пожелала я, войдя на кухню.

– Утра, – фыркнула хранительница нашего очага. – Было б лето, уже бы солнце высоко над крышами стояло. Уж больно долго спишь.

– Кхм, – кашлянула я, и женщина проворчала:

– Прости, дайнани. – Однако не удержалась и все-таки добавила: – А спишь всё равно долго.

– И оттого есть хочу, как оголодавший рырх, – намекнула я на то, что потчевать меня надо вовсе не увещеваниями.

– Дайнанчи накормлю, а те, кто любит поспать, пусть себя бранят, что остались голодными, – деловито ответила Сурхэм.

– Так и быть, – не стала я спорить, – буду ходить голодной и пенять на себя, а будущего дайна стоит задобрить сытным завтраком. Иначе после благоволения от него не жди.

– Когда он благоволить начнет, я уж в Белой долине с духами говорить буду, – отмахнулась женщина, ставя передо мной миску наваристого тынгаша.

Тынгаш – это жидкая каша на мясном бульоне. Ее не варили, а закладывали заведомо распаренные зерна тынше в кипящий бульон. После снимали котелок с огня, и зерна доходили сами. Прежде мне тынгаш не очень нравился, казался жирным. Однако по возвращении из родного мира я поняла, что обожаю это блюдо, и Сурхэм готовила мне его каждое утро, а иногда и на ужин. Если я просила, конечно.

– Ты вредная, Сурхэм, – втянув носом запах каши, вернулась я к прерванному разговору. – Тебя духи выпроводят из Белой долины на новое рождение.

– И что? – Женщина подала мне недавно испеченные лепешки. – Даже если и так, дайнанчи до меня всё равно не дотянется.

– Кова-арная, – протянула я, и прислужница хмыкнула.

Она уселась напротив, подперла щеку кулаком и некоторое время смотрела, как я отправляю в рот ложку за ложкой, не скрывая удовольствия от трапезы. Доев тынгаш, я промокнула рот приготовленной салфеткой и, прежде чем взялась за горячий этмен, спросила:

– Магистр уже выходил?

– Нет, – буркнула Сурхэм и сразу потеряла интерес ко мне, дайнанчи и беседе вообще.

Она встала со стула и вернулась к своим котелкам.

– Почему ты никак не примешь его? – спросила я, между делом наблюдая за прислужницей. – Разве он сделал тебе что-нибудь дурное? Магистр – наш друг и хочет служить Айдыгеру, как Эгчен или Архам. Отец принял его, а ты никак не примиришься с тем, что у Белого Духа появился новый сын.

– Отец мудр, – буркнула Сурхэм. – Но толку от этого сына никакого. День за днем за тобой тенью ходит. И в доме живет, и без дайна с тобой остается. Не дело это. Или пусть к тебе без мужа не подходит, или...

– Или заморозит язык глупой женщине, – сухо произнес тот, о ком мы говорили.

Мы с прислужницей одновременно повернули головы к двери. Я приветливо улыбнулась, а Сурхэм вдруг покраснела. Она явно опешила.

– Милости Отца, друг мой, – произнесла я на языке Белого мира, уже и не думая переходить на родной язык.

– И вам, душа моя. И даже тебе, Сурхэм, милости Белого Духа, – уже с иронией сказал магистр, удовлетворенный замешательством прислужницы.

– Милости Отца, – скорее машинально ответила женщина, а после перевела на меня взгляд: – Он говорит?

– Не молчит, – кивнула я, пряча улыбку.

– Упрела, на улицу выйду, – вздернула подбородок она и сбежала из неловкой ситуации в самом прямом смысле этого слова.

Элькос проводил прислужницу взглядом и покачал головой:

– Совершенно невыносимая женщина.

– Вы еще поладите, – улыбнулась я. – Теперь вам будет проще стать своим. – После деловито кивнула на котелки: – Ешьте – и поторопимся. Нас ожидают на Совете. Вы теперь станете его полноценной частью. Так что не будем медлить.

– Вы совершенно правы, – кивнул магистр и вдруг хмыкнул: – Вот теперь для меня, кажется, начинается мое привычное существование. Всё как было прежде, но уже в другом королевстве и с другим государем. И, признаться, этот государь мне нравится несравненно больше.

Я отсалютовала ему кружкой и более не отвлекалась. Надо было обдумать еще раз всё, что собиралась сказать на Совете, первом не только по возвращении, но и в истории Айдыгера.

Глава 4

Подворье ягиров встретило меня приветливыми улыбками и поклонами его обитателей. Я отвечала тем же, разве что не кланялась, но кивала, когда слышала:

– Милости Отца, дайнани!

– Сияешь солнышком, Ашити!

– Как наш дайнанчи?

– Во мне скрывается истинный воин, – со смешком отвечала я. – Науку ягиров постигает еще в утробе.

– Быть ему славным дайном, – улыбнулся ягир, спросивший о моем сыне.

– Отец милостив, – кивнула я.

Не участвовал в обмене короткими репликами только магистр. Он, разумеется, был со мной, но пока помалкивал, а воины на хамче попросту не обращали внимания.

– Почему вы молчите? – тихо спросила я Элькоса на родном языке.

– Девочка моя, я сам расстроен, – последовал неожиданный ответ, и, заметив мое недоумение, магистр пояснил: – Мне следовало начать говорить еще от вашего дома, и если я сейчас обнаружу, что могу это делать, то выйдет невежливо по отношению к стражам у дома дайна. С ними я не здоровался, только кивнул, а тут вдруг начал желать всем милости Создателя. Не желаю, чтобы кто-то подумал, что я им пренебрегаю. Помолчу еще немного.

– Однако вы меня удивляете, друг мой, – усмехнулась я. – Впереди Совет, неужто и там промолчите?

– Пока просто послушаю... – уклончиво ответил хамче. – Если мое мнение будет необходимо, тогда выскажусь.

Покачав головой, я толкнула дверь и первой вошла в длинный двухэтажный дом, где обитали воины. Решение провести Совет, по сути, в казарме было продиктовано отсутствием подходящего места в нашем доме. Мой кабинет был мал, к тому же это был мой кабинет, а главой дайната оставался Танияр, а не его жена. Условности, скажете вы, и я даже, наверное, буду склонна с вами согласиться. Кто, как не я, радовалась тому, что Белый мир лишен тех оков, какими изобиловал мой родной мир, и все-таки...

И все-таки место для Совета мне виделось именно таким, каким оно было в королевском дворце Камерата. Причиной тому была не тоска или какие-либо воспоминания – ничего подобного я не испытывала. Но удобство самого устройства казалось мне неоспоримым. Во-первых, простор. Когда дышится легко, тогда и думается лучше. Во-вторых, большой стол, за которым советники оказываются лицом друг к другу, и не надо выворачиваться, чтобы увидеть говорящего. Этого был лишен дайвар – место советов и официальных приемов в доме каана. Когда-то именно там я допрашивала дочь великого махира, пока она пряталась под личиной бедняжки Мейлик.

Впрочем, дайвар был немал, и сидеть можно было друг напротив друга, но не за столом, а вдоль стен на скамьях. Делать записи на коленях было бы неудобно, да и выворачивать шею к соседу, который сидит от тебя через человека, тоже. Можно было, конечно, рассестись и по всему периметру дайвара, но вышло бы слишком удаленно. В общем, ни кабинет, ни дайвар не соответствовали необходимым требованиям.

Именно поэтому мы пришли на подворье ягиров, у них было подобие того, о чем я говорила. Это решение принял Танияр, я лишь огласила, каким хотела бы видеть зал Совета в будущем. Он подумал и согласился с моими доводами, а после сказал, где мы проведем наш первый Совет. У меня возражений не нашлось.

К тому же это было даже символично. Кто, как не ягиры, первыми сделали шаг к появлению Айдыгера, когда пошли против выбора старейшин и нового каана, отстояв жизнь Танияра

собственным выбором? Они всегда оставались первыми союзниками дайна, его правой рукой и силой не потому, что говорили его устами, но во всем доверяли и шли за ним.

Что до нужного помещения, то его предназначение было весьма похожим на то, зачем и мы явились на воинское подворье. Я еще не была там ни разу, но супруг рассказал мне о ханаме – именно так называлось это место. Ханам использовали для обсуждения, того же совета ягиров, когда было о чем поговорить. К примеру, отбор юных претендентов или спор с каким-нибудь таганом. Или же призыв к союзу с соседями.

Алдар и ягиры, обладавшие всеобщим уважением, усаживались за стол, уставленный яствами и напитками, и начинали обсуждение. Кстати, хмеля на таких советах не было. Разум должен был оставаться чистым, чтобы решение было верным. Но это просто примечание.

Если каан был почитаем или же он являлся и алдаром своего войска, то он тоже входил в ханам и говорил вместе с воинами. Если же каану не доверяли, как прежде Архаму, то он узнавал о решении совета после его вынесения, не имея не только права голоса, но и возможности слушать. Впрочем, бывшему каану Зеленых земель алдаром служил его брат, потому его приказы все-таки исполнялись. По большей части. Ради таких, как повеление пойти войной на Дэрбинэ, даже совет ягиров не собирался, алдар отказывал сразу. Однако мы с вами помним истинную цель этих приказов: не идти против матери и не убить брата.

Но вернемся в сегодняшний день, тем более ни каана, ни самих Зеленых земель уже не существовало, как и алдара в прежнем его статусе. Ягиры еще не знали об этом, но это не означало, что данное решение будет когда-то отменено. Да, выборного алдара у войска уже не будет, но должность байчи-ягира останется и получит свои строго определенные полномочия. Дайнат не таган, и жить нам теперь придется по новым законам, и вот о новых веяниях мы и намеревались говорить.

– Сюда, дайнани, – ягир, который вел нас с Элькосом на второй этаж, толкнул дверь и отошел в сторону.

– Благодарю, – кивнула я и первой вошла в ханам.

Это оказался большой зал. Длинный, но узкий. Посреди него стоял почти такой же длинный стол со скамьями по обе его стороны. И свободного места оставалось ровно столько, чтобы можно было пройти за спинами сидящих, не протискиваясь. Никакого стула во главе стола не было, и это означало, что главенствующего положения никто здесь не имел – все были на равных.

– Принеси стул, – попросила я воина, всё еще стоявшего в дверном проеме.

В его глазах отразился вопрос, но уже через короткое мгновение он угас, и ягир, кивнув, исчез. Я вновь огляделась и приветливо улыбнулась двум мужчинам, уже находившимся в ханаме.

– Милости Отца, – поздоровалась я.

– И тебе Его милости, дайнани, – склонил голову Эгчен.

– Пусть Белый Дух будет милостив к своей дочери, – улыбнулся Илан.

На магистра оба тагайни посмотрели одинаково равнодушными взглядами, причем, бывший советник Архама все-таки кивнул. Байчи-ягир своего дружелюбия высказывать не спешил даже кивком. Я скосила глаза на Элькоса, но он по-прежнему хранил молчание, лишь склонил голову, здороваясь привычным ему образом. Я коротко вздохнула, но увещевать и призывать изменить линию поведения не стала. В конце концов, магистр был не маленьким мальчиком. Он превратился в мужчину еще до того, как родилась моя родная матушка.

– Где же дайн? – спросила я, ставя на стол свою сумочку с писчими принадлежностями. После кивнула хамче, и он уместил рядом с сумочкой небольшой сундучок.

Тагайни посмотрели на него с любопытством. Первым вернул мне свое внимание байчи.

– Танияр отправился за тобой, – сказал Эгчен.

– Должно быть, решил обойти Иртэген, – хмыкнула я. – Мы не встретились.

Илан улыбнулся, байчи остался невозмутим, как и магистр. Вновь вздохнув, я устроилась на скамье рядом с тем местом, куда встанет стул, и раскрыла свою сумочку. Три пары глаз наблюдали за тем, как я выставляю писчие принадлежности и раскладываю чистые листы бумаги. Затем очередь дошла до сундучка, и из него я достала подготовленные макеты будущих законов, которым немало времени уделила еще до последнего своего похищения, а после и исчезновения. Деловито переставив всё с места на место, я удовлетворенно потерла руки.

– Зачем всё это? – первым не выдержал любознательный Илан.

– Для работы, разумеется, – ответила я. – И на будущее я советую приходить на наши собрания с похожим набором. В государственных делах полагаться на память не стоит... Делах дайната, – привычно пояснила я незнакомое тагайни слово. – Записи помогают сделать не только подробный доклад, но и пометки по принятым решениям. Кстати, – я посмотрела на Илана, – нам стоит разработать шифр... Научиться делать записи, которые будут понятны только нам, и если любопытный или недруг сунет в них нос, то попросту ничего не поймет. Шифр особенно хорош для тайных донесений. Тут сыграл бы нам на руку мой родной язык, но лучше разработать шифровальную систему... – Я вздохнула и снова пояснила: – Придумать тайную письменность.

– Я понял тебя, дайнани, – улыбнулся бывший и вновь советник. – Ты позволишь потом говорить с тобой об этом?

– Разумеется, – ответила я.

– Если разрешит дайн, – тут же встрял Эгчен, и до нас донеслось:

– Дайн разрешит.

На пороге появился Танияр. За его плечом стоял Архам, а уже за ним примостился ягир со стулом. Маг склонился в церемонном поклоне, и дайн несильно хлопнул его по плечу:

– Доброго дня, магистр, – произнес он на нашем родном с Элькосом языке.

– Государь, – с почтением отозвался хамче.

– И тебе, свет моей души, доброго дня, – супруг склонился ко мне и поцеловал в щеку.

– Любовь моя, – улыбнулась я ему. После перевела взгляд на деверя: – Милости Отца, Архам.

– И тебе Его милости, Ашити, – ответил брат Танияра. – Эчиль велела передать, что молит Белого Духа о твоём благополучии. Она спрашивала, когда ты придешь к нам, и девочки только и говорят о том, что твои волосы горят, как солнце. Они мечтают снова дотронуться для них.

Я весело рассмеялась. Да, мои волосы произвели фурор! И вовсе не в дурном смысле. Во-первых, иртэгенцы знали, что волосы их дайнани выбелил Создатель, а на самом деле они похожи цветом на пламя. А во-вторых, такого цвета в Белом мире не было, и теперь я стала их достоянием и предметом гордости, если позволено будет так сказать о себе. Единственная на весь мир! Ни в одном тагане, ни в одном племени подобных не было.

Наверное, если бы люди увидели меня такой до того, как узнали близко и прониклись уважением, то отношение было бы иным. Но я уже давно была их Ашити, а еще, как отозвался однажды один из ягиров, – ласковая, как солнышко. А теперь я и вовсе воплощала в себе не только доброту, но и цвет огня. Да, тагайни пришли от меня сначала в ошеломление, а после в восторг.

Потому неудивительно, что племянницы не сводили с меня восторженных взоров. Да что там девочки! Эчиль несколько минут не могла выпустить из рук мою косу. А когда Тейя осторожно дотронулась до моей головы, то вовсе развеселила фразой:

– Уф, не жжется.

– Это же просто волосы! – со смехом воскликнула я.

– А горят, как огонь, – возразила девочка.

Так что желание снова поближе посмотреть на это диво, было мне понятно. К тому же я и вправду заходила за прошедшее время к свояченице всего пару раз, и сама Эчилль теперь не приходила к нам каждый день. Да и зима не располагала к частым и долгим прогулкам, если не было определенного дела. А еще на старое каанское подворье вернулся хозяин, и свояченица вела жизнь добропорядочной жены – более она не была свободной.

– Передай, я непременно навещу их, – сказала я Архаму.

– Дайнани, куда ставить стул? – подал голос ягир.

– Сюда, – я указала на торец стола. – Милый...

– Я понял, чего ты хочешь, – ответил Танияр.

Он забрал стул у ягира, поставил его во главе стола и уселся. После посмотрел на собравшихся и кивнул:

– И вы садитесь. Начнем говорить.

– Дайнани. – Я обернулась и посмотрела на магистра. Элькос указал взглядом на шубу, в которой я всё еще сидела.

– Да, благодарю, мой друг, – улыбнулась я и, приподнявшись, скинула верхнюю одежду на руки хамче. – Здесь и вправду тепло. Ханам недурно протоплен.

На Танияре и Архаме шуб не было, должно быть, они разделись еще внизу. Эгчен был раздет уже потому, что подворье ягиров являлось не только местом его службы, но и домом. Одетыми оставались только я, Элькос и Илан, но и последние уже скидывали шубы. После этого мы наконец расселись.

Во главе стола сидел Танияр, я по правую руку от него, Архам устроился по левую. Рядом с ним сел Илан, место рядом со мной занял Эгчен, Элькос спорить не стал и разместился за ним. И когда все заняли выбранные места, я посмотрела на мужа.

– Говори, Ашити, – улыбнулся мне дайн. – Это твое время.

– Как угодно, – склонила я голову, а затем вновь обвела собравшихся взглядом.

На первом Совете присутствовали: первый министр – Архам, военный министр – Эгчен, глава тайной канцелярии – Илан и хамче, первый и единственный маг Белого мира, – Мортан Элькос. Ну и разумеется, правитель Айдыгера с супругой. Недурно...

– Итак, господа, приступим, – огласила я.

Затем вновь обвела взглядом серьезные лица и невольно улыбнулась. Нет, это была не насмешка или ирония, но любованье – мне нравилось это внимание, написанное на мужских лицах. Это означало, что нам с Танияром доверяют, что мне доверяют, как и дайну. Это было бесценно.

– Мы уже много раз поминали о том, что времена меняются, – снова заговорила я, и мужчины кивнули в ответ. – Но перемены – это не только новые названия у нового государственного образования... эм-м...

– Мы поняли, дайнани, – сказал Архам, – ты говоришь о дайнате.

– Верно, – улыбнулась я, – о дайнате. Так вот, перемены – это не только новое название и увеличившиеся земли под рукой одного властителя. Мы более не можем жить по прежним законам. Впрочем, их особо и не было. Скорей правила, которые возможно было обойти и трактовать, кому и как удобно. Пример вам всем хорошо известен.

Взгляды байчи и Илана сошлись на Архаме, даже магистр посмотрел в его сторону. Бывший каан поджал губы и устремил взор перед собой, но Танияр тронул брата за плечо, и тот расслабился.

– Законы коснутся не только наследования, но и всего прочего, – продолжила я. – И они буду не устными, но рукописными и послужат будущим поколениям указаниями, по которым они буду жить и развиваться. Законы возможно менять и дополнять, но основа остается неизменной. И поэтому на нас лежит великая ответственность, потому что именно мы становимся теми корнями, от которых поднимется крепкое древо, имя которому Айдыгер.

Я снова обвела взглядом серьезные, даже строгие лица мужчин. В их глазах было понимание и согласие. Пока возражений не было. Хорошо, поглядим, как пойдет дальше.

– Законы коснутся многого: наследования, войска, порядка на наших землях, торговли, отношений с соседями и прочего. Я подготовила первые версии... варианты...

– Ты написала то, что мы должны прочесть и обсудить, – подсказал Илан.

– Верно, – я кивнула ему с благодарностью. – Но прежде я хотела бы сказать о том, что не менее важно и необходимо. Любое государство имеет четкие границы. Мы должны в точности знать, какие земли принадлежат нам и сколько людей живет на них. Также мы должны в точности знать наши ресурсы... наше достояние. Туда входят пастбища, стада, промыслы, полезные ископаемые... то, что находится в земле вроде ньины. Это всё не менее важно, чем законы. Было бы замечательно составить карту Айдыгера, а лучше и карту соседних земель, которые нам известны.

– Что составить? – спросил Илан.

Он был единственным, кто не понимал этого слова. Эгчен и Архам слышали от меня уже и саму фразу, и объяснение смысла. Танияр и вовсе был знаком с географическим атласом моего мира.

– Это рисунок, который укажет, где и что находится, – ответил вместо меня байчи, и я снова кивнула:

– Верно. – После взяла лист бумаги и карандаш, принесенные из Тибада. – Смотри, Илан.

Впрочем, придвинулись ближе и Эгчен с Архамом. Я некоторое время рисовала подобие карты, где отобразила и реку Куншале, и земли кийрамов, и даже Каменный лес. Поставила и точки, обозначившие поселения. После начала объяснять, водя обратной стороной карандаша по изображенному пространству. Тратить на это время было не жалко. Чем быстрее они поймут, тем легче будет приступить к дальнейшему – а это было изучение картографии, книгу по которой я тоже прихватила.

– Архам, – закончив пояснения, я посмотрела на деверя, – это будет в твоём ведении, как и перепись людей и ресурсов. Можно воспользоваться методом илгизитов...

– Кого? – переспросил Эгчен и нахмурился: – Зачем нам смотреть на врага?

Явное согласие с ним я увидела и в глазах Илана. Архам же кивнул с пониманием, с ним мы успели обсудить пользу такого подхода еще в дороге. И хоть бывший каан кривился при упоминании отступников, но сейчас осознал, о чем я толкую. Осталось объяснить это и несогласным.

– Затем, байчи, – ответила я, – что враг не спал, как тагайни, всё это время. Придя в упадок, как остальные народы, илгизиты начали свое возрождение раньше нас. Иногда полезно перенимать даже методы врага, если они несут пользу. Это не означает, что мы уверуем в Илгиза, но облегчим самим себе жизнь. Суди сам. Мы можем отправить одного или несколько человек, чтобы они объехали каждое поселение, переписали каждый двор, потратив на это время и нервы. Уж поверьте, новшество вызывает непонимание и противление. Я, как никто, это знаю и по прошлой жизни, и по настоящей. Или же можем воспользоваться методом, который придумали и укоренили у себя илгизиты. Назначенный старейшина или глава составят списки и передадут в Иртэген, где Архам уже сведет их воедино и представит нам точное число. Объяснить одному человеку, зачем всё это нужно, проще, чем каждому двору.

– А илгизиты знают, сколько у них людей? – с толикой иронии и недоверия спросил байчи.

– Знают, Эгчен, – ответила я. – Каждый год каждое поселение присылает им отчет... пояснение: кто родился, кто умер, сколько ныне людей живет и какого они возраста. Сколько мужчин и сколько женщин, сколько детей и стариков. Впрочем, у нас и отступников разные цели переписи. Они ведут подсчет своему войску, потому что каждый мужчина определенного возраста – это их воин. Представляешь, какова численность их войска, байчи? К тому же они

совершенствуют... развивают свое оружие. И пока тагайни точат наконечники для стрел, илгизиты делают метательную машину.

– Да, слышал, – мрачно кивнул байчи-ягир. – Танияр рассказывал.

– Мы тоже теперь не только наконечники точим, – усмехнулся дайн. – Спасибо, Ашити, ты принесла нам много важных новостей из земель илгизитов.

– Верно, – чуть расслабился Эгчен.

– Вот видишь, друг мой, – улыбнулась я, – знание жизни врага может принести пользу.

– О чем вы говорите? – подал голос Илан. – Что за оружие у предателей?

– После, – ответила я. – Сейчас поговорим о насущном, а потом я расскажу тебе, что видела в Дэрбинэ. – Он согласно кивнул, и я продолжила: – Вернемся к переписи. Кроме людей, должно быть указано и название поселения, так мы будем знать, сколько их у нас. С учетом территорий двух бывших таганов это будет вовсе не лишним. Пагчи, разумеется, тоже участвуют в переписи. Если они не сохранили знание ирэ...

– Да разве они вообще знали когда-нибудь ирэ? – с искренним удивлением спросил всё тот же Илан, и я усмехнулась:

– Тебе покажется странным, что я сейчас скажу, но когда-то все народы жили вместе и были одинаково образованны. Придет время, и я многое расскажу о прошлом Белого мира, которое мы утеряли, но, можешь мне поверить, предки считали бы тагайни дикарями ничуть не меньше, чем прочие племена. Они все без исключения обладали знаниями, много превышающими те, которые имеете вы. И что такое карта, им не надо было объяснять. Они это знали и умели составлять. Даже комбинаций ирэ у них было значительно больше, чем знают их потомки. Халимы и илгизиты используют и сейчас их больше, чем ты или любой тагайни, но это всего лишь капля от тех знаний, какие были у минувших поколений. И это еще одна наша задача – вернуть людям утерянные знания. Более того, дети больше не будут заучивать только фразы, составленные из ирэ. Они будут обучаться различным наукам: письменности, чтению, математике... потом объясню, истории, истинной истории. А по мере того как мы будем открывать наш мир заново, они станут учить и географию, и прочие дисциплины. Летом мы пригласим халима Фендара, а через него заманим и других ученых людей. Нам есть что им предложить для переезда из Курменая в Айдыгер. Но образование пока оставим, к нему вернемся летом. А до той поры стоит решить вопросы, которые я огласила.

– Я услышал тебя, Ашити, – кивнул Архам.

– Далее, – произнесла я и перевела взгляд на родственника бывшего каана: – Илан, ты блестяще провел расследование минувшим летом, и потому тебе мы доверяем охрану порядка...

– Порядок охраняют ягиры, – возразил Эгчен.

Я накрыла его плечо ладонью и ответила:

– Байчи, ягиры – воины. Они не могут выполнять всё подряд. Да, сейчас, пока не организованы прочие службы, они необходимы, чтобы помогать в обеспечении порядка. Однако службы, которые отвечают за нечто определенное, сильно облегчают жизнь. Полиция, так похожая служба называется в моем мире, следит за порядком на улицах. Они расследуют преступления, ловят преступников. Служба юстиции – это обвинители, защитники и судьи. Они разбирают не только дела о кражах и убийстве, но и споры, вроде того, когда летом ко мне пришли за справедливостью – чей детеныш мгицы, если она разродилась в соседнем дворе. И если всем этим будут заниматься ягиры, то когда же им охранять границы и воевать с врагом, если он придет? Не ягиру гнаться за воришкой. Понимаешь?

Эгчен еще с минуту смотрел на меня, а после кивнул, наконец согласившись. Улыбнувшись ему, я снова вернула внимание Илану:

– Помимо охраны порядка, на тебе и наблюдение за таганами. Это временно, пока мы подберем людей для разделения твоих обязанностей. Сейчас я знаю только тебя и отдаю должное – у тебя хорошие задатки для той работы, которую я описала.

– Я готов, дайнани, – ответил Илан.

Кивнув, я продолжила свою мысль:

– Было бы недурно в будущем направить человека и к илгизитам, чтобы он доносил о том, что происходит в Дэрбинэ. И это нам нужно больше, чем известия из соседних таганов. Вряд ли с нами кто-то решит связаться еще долгое время. Клятва крепко держит людей в бывших таганах, которые вошли в Айдыгер, а потому у нас на данный момент самая сильная армия, и урвать у нас даже кусок земли подобно самоубийству. А вот илгизиты – иное дело. Они опасны не только для нас, но и для всех таганов, потому что их войско огромно, и вооружены они не в пример лучше ягиров, уже не говоря о простых пастухах и пахарях. Язгуйчи есть только у нас, и тем мы хоть как-то можем противостоять отступникам. А еще у них есть подручные великого махира. Насколько я понимаю, а понимаю я верно, чем дальше они от Дааса, тем становятся слабей. Однако Рахон сумел забраться мне в голову еще на Зеленых землях. Впрочем, при втором похищении Отец оберегал меня, и илгизит оказался бессилен, но не каждому так повезет. Итак, у них есть армия, превосходящее наше оружие и подручные. Шаманы в этой битве вряд ли будут участвовать, но! Помимо тех наработок, над которыми работают дайн и ягиры, у нас есть еще кое-кто, кто способен противостоять подручным.

– Кто? – спросил Эгчен, и я улыбнулась:

– Наш хамче, разумеется.

Теперь все посмотрели на магистра. Я с улыбкой, Танияр с пониманием, а вот три тагайни с явным изумлением и даже недоверием. Первым выразил общую мысль байчи:

– Я уважаю тебя, Ашити, ты это знаешь, потому не обижайся на то, что я скажу. Твой хамче стар. Каким бы даром он ни обладал, но это не может сравниться с острым ленгеном. К тому же мы не видим в нем пользы. Отец признал еще одного пришлого, и мы склоняем головы. Дайн принял его, и мы верим своему дайну. Ты добра с ним, и мы не смеем мешать вашей дружбе. Но больше он ни на что не годен. Твой хамче бесполезен.

И стол взлетел. В одно короткое мгновение он поднялся под самый потолок, не уронив ни мои писчие принадлежности, ни сундучок, ни листа бумаги. Эгчен, схватившись за рукоять ножа, вскочил на ноги. Следом за ним порывисто поднялся Архам. Их взгляды заметались по сторонам. Илан тоже приподнялся, но перевел взгляд с меня на Танияра и, не обнаружив и тени волнения, посмотрел на Элькоса.

– А тебе сил и молодости хватит, байчи, чтобы сделать это? – спокойно полюбопытствовал магистр. – Если да, то повтори за мной.

Теперь и на лице дайна отразилось удивление:

– Вы овладели нашим языком? Почему не сказали?

– Не успел, государь, – с почтением ответил хамче. – Это произошло сегодня ночью. Я наконец услышал голос Белого мира и сумел перенять его. Простите, что не предупредил.

– Так вот чем вы занимались полночи, – усмехнулся супруг, уже глядя на меня.

Стол тем временем опустился на свое место, вынудив Эгчена отшатнуться. Элькос развел руками:

– Так что, байчи, повторишь? И если сумеешь хотя бы приподнять его над полом, я признаю, что бесполезен.

Эгчен вернулся на лавку и некоторое время смотрел на магистра. После прижал ладонь к груди и склонил голову:

– Прости меня, хамче, я был неправ. Но я не знал, чем тебя одарили духи.

– Этот дар у меня с рождения, – с достоинством ответил Элькос. – Его дали мне боги моего мира, но Белый Дух увеличил мою силу во много раз. Здесь я обрел истинное могуще-

ство и буду рад положить его к ногам дайна и дайнани Айдыгера. Думаю, если я и не всемогущ, то кое-что противопоставить илгизитам я смогу.

– Велик Отец в своей мудрости, – теперь почтение байчи принадлежало Создателю.

– Верно, – согласно кивнула я. – Велик Отец в своей мудрости и щедрости. К Айдыгеру Он особенно добр.

Мы немного помолчали, и я встрепелась первой:

– Но продолжим, Совет еще не окончен. Илан, мы говорили с тобой о сурхах...

– Мне привезут несколько пар из разных таганов в начале лета, – ответил тот, не дожидаясь окончания фразы, а после посмотрел на Танияра: – Позволишь сказать, дайн?

– Говори.

– Дайнани сказала, что я могу брать себе помощников. – Дайн не ответил, он ждал продолжения, и Илан не стал томить: – Я хочу позвать брата. Мы думаем с ним одинаково, Нихсэт будет хорошим помощником. А если потом будет разделено то, чем я стану заниматься, то мой брат может взять на себя порядок в Айдыгере.

– Хлопочешь о брате? – спросил Танияр.

Я невольно усмехнулась, потому что подумала о том же. В эту минуту Илан потерял в моих глазах большую часть своей привлекательности как будущий государственный деятель. Мы только начинали, а советник уже старался возвысить родственника. Признаться, что-то подобное я ожидала лишь через некоторое время, когда корыстолюбцы поймут, что появилось то, чем можно потешить собственное честолюбие. Даже больше, у меня был макет законопроекта и на этот случай, чтобы отсечь разом подобный протекторат.

– Нет! – восклицание Илана вернуло меня в ханам. – Клянусь! Нихсэт дельный, и если позволишь ему служить тебе, то вы с дайнани увидите, что я пекусь не о брате, а о дайнате.

– Нихсэт ждет нашего ответа? – спросила я.

– Нет, – Илан отрицательно покачал головой. – Я подумал о нем, когда ты сказала, что потом разделишь то, чем я займусь. Тогда мне и пришло в голову, что помощником может стать Нихсэт, потому что у нас похожие мысли. Ему я доверяю и знаю, что он может. Ни о ком другом я так думать не могу. Если строить дом, то лучше с тем, с кем потом будешь его делить.

– А если Нихсэт откажется?

– Тогда я постараюсь его уговорить. А если не захочет, то возьму того, на кого укажете, – ответил советник. – Если дайн и дайнани против моего брата, то я не стану с ним разговаривать.

– Нихсэт говорит мало, но думает много, – заговорил Архам. – Мать иногда советовалась с ним. Редко, но бывало. Правда, слушала еще реже, сама решала.

Он замолчал и отвернулся. Впрочем, причиной тут было не чувство вины или тоска по погибшей матери. Скорее всего, деверь отвел взгляд уже потому, что заговорил о ней, тем напомнив, кто на самом деле правил таганом.

– Бери Нихсэта помощником, – вынес решение Танияр. – По делам увидим – дельный или нет. Если толка не будет, возьмешь другого помощника. Обмана не потерплю.

– Я честен с тобой, дайн, – ответил Илан, и я не уловила ничего, что показало бы его неискренность.

– В Совете твоему брату места нет, – продолжил Танияр. – И не обо всем, что услышишь здесь, стоит с ним говорить.

– Я понимаю, дайн, – склонил голову советник. – Я не думал звать Нихсэта сюда и говорить с ним о Совете. Мне подумалось, что он подходит для той работы, о которой говорила Ашити, потому просил за него. Больше ничего.

– Хорошо, – кивнул мой супруг, но я ясно услышала скрытое «посмотрим».

И в этом я была с мужем солидарна. На нашем пути будут ошибки, и в выборе людей тоже, но мне хотелось верить, что в Илане я не ошиблась. В любом случае если Нихсэт будет не менее хорош, чем его младший брат, то мы еще пойдем, у кого и к чему склонность больше.

Возможно, безопасностью Айдыгера от внешних угроз будет заниматься именно Нихсэт, но на это ответ даст лишь время и успехи братьев. А пока можно было вернуться к прерванному разговору.

Я посмотрела на дайна, и он снова кивнул, но уже мне, дав позволение продолжать.

– Илан, – я снова обратилась к родственнику Архама, – Хасиль всё еще хочет устроить больницу и лечить там людей?

– Да, дайнани, – ответил Илан. – Она ждет, когда сможет говорить с тобой.

Я улыбнулась и перевела взгляд на деверя:

– Архам, это тоже будет в твоём ведении. Если ты не против, то я советовала бы взять в помощь Эчил. Она хорошо себя показала, пока приглядывала в моё отсутствие за курзымом. Думаю, она сможет помочь Хасиль с устройством больницы. Нужно подыскать дом, где мы её разместим. Если потребуется ремонт, то Керчун поможет. Я бы даже советовала объединить Эчил с почтенным мастером, у них светлые головы, а заодно подыскать нового смотрителя курзыма. Возможно, сам Керчун посоветует. Он хороший администратор, и стоит повысить его должность. Подумай над этим. – Брат Танияра кивнул, и я снова посмотрела на Илана: – Скажи Хасиль, что я навещу её и мы обо всем поговорим.

Советник улыбнулся, и я перевела взгляд на мужа. Теперь пришел черед говорить ему, и это была, пожалуй, самая непростая часть, потому что дело касалось ягиров. Танияр прикрыл глаза, так ответив на мой взгляд. Признаться, мне стало тревожно, все-таки воины таганов были особой частью всего сообщества. У них были свои права и законы, порядки, уклад и свобода воли, а мы собирались покуситься на самое святое – на кодекс ягиров.

– Эгчен. – Поза дайна не изменилась, он был по-прежнему расслаблен.

Супруг не волновался, как я, это мне было известно. Впрочем, верность ягиров ему обеспечивала клятва, даже если они будут не согласны. Они не могли предать, напасть или затеять переворот с целью поставить дайна, какой мог показаться им более удобным. Хотя войнам Зеленых земель я доверяла, они шли за Танияром без вопросов и споров. А вот те, что достались нам от двух павших каанов, лично для меня всё еще оставались чужаками. И пусть самое большое, что они могли сделать, – это уйти в какой-нибудь таган и сменить властителя, с которым уже не смогут прийти войной, но ослаблять армию не хотелось вовсе. Да и попросту ссориться с теми, кто всегда стоял за плечом, тоже.

– У нас теперь стало намного больше земель, – между тем продолжал Танияр, – и бегать навстречу врагу, как раньше, мы уже не можем. Ашити права в том, что войной таганы на нас идти не решатся, если только не сумеют объединиться, но набеги устраивать смогут. Пришла пора защищать не поселения, а границу.

– Да, это мудро, дайн, – кивнул байчи.

– Граница у нас большая, ягиров не хватит, и разъезды не помогут. Пришла пора ставить крепости, между которыми будут стоять кордоны, а разъезды пойдут от крепости до кордона...

– Это всё не наши слова, – вдруг нахмурился Эгчен.

– Верно, – кивнул Танияр. – Мы дадим всему этому наши названия. Сейчас я говорю тебе так, как объясняла Ашити. Я был в её мире и говорил с таким же властителем, как я. На его земли часто и много нападали соседние племена. Земли жили плохо и теряли людей, потому что граница долгое время была почти открытой. Было много мест, где проходили враги. Потом эти дыры закрыли, и нападений стало меньше. Теперь земли процветают. Мы меняемся, Эгчен, и всё меняется вместе с нами. Такова воля Отца, и ты это знаешь, иначе вещь не помогала бы нам. Ашит идет не к дочери, но по велению Белого Духа. Только ему она послушна.

Байчи, как и остальным, возразить было нечего. Каждое слово дайна было острой стрелой, которая била в цель. Если бы я могла, то сейчас аплодировала бы супругу. Он выбрал самый верный путь. Не я, но Нибо Ришемский и шаманка стали его оружием против закоснелости даже такого преданного человека, как Эгчен. Впрочем, всё было верно. Я лишь когда-то

изумилась тому, насколько тагайни беспечны в защите своих рубежей. И не меня взял в расчет дайн, принимая решение, хоть я и подсказала направление. Именно его светлость мог стать лучшим советчиком в этом деле. Кому, как не ему, было знать о набегах и разорениях?

– В каждой крепости будут сурхи, чтобы вести передавались быстро в любой конец дайната, – продолжал Танияр. – Саул скор, но птица летит быстрее. Ей неведомы повороты дорог и непроходимые топи.

– Понял, – отозвался Илан, уже взявший на себя обязанности по разведанию почтовых птиц.

Дайн кивнул и ему, а после вернулся к разговору с Эгченем:

– Кийрамы нам не враги, они оберегают нас со своей стороны, мы поможем им, когда в том будет нужда. Каменный лес был нам врагом, но он же и защищал нас, теперь его нет. Когда сойдет снег, мы посмотрим, что находится за его пределами. Твари, какие выжили после того, как мы разбили каменные столбы, должны были сдохнуть за зиму. Их больше ничто не защищает. Это теперь тоже наши земли, и, насколько они тянутся, мы узнаем, и там поставим крепость...

– Хайят, – произнес Архам. Все взоры обратились на него, и деверь пояснил: – Так мы можем назвать крепость на границе.

Твердь, твердыня – перевела я для себя и одобрительно кивнула. Название было превосходное.

– Хорошее название, – едва заметно улыбнулся его брат, а Эгчен кивнул – ему тоже пришлось по душе. – Стало быть, там и поставим хайят. Добавим к нему еще название земли, на которой он стоит, так будет лучше. Огчи-хайят – так назовем крепость за Каменным лесом.

– Замечательно! – просияла я.

– Да, жизнь моя, – улыбнулся мне Танияр. – Но это только название, будем говорить о деле дальше. Эгчен, – он снова сосредоточился на байчи, – тебе собирать язгуйчи. Сначала тех, кто уже стоял на стене и почувствовал в себе воина, потом пусть по поселениям пройдутся более языкастые ягиры и расскажут, что за службу дайну будут давать награду. Готовить их будем лучше, чем первых язгуйчи. Тогда дали, сколько успели, теперь будем воспитывать настоящих воинов.

– Они не осилят науку ягиров, – возразил Эгчен.

– Науку ягиров оставим ягирам, – ответил дайн. – Язгуйчи должны уметь держать в руках клинок и обращаться с ним, стрелять, и не только из лука. Начнем обучать тому, что у нас уже есть. За лето мы должны будем поставить первые хайяты. Туда и отправим новых воинов. Ягиров им в начало назначим, но лучшее войско не будет стоять в хайятах, здесь ничего менять не станем.

– Кого алдаром поставишь? – байчи выжидающе смотрел на Танияра, и я испытала внутренний трепет.

Эгчен подошел к самому главному. Алдар и право его выбирать – это то, что было в основе воинских традиций. Это было одним из главных законов, но...

– Алдаров не будет, – произнес Танияр, и все тагайни посмотрели на него с недоумением. – Я – алдар своему войску, – продолжил мой супруг. – И каждый дайн будет алдаром. У ягиров больше не будет права выбирать. Войско должно подчиняться правителю.

Дайн замолчал, дав Эгчену возможность обдумать его слова. Байчи нахмурился. Он накрыл поверхность стола ладонями и устремил на них взгляд. Безмолвствовали и Архам с Иланом, но их такие новшества особо не касались. Впрочем, когда трещали по швам укоренившиеся традиции, беспокойство испытывали и те, кто не имел к ним отношения.

– Танияр, – наконец заговорил Эгчен, – ты знаешь, я пойду за тобой даже в горящий огонь, и все ягиры пойдут. Мы доверяли тебе и будем доверять, потому что не жалели ни дня о своем выборе. Ты наш алдар, в тебе живет великий Ягтыгур, тебя любит Белый Дух. Ты умный

и сильный и если скажешь: «Идите и умрите», мы пойдем и умрем. Если ты так скажешь, значит, так надо. Никто не оспорит. Но это ты. Какими будут другие дайны? Если однажды появится новая Селек...

– Селек не была мне матерью, она заботилась о своем сыне, – спокойно прервал его Танияр. – Дайны будут иметь одну жену. Если дайнани не сможет родить детей, тогда муж отпустит ее и возьмет новую жену. Если дайнани родит дочь и не родит сыновей, значит, у дайна будет не наследник, а наследница. Тогда юная дайнани будет постигать науку ягиров, чтобы могла быть со своим войском, но! – супруг выдержал паузу, дав остальным осмыслить и эти слова, а после продолжил: – Над войском будет стоять байчи-ягир. Он не глава, но первый из воинов. Ему будут подчинены ягиры и язгуйчи, но он склонит голову перед дайном. Ягиры не могут выбирать алдара, потому что алдар – это дайн, и дайн будет ставить своего байчи-ягира – первого из первых. Мой байчи-ягир – ты, Эгчен.

Байчи снова опустил взор – он обдумывал, что сказал Танияр. Я перевела взгляд с Эгчена на супруга.

– Эгчен, – позвал байчи дайн и, когда тот поднял голову, просто добавил: – Верь мне.

И байчи расслабился. Он кивнул и ответил:

– Я верю тебе, Танияр.

Скандала не произошло, и я расслабилась. Впрочем, еще оставались сами ягиры, ягиры всего дайната.

Глава 5

Тишина опустилась на земли Белого мира, метель так и не завывала с приходом ночи.

– Весна, – прошептала я и порывисто села на кровати.

От столь резкого движения напряглось внизу живота, и я некоторое время сидела, поглаживая объемное чрево, внутри которого возился потревоженный будущий дайн. Нынешний правитель по своей привычке не имел ни стыда ни совести, то есть продолжал сладко спать. Мириться с этим я не пожелала и, сжав ладонь Танияра, потрясла его:

– Жизнь моя, проснись...

– М? – сонно спросил дайн, и я снова потрясла его руку:

– Танияр... Танияр!

Супруг сел и, не открывая глаз, спросил:

– Что случилось?

– Идем, – только и ответила я.

Дайн провел по лицу ладонью, стирая сон, после поморгал и перевел на меня непонимающий взгляд. Однако объяснять мне было некогда, и я, встав с кровати, снова потянула его, нетерпеливо притопнув:

– Ну что же ты сидишь? Идем скорей!

На миг на лице супруга отразилась тревога, но вдруг сменилась иронией, и он полюбопытствовал:

– Ты добралась до кладовки под полом? Хочешь, чтобы я достал тебе окорок мгиза?

– Что? – потрясенно переспросила я.

– Под полом только замороженное мясо, – ответил Танияр. – Но с твоей хваткой рырха ты его точно разгрызешь.

И я задохнулась от праведного негодования.

– Да как ты смеешь?! – возмутилась я. – Думаешь, все мои мысли ночью только о еде?

– У остальных ночью вообще нет мыслей, – справедливо заметил дайн. – Ночью люди спят, и только моя дайнани...

Вскинув руку, я остановила его:

– Лучше молчи.

После обошла кровать с независимым видом, более не тратя на негодника времени. Да попросту обиделась! Я так хотела вместе с ним встретить этот волшебный момент наступления весны, а он... Так низко и гадко издеваться! И над кем? Надо мной! До кладовой я добралась, видите ли, окорок сырой во льду сгрызу, потому что все спят, а я только и делаю, что ем. Но не каждую же ночь! И немного. Так... перекусить выхожу если только.

– Окорок, – фыркнула я и покинула спальню под пристальным взглядом супруга, в котором раскаяния так и не появилось.

Оскорбленная до глубины души, я направилась к тому, кто меня всегда понимал. Вот уж кому и в голову не придет упрекать и обвинять меня в том, что не даю спать! Элькос – мой старый друг, и мне достаточно только постучать в дверь...

– Душа моя, это вы? – донеслось в ответ на стук. И только я намеревалась умилиться, как магистр продолжил: – И что же это вам не спится? Прихворнули? Бессонница? Подождите, сейчас халат накину и дам вам капельки. – А потом и вовсе добавил: – Или вас мучит несварение? Немудрено, вы столько едите, да еще и того, что странно сочетать вместе. Еще минутку.

Он открыл дверь, и я одарила Элькоса ледяным взглядом.

– Благодарю покорно, – сухо произнесла я. – Со мной всё хорошо. – Развернулась и ушла, сердито чеканя шаг.

– Что случилось, девочка моя?! – в спину воскликнул мне маг. – Вы ведь что-то хотели.

– Уже не хочу, – отмахнулась я. – Передумала. Ложитесь спать, магистр. Извините, что побеспокоила.

О, как я была зла! На всех мужчин Белого мира, нет! На всех мужчин Вселенной разом! Черствые, бездушные себялюбцы, неспособные понять всей тонкости женской души и ее потребностей. И Танияр, даже Танияр! А Элькос? Не открыл, не узнал, но сразу наговорил гадостей. И я почитала его своим другом!

– Окорок, – сердито ворчала я, войдя в гардеробную. После сунула ноги в сапоги и взяла шубу: – Несварение... Мерзавцы.

Одевшись, я прошествовала к выходу из дома. На приоткрытую дверь спальни, откуда на меня взирал супруг, я даже не обернулась, всем своим видом показав, насколько оскорблена. Не буду с ним разговаривать, теперь уж точно. Никогда! Со всеми буду, а с ним нет. И с Элькосом, если только стану цедить слова сквозь зубы, потому что ему еще нужна моя помощь. А потом тоже перестану.

– Куда направилась, любовь моя? – любопытствовал супруг, накрыв мое плечо ладонью.

– Прогрызать дорогу к окороку со двора, – ответила я, не обернувшись. – Чтобы больше тебя не будить.

– Из дома удобней, – заметил дайн. – Здесь уже путь прогрызен.

Вспыхнув, я скинула его руку и прибавила шаг. Красота наступающей весны меня более не интересовала. Теперь я просто хотела уйти из дома, где меня обидели, унизили и даже почти разбили сердце. Почти – потому что я еще не решила, насколько глубоко задета. Быть может, еще помиримся... потом. Но сейчас... Сейчас я намеревалась немного поплакать...

– Ох, Отец, – выдохнула я, едва открыв дверь, и забыла о собственных намерениях.

Слезы так и остались в глазах, да и об обиде я забыла в то же мгновение, как мне открылось уже знакомое, но оттого не менее потрясающее зрелище. Разве что мелькнула мстительная мыслишка, что кто-то готов проспать всё это великолепие, подаренное Белым Духом своим детям.

– Преступное равнодушие, – покачала я головой и шагнула во двор.

Но здесь мне показалось слишком сумрачно. В священных землях была свобода, и там ничто не могло скрыть от меня волшебства наступления весны в Белом мире. А на подворье было слишком тесно... в сравнении со степью, конечно. Мешали постройки и сами ворота. И я направилась к калитке. Открыла ее и выглянула на улицу. А после и вовсе вышла за ворота.

– Ах... – не сдержала я восторженного вздоха.

Улица была залита мистическим сиянием лунного света. Первая луна этого года! Задорные искры разлетелись по дороге, по заборам, по стволам деревьев. Всё вокруг сияло миллиардом маленьких огоньков. Мне даже казалось, что я слышу хрустальный перезвон, заполнивший кристально прозрачный воздух.

– Чудо, – прошептала и чуть вздрогнула, потому что на плечи мне легли ладони.

Они скользнули на спину, а после перебрались на талию и сошлись на животе. К макушке прижались щекой, и до меня донеслось негромкое:

– Ты звала меня встретить весну?

– Да, – прошептала я, а после добавила чуть громче: – Смотри, как восхитительно, жизнь моя. Я смотрю на это великолепие второй раз в жизни и не могу не восхищаться. Неужели ты не слышишь, как перестает выть выюга?

– Я живу в этом мире с рождения, – ответил супруг. – Мне привычны и вой ветра, и тишина. Но я рад, что ты меня разбудила. Красиво...

Мы будто бы стояли в иной реальности, в которой Иртэген был призрачным, будто скрытым за тонкой сверкающей пеленой мироздания. Где-то там, откуда мы пришли, продолжалась обычная жизнь, не имевшая ничего общего с этим сказочным пейзажем. А мы стояли в самом

центре Вселенной и глядели на эту жизнь со стороны, оставаясь равнодушными к ней, потому что всё, чем наполнилась душа в эту минуту, – это сияние белых искр и свет первой луны.

– Шанни... Ашити, куда же вы побежали? На улицу, в холод, да еще в вашем положении! Ох... что это?

Магистр, едва не испортивший момент увещеваниями, застыл рядом с нами с открытым ртом. Улыбнувшись, я не глядя протянула руку. И когда ощутила слабое пожатие, ответила:

– Это весна, друг мой.

– Невероятно красиво, – пробормотал Элькос. Он еще некоторое время в молчании любовался открывшимся нам зрелищем, а после произнес рассеянно: – Так вот отчего вы постучались, желали показать это чудо. Я помню, вы рассказывали, как приходит весна в Белый мир. А я не понял, подумал, что вы все-таки переели и вам дурно...

Он замолчал, а я тихо зарычала. Негодование, едва утихшее, вернулось, чуть не испортив мне любования. За моей спиной рассмеялся Танияр. Должно быть ощутив, что я напряглась, он развернул меня к себе лицом и, обняв его ладонями, сказал с улыбкой:

– Прости нас, свет моей души, мы обидели тебя не со зла. Я просто шутил, а магистр заботился.

– Вы обиделись на меня? – изумился Элькос. – Но почему?

Вздыхнув, я произнесла:

– Идемте в дом. Я все-таки и вправду в тягости. Хоть и не холодно, но долго гулять не будем. Впрочем, если кто-то хочет задержаться...

– Идем, – улыбнулся Танияр. – Полюбуюсь в окошко, если хочешь.

– А я еще немножечко постою, – рассеянно ответил магистр. – Я чувствую прилив силы... Боги...

Он вдруг шумно выдохнул и раскинул руки. Искорки, словно испуганные светлячки, вспорхнули со своих мест. Они некоторое время висели неподвижно, а после устремились к нам... к Элькосу. Еще миг, и мы оказались в центре сияющей воронки. Она вращалась всё быстрее и быстрее, пока не послышалось завывание ветра, взметнувшего волосы.

Я прижалась к Танияру, спрятала лицо на его груди и отчаянно пожалела, что разбудила магистра. Он уничтожил умиротворение пейзажа, впрочем сумев поразить тем неистовством, что сейчас творилось вокруг нас. И все-таки стало даже немного страшно.

– Магистр! – гаркнул дайн, и кружение замерло.

– Я могу сейчас построить второй Иртэген, – сипло произнес хамче.

– Пожалуй, нам хватит одного, – усмехнулся супруг и приказал: – Возвращаемся домой. Все.

– Да, государь, – скорее машинально ответил Элькос, и искры разлетелись, едва он опустил руки. После тряхнул головой и посмотрел на нас с извиняющейся улыбкой: – Простите, увлекся. Это было даже восхитительней, чем источник танров. Невероятная мощь, я не удержался.

Кивнув ему, Танияр приобнял меня за плечи, и мы первыми направились к подворью. Магистр чуть замешкался, но вскоре догнал нас, и в ворота мы вошли втроем. Здесь пока не было ягиров. Ночью подворье охранял сам Белый Дух, как и любое другое жилище. Я говорю о метели. Пока стихия буйствовала, пока холод сковывал легкие, нападений не опасались. Но пришла весна, и уже следующей ночью у ворот встанет стража. Нет, они стояли на посту и зимой, но до наступления темноты, а теперь охрана будет круглосуточной.

Уже войдя в дом, я скинула на руки Танияру шубу и поспешила на кухню, но в этот раз никто шутить не стал. Впрочем, я заходила туда не за булочкой или сыром. Раздув затухающие угли в очаге, я зажгла лампу и поспешила в кабинет.

– Что встревожило тебя? – Супруг вошел следом, так и не оставив одежду в гардеробной.

– М? – Я бросила на него взгляд и достала чистый лист бумаги.

Танияр все-таки отнес нашу одежду и вернулся. Он присел на край стола и посмотрел на то, что я написала.

– Весна, – прочитал дайн. – Один. Это...

– Считай, это наш первый календарь, – улыбнулась я. – Пока просто будем вести подсчет дням. За ориентир возьмем первый день весны.

– Хорошая мысль, – похвалил меня супруг. – Ты же уже начинала считать дни...

– Да, – теперь кивнула я. – Когда я попала в Белый мир, я начинала подсчет, но после второго похищения сбилась, а потом и вовсе вернулась домой. К тому же у меня не было ориентира. Я попала сюда посреди зимы. А сейчас есть отправная точка, от нее и будем отмечать. Милый. – Танияр оторвал взгляд от листа бумаги и посмотрел на меня. – Как вы понимаете, что наступило лето? Мама говорила про праздник лета, но не объяснила, как люди понимают, что весна подошла к концу. Для меня прошлое лето началось с твоего возвращения в священные земли.

Дайн взял меня за руку и притянул к себе. Я упираться, разумеется, не стала и нырнула в заботливые супружеские объятия. Танияр провел по моей щеке кончиками пальцев. Затем мягко сжал подбородок и склонился к губам. А потом развернул к себе спиной, и теперь мы смотрели на его портрет, который рисовала я. Хотя нет, смотрела на портрет, наверное, только я, а мой муж прижался щекой к моей макушке.

– Это был один из лучших дней, – наконец произнес он. – Ты согласилась остаться в моем доме. Я переживал, что откажешься.

– Как же мне было отказать, если ты угрожал покою моей матери? – хмыкнула я и развернулась к нему лицом. Смотреть на портрет мне нравилось много меньше, чем на оригинал. Я оплела шею Танияра руками и некоторое время любовалась мужественными чертами. – А какие еще дни были для тебя лучшими? – спросила я с нескрываемым интересом. – Наша свадьба?

– Все дни, когда ты была со мной, – улыбнулся супруг, блуждая взглядом по моему лицу. На миг задержал его на губах и снова посмотрел в глаза. После поднял руку и отвел в сторону прядку волос, мешавшую ему. – Сначала, когда тебя не было, все мои дни были обычными. Одни веселые, другие печальные. Были всякие, но ни одного лучшего. А потом я увидел тебя. Ты осветила Мрак, ты осветила мою душу, Ашити, и я поверил тебе. Вложил свою ладонь в твою и пошел следом. С тех пор все дни, когда ты светишь мне, лучшие. А когда твой огонь исчезает, я снова погружаюсь во мрак. Больше нет обычных дней – только лучшие или ничего.

– Ох, Танияр, – задохнулась я от переполнивших вдруг чувств и подалась к нему. Обняла его лицо ладонями и, почти коснувшись губ своими губами, прошептала: – Без тебя мой огонь не горит так ярко, он еле тлеет. Только ты зажигаешь его.

Дайн чуть отстранился и отрицательно покачал головой.

– Ты родилась с огнем в душе, Ашити. Я не зажигал его, ты уже горела, когда Отец привел тебя ко мне. Но я помогаю пламени не угаснуть, без него ты исчезнешь, а я снова окажусь во мраке. Не хочу туда, там холодно и одиноко.

Теперь отстранилась я и прищурилась.

– Танияр, сын Вазама из рода Даймара, немедленно ответь мне, что ты хотел этим сказать? Что ты подбрасываешь хворост, потому что заботишься... о себе?!

– Кто я, по-твоему, женщина? – заносчиво спросил негодник. – Я дайн и первый в своем роду. Мои потомки будут говорить, что они из рода Танияра. О ком мне заботиться? Конечно, я забочусь о себе. – И глаза такие искренние и чистые, словно звезды в морозном воздухе.

И я накрыла фитилек лампы колпачком. Кабинет погрузился во тьму, и я мстительно спросила:

– А сейчас? Тебе всё еще светло, дайн Танияр первый в роду?

– Я слепну, так ярко сияет, – ответил он, и я расслышала в голосе улыбку. – Мне светло и тепло, для меня ничего не изменилось.

– Чем же мне наказать тебя за себялюбие, дайн Танияр? – Он промолчал, и я хмыкнула: – Верно, не подсказывай, я сама знаю.

Вновь подавшись к Танияру, я сжала его лицо ладонями и наконец поцеловала. А когда отстранилась, гордо спросила:

– Ну?

– Мне кажется, что я еще мало наказан, – чуть подумав, ответил дайн. – Сделай так еще раз, чтобы я смог ощутить раскаяние.

– Ты закрывал глаза, пока я тебя наказывала?

– Закрывал, но всё равно было ярко.

Я провела ладонями по его волосам, огладила скулы и, подняв руки выше, накрыла глаза. Затем снова прижалась к губам, но не целовала, просто слушала спокойное дыхание. Темнота нежила, ласкала в своих объятиях, и мне подумалось, что хотела бы застыть вот так навсегда. Чувствовать его, слышать... любить...

– Моя Ашити.

Я не столько услышала, сколько поняла по движению губ. А потом он сам поцеловал меня, и не было мысли пошутить о том, что преступник сам привел свое наказание к исполнению. Я таяла, растворялась вместе с темнотой и сияла, подобно ледяным искоркам в первом вздохе весны.

– Я буду светить тебе всегда, – прошептала я. – Я буду светить только для тебя.

– Да, – тихо ответил Танияр. – Ты – свет моей души.

– Кхм... – раздалось из-за двери вежливое покашливание, и мы с супругом произнесли одновременно:

– Магистр.

– Простите богов ради, – без всякого смущения произнес хамче, – но как же все-таки определяют начало лета? И не думайте, что я стоял тут всё это время и подслушивал. Я отходил и вот вернулся, думал, что вы уже освободились.

Усмехнувшись, Танияр ответил:

– Айжэм – это кустарник. Его цветы распускаются в последний день весны. Как только зацвел айжэм, на следующий день составляют столы и празднуют наступление лета.

– Сомнительная примета, – задумчиво произнес Элькос. – Весна может быть теплой, а может холодной, и тогда цветение наступает позже...

– Весна у нас всегда одинакова, магистр, – ответил дайн, а я добавила:

– И короткая. В прошлом году я насчитала тридцать дней от наступления весны до того дня, когда мы с мамой оказались на празднике лета. Значит, весна будет длиться всего тридцать дней... Хм... Вот и проверим, – закончила я.

– Всего тридцать дней? – переспросил хамче. – Это невероятно. Природе не хватит времени... Впрочем, я попросту меряю меркой своего мира. Прошу духов простить меня за сомнения. Более не смею отвлекать, – это уже относилось к нам с мужем. – Спокойной ночи, Ваши Величества.

– Пусть Увтын будет к вам добр, магистр, – ответил за нас двоих Танияр.

– Идем и мы, – сказала я.

– Идем, – легко согласился супруг и добавил: – Возможно, наказание настигнет меня во сне, когда я перестану тебя чувствовать.

– Негодяй, – фыркнула я и стукнула его кулаком по плечу. Ответом мне был веселый смех, и я улыбнулась, пользуясь темнотой, чтобы мое негодование не отдавало фальшью.

На миг мелькнула мысль все-таки зайти на кухню и взять горсточку сушеных ягод, но сразу передумала, представив ухмылку супруга. Вернулось раздражение, правда, тоже на миг.

Усмехнувшись, я покачала головой и направилась в спальню, решив, что ягоды съем днем... если еще буду их хотеть.

Танияр подначивать уже не стал, хоть мне и казалось, что его распирает от желания сказать что-нибудь этакое. Впрочем, мне могло так просто казаться из-за того, что я ждала подначки и очередной шутки. Аппетит у меня и вправду был замечательный. Признаться, щеки мои несколько округлились, да и ключицы более не проглядывали из-под кожи так явственно, как прежде. Сурхэм даже сказала на эти изменения:

– Теперь я хоть вижу, куда еда уходит. А то раньше, сколько ни корми, не поймешь, куда легло. Смотри, какая славная стала.

Не скажу, что печалилась или радовалась некоторым переменам во внешности, просто принимала их, и всё. Я не была полной или пышной, просто стала несколько упитанной. Впрочем, я была уверена, что после родов все мои новоприобретения исчезнут. Долго засиживаться над колыбелью я не собиралась. Может, и не стану бегать по Иртэгену, как прежде, но дел было немало, и все они требовали моего внимания. Так что малышу придется обходиться время от времени заботами нянек. Да и вряд ли у меня останутся нынешние потребности в еде. Однако всё это было мелочью.

В спальне я устроилась на плече Танияра и закрыла глаза, умиротворенная теплом его руки, лежавшей на моей талии. Тихонько вздохнув, я улыбнулась и... Порывисто села. Дайн поднялся с подушки следом и произнес с толикой иронии:

– Я так никогда не почувствую наказания. Что снова встревожило тебя?

Обернувшись, я впиалась взглядом в его лицо, легко приметное в сумраке, а после и вовсе встала с постели, снедаемая сильнейшим волнением. Танияр перестал улыбаться. Теперь и он поднялся с постели и приблизился ко мне.

– Что случилось, свет моей души? – уже серьезно спросил дайн.

Еще чуть помолчав, я все-таки произнесла:

– Тридцать дней, жизнь моя.

– Что – тридцать дней? – не понял супруг.

– Осталось тридцать дней, Танияр. Тридцать дней, и мы увидим нашего сына. Мама сказала...

– Привезти тебя к ней после праздника лета, – закончил за меня дайн и улыбнулся: – Уже скоро.

И я созналась:

– Мне страшно, любимый. Не боялась прежде, а сейчас подумала и вдруг испугалась.

Танияр легко рассмеялся и привлек меня к себе. Я чувствовала, как он ласково гладит меня по волосам, затем поцеловал и прижался щекой к макушке.

– Мне тревожно, – сказала я, всё еще пребывая в плену своих размышлений. – А вдруг что-то пойдет не так? А что если...

Дайн накрыл мои губы ладонью и поцокал языком:

– Помнишь, как ты говорила своей родной матери? Рядом с тобой Ашит, еще есть магистр, и тебе благоволит сам Белый Дух. И я буду рядом. Всё будет хорошо, жизнь моя.

Подняв голову, я с минуту любовалась на улыбку супруга, а после вздохнула и улыбнулась в ответ:

– Ты прав, милый, а я поддавалась сомнениям и малодушию. Моя названная мать – шаманка. Есть Элькос, чья сила теперь не имеет границ, и Создатель ко мне добр.

– А я? – хмыкнул Танияр.

– А с тобой рядом мне и вовсе нечего опасаться, – моя улыбка стала шире. – Кто еще может похвастать столь могущественной поддержкой?

– Никто, кроме моей Ашити, – заверил меня супруг и поцеловал в кончик носа.

Он направился к постели и потянул меня за собой. Вернувшись на надежное плечо мужа, я еще некоторое время смотрела в темноту, а после закрыла глаза и повторила:

– Всё будет хорошо.

– Так и будет, жизнь моя, – ответил Танияр. – А ты днем поговори с Эчилъ. У нее две дочери, и появились они не из воздуха. Думаю, она найдет, чем тебя утешить, если всех нас четверых тебе мало.

Белого Духа дайн тоже посчитал, и я фыркнула:

– Сама скромность.

– Первый в роду, душа моя-а... – окончание фразы утонуло в зевке.

– Помню-помню, – хмыкнула я и поцеловала дайну в плечо: – Спи, милый, я уже успокоилась и больше мешать не стану.

Вскоре дыхание Танияра стало ровным и глубоким, рука на моей талии потяжелела, и я выпуталась из объятий – мне не спалось. Я перебралась на свою подушку, повернулась к супругу спиной и устремила взгляд в окно, за которым продолжала мерцать весна. Впрочем, мысли мои были теперь далеки от маленького чуда, да и от пирожков тоже. Как не думала я и о скорых родах. Волнение и вправду покинуло меня. По крайней мере, пока покинуло.

Теперь я размышляла о своих родителях. Как они там? В моем родном мире уже должна была начаться зима... И за всё это время я так и не передала им ни одной весточки. Не получилось. Магистр пробовал и после того, как мы прибыли в Иртэген, и на следующий день, и много-много раз после. Однако открыть портал удавалось только к границе священных земель, а дальше Белый Дух не пускал.

Мы даже ездили несколько раз к шаманке, чтобы попытаться отправить письмо уже оттуда. Ходили в пещеру к охо... Магистр и Танияр ходили. Берик, он был в тот день с нами, намертво вцепился мне в руку и не позволил даже приблизиться к логову. Дайн только одобрительно кивнул, глядя на живой капкан. Мое возмущение и увещевания результата не дали. Нет, я не намеревалась лезть в пещеру, но хотела подождать снаружи. Однако не сумела даже отойти от дома матери.

– Это возмутительно! – воскликнула я тогда.

– Зато на глазах, – ответил Берик. – Больше не исчезнешь. – Я только фыркнула и смирилась.

Впрочем, что я ждала бы у входа в пещеру, что у дома шаманки – открыть портал не получилось. Почему пошли в логово охо? Потому что туда я перенеслась из Аритана и оттуда же отправилась назад в герцогский замок. Хотя последнее было вполне логично – меня перенес кристалл-накопитель по оставшимся координатам. Но из Камерата в Белый мир я попала именно сюда! Из этого и исходили, но без результата.

– Или произошло намеренное искажение траектории, или же попросту проход между мирами закрыт Высшими Силами, – сказал Элькос. – Но ведь нас пропустили сразу в савалар Создателя...

– Забудь, – сурово ответила Ашит.

– Но почему...

Мама только замахнулась на него кулаком, после сплюнула и перестала замечать магистра. Танияр тоже заметно посуровел, однако угрожать физической расправой не стал, а лишь укоризненно покачал головой.

– Друг мой, – заговорила я, взяв хамче за руку. – Разве же вы осмелились бы осквернить храм в нашем мире? Или же источник танров? Как вам не совестно предлагать эксперименты в саваларе? Отец был добр к вам, а вы такое непотребство удумали.

– И в мыслях не было обидеть Белого Духа! – воскликнул Элькос. – Клянусь честью, я желал только помочь! Только и всего... Прощу меня простить, – закончил маг, склонив голову.

Никто не стал принимать эти извинения, потому что магистр извинялся перед Создателем.

– На всё Его воля, – немного смягчилась шаманка. – Если Отец позволит, отправишь весть родным. Сейчас нельзя.

– Почему, мама? – спросила я с любопытством.

Она развернулась в мою сторону и усмехнулась:

– Думаешь, Отец со мной советуется? Или приходит вечер скоротать за горячим этменом? Мы не соседи с Ним. Он говорит – я исполняю.

– Да, конечно, ты права, – улыбнулась я. – На всё воля Создателя.

На том пока попытки и прекратили. Раз уж Белый Дух закрыл свой мир, стало быть, так надо. И все-таки было досадно, что я не могу отправить родителям даже короткой записки. Успокаивало одно – теперь они знали, что я жива и где нахожусь. Больше не было боли, осталась только печаль, но и была надежда однажды снова свидеться. И я верила в то, что так и будет.

Ведь оставалось столько всего, чем хотелось поделиться! И наши деяния, и перемены, обнаруженные в Айдыгере, но главное, до зубовного скрежета хотелось порадовать родителей, что они стали бабушкой и дедушкой. Когда придет время, разумеется. Рассказать, какой он – их внук. Какое имя ему даст отец, и о своем самочувствии тоже. Да много о чем! А еще узнать, что происходит в Тибаде и в столице, как поживают сестрица с супругом. Да и про Нибо я тоже была не прочь услышать. Конечно, про дядюшку и Фьера Гарда. Обо всем и обо всех!

Но грань миров сомкнулась, и откроется ли она когда-нибудь вновь, было неизвестно. Оставалось лишь верить и надеяться. Белый Дух всегда был к нам милостив, может быть, однажды он снова позволит хотя бы приоткрыть маленькую щелочку...

– Отец милостив, – шепнула я, повторив собственную мысль, и наконец провалилась в сон.

Глава 6

Весна! Она мчалась по Белому миру полноводной рекой. Теперь солнце исчезало с неба только на ночь. Снег, еще недавно лежавший ровным толстым пластом, стремительно таял. Сначала он просел и покрылся ледяной корочкой, но уже через несколько дней зазял проталинами. Они росли с каждым днем, ширились, и запах сырой земли заполнил воздух.

Бахрома хрустальных сосулек, повисших на крышах, не переставая услаждала слух бойкой капелью. Земля жадно впитывала всю влагу, скопленную за долгую-долгую зиму. Еще бы! До первых дождей было еще далеко, и нужно было напитать почву, чтобы зелень была сочной. Дурпак заботился обо всех своих подопечных.

И вскоре старания духа были вознаграждены первыми ростками. Почки на деревьях стремительно набухли, и первые листочки проклюнулись уже через пятнадцать дней после начала весны. А там показались и острия листьев юной травы. Еще немного, и она покроет землю ковром, украшением которому послужат пестрые цветы. Впрочем, аймаль уже раскрыл первые чашечки, и вскоре заборы будут оплетены этими чудесными цветами, так схожими цветом с глазами моего возлюбленного.

И вот уже вышли из заточения в теплых пристройках к домам бейкши. Должно быть, именно это сказалось на их характере, и по весне птицы оказались особенно злобными. Они клекотали и так и норовили ухватить за ноги тех, кто слишком приближался к заборам, между досками которых торчали головы скандалисток.

Да что там бейкши! Саулы покинули ашруз, сменив тяжелых мохнатых рохов. Скакуны, изголодавшиеся по быстрому бегу, в нетерпении переступали с ноги на ногу, пока ягиры седлали их. Еще немного, и первый табун свободных саулов поведут в холмы на выгул. Все пребывали в радостном предвкушении, и только Ветер продолжал отчаянно страдать.

Ему хотелось, как и остальным, встать под седло и промчать свою всадницу, споря в скорости со скакуном Великого Странника Хэлла, но... Я всё еще не могла сесть на него, а теперь уж особенно, когда до родов оставалось совсем немного. Впрочем, и отказывать моему мальчику я не хотела. Однако ему нужно было еще немного помучиться, потому что у меня были иные дела.

– Душа моя, вы уверены? – спросил меня магистр, ожидая, пока я закончу с завтраком.

– Более чем, – кивнула я. – Сейчас подойдет Эчиль с девочками, и мы отправимся в нашу экспедицию.

– Вы слишком непоседливы, лучше бы поостеречься, – все-таки укорил Элькос. – Срок близок, я вижу...

– Друг мой, – прервала я его, – успокойтесь, прошу вас. Мама сказала, после праздника лета, значит, после праздника лета. Она видящая, магистр, и еще ни одно видение ее не было ложным.

– Пусть так, девочка моя, – улыбнулся магистр. Возможно, он хотел продолжить, но от очага послышалось ворчанье:

– Да сколько же можно? Душа моя, девочка моя... Тьфу! И это при живом-то муже, да еще дайне. Ни стыда ни совести.

Элькос закатил глаза, а я спрятала ухмылку. Хамче обернулся к Сурхэм, продолжавшей негодовать себе под нос, но так, чтобы никто не пропустил ни слова.

– Дорогая, – миролюбиво произнес магистр, – как же мне называть свою дочь?

– Она тебе не дочь, – отмахнулась прислужница.

– Но как дочь, – возразил Элькос. – Я был одним из первых, кто увидел малышку Шанни. Ее родители – мои добрые друзья, и я часто бывал у них дома. Баловал девочку, заживлял ее ссадины и ушибы. А уж поверь, эта непоседа немало набила шишек не только в детстве,

но и в юности. И шалости ее я тоже покрывал, за что получал выволочку от Элиен – родной матери Ашити.

– Правда? – живо заинтересовалась я. – Матушка бранила вас?

– И зачем говорить друг другу так, будто вас много? – Сурхэм нашла новый повод придраться, раз уж на первый упрек нашлось объяснение.

– Вы – это вежливая форма обращения в нашем родном мире, только и всего, – пожал плечами Элькос. – Так обращаются к незнакомым людям, а еще к знакомым, но имеющим высокую должность или же благородное рождение. Да даже к простонародью воспитанный человек обратится на «вы», если это незнакомец.

– Нам просто так привычно, – добавила я. – Мы же не требуем, чтобы ты перестала ворчать об одном и том же, будто не объясняемся уже по десятому разу.

Сурхэм развернулась в нашу сторону и развела руками:

– Так и мне поговорить хочется. А вы всё о своем да о своем. Вот и я о своем, зато отвечаете. Вроде и поговорили.

Мы с магистром переглянулись. И если я только улыбнулась, не желая обидеть смехом обиженную на невнимание женщину, то Элькос все-таки хмыкнул.

– И что смешного сказала? – тут же насупилась прислужница. – Раньше-то присяду за стол, поговорим с Ашити. Я ей всё, что слышала, она ответит что-то. А сейчас что? Только вдвоем и говорите, а мне вставить слова некуда.

– Дорогая, ты ведь сама не подходишь, – заметила я.

– Некуда, – едко ответила она. – Занято уж местечко-то.

Магистр с намеком повел рукой, показав на другие стулья, но Сурхэм отмахнулась:

– Не то это.

– Стало быть, мы с тобой дайнани делим? – прищурился хамче.

Она уперла кулаки в бока и прищурилась в ответ:

– Стало быть, делим.

Покачав головой, я встала со своего места.

– Глупости какие. Я всегда рада выслушать тебя, Сурхэм. Хочешь поговорить – начинай говорить, а не ворчи об одном и том же.

– А он умный, значит?! – воскликнула мне вслед прислужница. – Всё место занял, и лучу солнечному сунуться некуда!

Я обернулась и увидела, как Элькос подошел к женщине, обнял ее за плечи и звонко поцеловал в щеку. А после со смешком увернулся от взметнувшегося кулака.

– Клянусь, более твоего места не занимать, дорогая наша ворчунья, – весело заверил маг и поспешил за мной.

– У-у, – погрозила ему Сурхэм и, отвернувшись, буркнула: – Нахал какой.

Возле ворот нас ожидал Берик. Ягир разговаривал со стражами, и, когда мы с магистром вышли, воины над чем-то смеялись. Так что нас встретили веселыми улыбками и поклонами. Впрочем, улыбки были такими же искренними, как и моя улыбка. Магистр просто кивнул, но пожелал:

– Милости Белого Духа.

– Милости Отца, – откликнулись ягиры.

– И пусть этот день подарит нам только радость, – подвела я итог приветствиям.

– Тебе радостно, и нам хорошо, – ответил с улыбкой один из стражей.

– Верно, – важно кивнул второй. – Солнышко вышло, и на душе теплей стало.

– Скажете тоже, – фыркнула я и поспешила отойти от дома, смущенная словами воинов.

Но, конечно же, мне было приятно. Берик за моей спиной хмыкнул, а Элькос произнес, с лукавством поглядывая в мою сторону:

– Солнечный луч любят в разных мирах. Душа моя, вам давно пора смириться – вы притягиваете людей, при этом не прилагая и толики усилий. Это ваш дар, Шанни.

– Хамче, – сказал Берик, и маг важно кивнул:

– Именно! Вы чисты помыслами, добры и отзывчивы. Вы улыбаетесь людям, и люди не могут не улыбнуться вам в ответ. Вы, девочка моя, чистый свет, который...

– Ну, будет вам, будет, – ворчливо прервала я Элькоса. – Не люблю долгих комплиментов.

– Это не комплимент, – парировал хамче, – всего лишь оглашаю данность.

Я обернулась к нему.

– Огласили, и довольно. Мне приятно, но смущать и дальше не стоит. Я такова, какова есть, и не каждая душа готова мне отозваться.

– О глухих, слепых и дураках я даже говорить не намереваюсь, – отмахнулся магистр и не удержался: – Все-таки наши боги преподнесли Белому миру прекрасный подарок.

Усмехнувшись, я покачала головой.

– Думается мне, друг мой, что я вовсе не подарок, а часть сделки богов. Вся моя жизнь в родном мире была дорогой в Белый мир, где меня ожидал Шамхар много веков назад... Кстати, – я встряхнулась и устремила на Элькоса пристальный взгляд: – Вы могли бы узнать, сколько времени прошло с момента падения прежней цивилизации? Было бы любопытно узнать, как считаете?

В этот раз магистр не спешил заговорить. Он потирал руки, поджимал губы и мычал себе под нос что-то невразумительное. А пока Элькос обдумывал мои слова, Берик воспользовался воцарившимся молчанием.

– Аштити, – заговорил ягир, – ты иногда называешь это имя – Шамхар. Кто он?

– Я после тебе расскажу, – ответила я с извиняющейся улыбкой. – Сейчас вокруг нас люди, а я пока не готова говорить об этом со всеми. Побеседуем после прогулки.

– Я услышал, – кивнул Берик.

Мы подошли к старому подворью, и, так как Эчиль с дочерьми всё еще не появились, я направилась в дом Архама и его семьи. Мои сопровождающие, разумеется, отставать и не думали.

– Друг мой, – обратилась я к хамче, – почему бы вам не попытаться узнать возраст этого подворья? Строение довольно-таки древнее, но более точных известий о времени его постройки мы не имеем. Хотя бы ради эксперимента. Или же это долгий процесс?

Магистр усмехнулся и покачал головой, однако тут же кивнул и остановился у входа в дом. Я остановилась тоже, но Элькос уже внимания на меня не обращал. Он задрал голову и некоторое время смотрел на крышу, а после присел и уперся кончиками пальцев обеих рук в землю. Я отошла в сторону, не желая мешать работе мага, а Берик задержался. Его явно терзало любопытство. Он тоже присел рядом с Элькосом и с минуту смотрел на его руки. После повторил в точности позу хамче, но вскоре пожал плечами и отошел ко мне.

– Что он будет делать? – спросил телохранитель, и я развела руками:

– Понятия не имею. Я не маг, и их наука мне неизвестна. Доверимся магистру, в Камерате он был первым из первых, и можешь мне поверить, вполне заслуженно.

– Тебе верю, – без тени улыбки ответил Берик.

Тем временем Элькос прижал к земле уже не кончики пальцев, а ладони. Склонился и припал ухом, будто желал услышать, что ответит ему Белый мир. В это мгновение открылась дверь, и к нам выпорхнуло семейство Архама. Сам он сопровождал Танияра в его поездке к Каменному лесу, а вот дамы должны были составить мне компанию в инспекции устройства больницы.

И если Эчиль приблизилась ко мне, то девочки, обнаружив мага в странной позе, направились к нему.

– Что он делает? – спросила свояченица.

Надо заметить, что Эчиль заметно похорошела с прошлого лета. И вроде бы ничего не изменилось: она была всё так же высока и широка в кости, да и голос остался по-прежнему низким и глубоким, но глаза сияли. Первая, а ныне единственная жена Архама была счастлива, и это было видно с первого взгляда. Наконец она получила то, чего заслуживала, – быть любимой и нужной, и я была искренне рада за свою сестрицу и помощницу.

– Исполняет мою просьбу, – ответила я, – пытается узнать, сколько зим вашему дому. Большого сказать не могу, сама не знаю.

– А зачем тебе знать, сколько зим дому?

Я посмотрела на свояченицу и улыбнулась:

– Любопытно.

Эчиль ответила мне удивленным взглядом, но вскоре махнула рукой:

– Если надо, значит, надо. – И мы вернули свое внимание магистру...

Мне очень хотелось охнуть, возмутиться или же выразить настороженность, но я рассмеялась – до того уморительная картина предстала нашим взорам. Девочки пристроились рядом с магом и зеркально отображали его позу. Теперь они тоже стояли на четвереньках и слушали землю. И если Тейя и Йейга стояли на четвереньках, низко склонив головы, то Белек коленок не согнула. Она переломилась пополам и уткнулась головой в землю.

– Белек! – воскликнула Эчиль.

– Не-а, – так и не распрямившись, помотала головой младшая дочь Архама. – Не-а, не-а.

– Ты сейчас головой в землю так уйдешь, – увещевала ее приемная мать, подойдя ближе.

– Не-а, – возразила девочка.

Эчиль подхватила Белек на руки, но она тут же закапризничала и потянулась вниз, явно негодую и требуя вернуть ее на место.

– Тейя, – строго позвала свояченица, – встань на ноги.

– Мы слушаем, мама, – ответила старшая дочь Архама.

– Слушаем, – поддержала сестру Йейга.

– И я! – завопила изо всех сил Белек. – Я хочу!

Эчиль присела на корточки и попыталась отряхнуть волосы названной дочери.

– Не-а, – снова замотала та головой. – Слушать землю! Я хочу!

Мне подумалось, что надо помочь нашей сестрице, но вновь рассмеялась, наблюдая всю эту забавную и умиротворяющую сцену. А потом мне подумалось, что пройдет не так много времени и мой сын тоже будет так же веселить меня своими выходками, а может, даже немножко раздражать непослушанием, но совсем-совсем капельку. Придя в окончательное умирение, я погладила живот и улыбнулась, ощутив ответное шевеление.

А после почувствовала, как на плечо мне легла ладонь, и, повернув голову, встретилась взглядом с Бериком. Взгляд этот был теплым и даже ласковым, и уголки губ ягира приподнялись, обозначив улыбку. Я улыбнулась в ответ и вздрогнула, потому что рядом раздался резкий звук, бесконечно тянувшийся на высокой ноте, – завизжала Белек, которую Эчиль несла в нашу сторону.

– О Хэлл, – выдохнула я, зажав уши ладонями. – Белек, милая, ты бы и черына посрамила. Если он еще жив, надеюсь, после твоего визга сам сбежит из Каменного леса. Его попросту должны услышать даже за границами Айдыгера.

– Пусти-и, – провыла малышка и снова завизжала.

Эчиль едва успела присесть, потому что девочка все-таки вывернулась и не упала навзничь лишь потому, что ее мать успела ухватить бунтарку за руку, но тут же отпустила, и Белек поспешила к магистру и сестрам.

– Килим, – беспомощно пробормотала свояченица, и я с сочувствием обняла ее за плечи.

Не знаю, чем бы всё это закончилось, но неожиданно Элькос поднялся на ноги и направился в обход дома, сопровождаемый любопытными взглядами, не только нашими, но и при-

служников. Ну и девочками, Белек от сестер не отставала. Все четверо скрылись из виду, и мы с Эчилем и Бериком поспешили за ними. Однако мой телохранитель неожиданно обогнал и заступил дорогу.

– Ты туда не пойдешь, – твердо сказал он.

– Берик, там никого нет, – с улыбкой ответила я, понимая, почему вдруг воспротивился ягир. – Подземный ход уничтожен, Рахона там быть не может...

– Нет, – мотнул он головой, и я вздохнула.

– Хорошо, – не стала я спорить. – Позови ягиров от ворот, пусть и они сопровождают нас. В конце концов, я хочу знать, что делает хамче, и ты тоже хочешь.

– Меня точно никто не похитит, – произнесла Эчилем и ушла за дочерями.

– Берик, – я строго посмотрела на упряма и заверила: – Я с места не сойду, пока ты не вернешься, обещаю.

– Идем со мной, – ягир нашел выход из создавшегося положения, и я, вновь вздохнув, кивнула.

Когда мы все-таки пришли за дом, Элькос стоял, наложив руки на одного из деревянных идолов. Его самопровозглашенные помощники были заняты тем же, и личики их казались серьезными и даже сосредоточенными. Даже Эчилем осторожно и с заметным благоговением дотронулась до другого идола, но руку быстро отдернула и бросила в нашу сторону вороватый взгляд.

– Что скажете, юные дамы? – спросил магистр.

Девочки посмотрели на мага и пожали плечиками. Элькос улыбнулся им и развернулся в мою сторону.

– Душа моя, было бы любопытно найти что-то, что имеет древнее происхождение. Мне бы хотелось сравнить свои ощущения. Пока же я не готов огласить своих выводов, нужно еще поработать, разобраться, провести больше исследований. Впрочем, слои времени мне откликнулись, но пока слабо. Могу сказать только, что эти идолы старше той части дома, откуда мы пришли, хотя и она далеко не новая.

Задумавшись, я потеряла подбородок и развела руками:

– Даже не знаю, что предложить вам для исследований. Впрочем... В Иртэгене есть дома, от которых он строился. Еще неподалеку от Курмения есть каменный столб, чье назначение непонятно, однако он точно имеет древнее происхождение, потому что тагайни не строят из камня, как их предки. Ну и, пожалуй, Каменный лес.

– Туда ведь отправился дайн? – живо откликнулся магистр. – Я могу открыть переход к государю. Еще зимой я связал себя с ним и с вами, чтобы иметь возможность прийти на призыв или же отыскать при необходимости, вы ведь помните? – Я кивнула и даже ощутила энтузиазм, но вмешался Берик.

– Нет, нельзя, – произнес он. – Ты хотела посмотреть больницу. Каменный лес дайн поглядит, и хамче туда еще съездить успеет.

– И не думала совать туда свой нос, – соврала я и объявила: – Идем посмотреть больницу.

– Да! – воскликнула Тейя, в одно мгновение меняя приоритеты, и сильно запоздало произнесла: – Милости Белого Духа, тетя.

– И вам милости Отца, девочки, – улыбнулась я и первой развернулась в обратную сторону: – Идемте.

О, я же вовсе не рассказывала вам о нашей больнице. Место для нее мы выбирали втроем: я, Эчилем и Хасиль – и выбирали среди нескольких пустых домов. Причины, по каким в них царил запустение, были разные. И смерть, и переезд, и постройка нового дома.

Порой опустевшее жилье занимали те, кому оно было нужно, а какие-то дома так и оставались заброшенными. Вот из них мы и выбирали. Признаться, наши симпатии разделились ровно по количеству участников. Каждой по дому.

– Вот здесь будет больница, – заявила Хасиль, с затаенным восторгом глядя на небольшой дом.

Был он симпатичный, хоть и находился в немалой степени запустения. Должно быть, в пору, когда в нем обитали люди, этот дом был и вовсе красив. Хозяева явно обладали художественным вкусом и золотыми руками. Множество резных элементов в оформлении фасада делали его ажурным. И когда я смотрела на горящие глаза Хасиль, меня терзало стойкое подозрение, что она всегда восхищалась этим домом и мечтала о нем.

Можно даже было пойти ей навстречу, тем более идея создания больницы принадлежала именно Хасиль, но...

– Этот дом хорош, – польстила я бывшей жене Архама, – но его расположение неудобно.

– Маленький, – поддержала меня Эчиль, отметив еще один недостаток.

– Верно, – кивнула я. – Если бы мы говорили о кабинете практикующего врача... – Вздохнув, я переориентировала свои слова: – Если бы ты просто принимала в нем больных, то дом вполне сошелся бы. Однако для больницы нужно больше места.

– Я согласна просто принимать, – тут же отозвалась Хасиль, и я улыбнулась, получив подтверждение своей догадке. Она обожала этот дом и даже готова была отказаться от прежних намерений, лишь бы попасть сюда.

– Давайте посмотрим еще, – не став сразу отказывать, предложила я.

– Но это хороший дом! – запротестовала Хасиль.

– Старый и маленький, – ответила ей Эчиль. – Тут всё надо переделать. Проще новый поставить.

– Это моя больница, и я буду решать, – задрала нос упрямец, и я кивнула:

– Хорошо. Идем, Эчиль, Хасиль лучше знает, что и как сделать с ее больницей. Не будем мешать.

Усмехнувшись, Эчиль взяла меня под руку, и мы направились прочь. Впрочем, отойти далеко не успели, потому что в спину нам понеслось возмущенное:

– Почему вы бросаете меня?

– Из зависти, – с сарказмом буркнула себе под нос Эчиль, – из-за чего еще?

Я бросила на нее укоризненный взгляд. После обернулась и ответила Хасиль:

– Почему бросаем? У тебя есть одобрение дайна, мы прогулялись с тобой, пока ты выбирала дом. Дальше тебе наша помощь не нужна. Это твоя больница, ты сама решаешь, значит, советы будут лишними. А раз так, то и нам с Эчиль здесь делать нечего.

– Но я же не знаю, что делать дальше, – возмутилась Хасиль.

– Приведи дом в порядок, подготовь палаты, набери помощников и всё, что тебе нужно для лечения. Ничего сложного.

– Сама решишь, – подвела итог Эчиль. Я возражений не имела.

И мы вновь зашагали прочь от Хасиль. Она не спешила нас нагнать, а я не спешила скрыться из вида, понимая, что сейчас в ней борются норы и здравый смысл. Впрочем, если бы моя бывшая свояченица решилась опробовать свои силы да еще и довести до конца свою затею, я бы ей аплодировала от чистого сердца, но... Но Хасиль не была волевой натурой, и потому я дала ей время подумать.

– Ашити!

Мы обменялись с Эчиль взглядами и обернулись, Хасиль шла в нашу сторону. Поравнявшись, она вздернула подбородок и проворчала:

– Еще посмотрим.

Улыбнувшись, я взяла ее за руку и заглянула в глаза.

– Тебе ведь давно нравится этот дом, верно? – спросила я. – Наверное, с детства любишь на него?

Хасиль бросила на меня взгляд и немного воинственно спросила:

– Откуда знаешь?

– Догадалась, – ответила я. – Ты сразу повела нас к нему, а потом твои глаза сияли радостью. Я верно поняла?

Женщина вздохнула и отвела взор, а после кивнула.

– Он красивый, – сказала она. – Когда я была ребенком, он уже был пустой, но я всегда смотрела на него и думала, как хорошо было бы в нем жить.

– Плохой дом, я от отца своего знаю, – встрял Юглус, сопровождавший меня. Он не влезал всё то время, пока мы спорили, но теперь, кажется, решил заговорить. – Старый Ангир, когда жена его умерла, сказал, что для нее дом делал. И раз для него уже тут нет счастья, то никому не будет. После этого плюнул на землю перед дверью и ушел. Где отдал духам душу, никто не знает, больше его никто не видел. А в дом так никто и не вошел. Плохой дом, – закончил он.

– Я не знала, что плюнул, – округлила глаза Хасиль. – Не надо мне такого.

Из рассказа я поняла, что дом проклят. И плевок явно имеет определенный сакральный смысл, но о нем я еще ничего не знала и потому посмотрела на Юглуса, ожидая пояснений. Тем более на Хасиль произвел впечатление именно он, а вот самому проклятию она не удивилась – должно быть, знала, однако оно ее не напугало.

– Землю осквернил, – Эчиль поняла мой взгляд быстрее ягира. – Зла пожелать и на землю плюнуть – это как от духов отвернуться. А там, где отступник жил, никому добра не будет.

– Будем другие дома смотреть, – теперь уже уверенно произнесла Хасиль, и мы отправились дальше.

Что до двух других домов, то тут подобной истории не было, и скажу сразу, что победила Эчиль. Мы выбрали примерно одно и то же. Но мой дом занимал более выгодное положение, совсем близко к центру Иртэгена. Ворота находились почти на равном удалении от него, и в случае нападения санитарам не пришлось бы петлять по улицам, везя раненых. Да и кур-зым был неподалеку, и гостевой двор мы поставим тоже поблизости. В общем, мне нравилось местоположение.

Однако победила Эчиль, потому что ее дом, хоть и располагался в удалении от моего, был крепче. Ему не требовалось столь основательного ремонта, и можно было надстроить второй этаж, чтобы увеличить вместимость. Так что после небольшого спора мы пришли к согласию и посмотрели на Хасиль.

Бывшая каанша осматривала отныне свои владения, и выражение лица ее было кислым. Обняв ее за плечи, я заверила:

– Он будет не хуже проклятого дома. Я сама попрошу, чтобы его украсили. Это и людей привлечет, и глаз порадует.

– Хорошая будет больница, – подтвердила Эчиль.

– И вы больше меня не бросите? – покосилась на нас Хасиль.

– Пока тебе нужна наша помощь, не бросим, – улыбнулась я.

Потом мы пригласили Керчуна и его подручного, а они уже, осмотрев и сделав необходимые выводы, обещали приступить к делу с началом весны. Мы в тот день приходили с инспекцией – плотники уже были на месте. Сегодня была вторая инспекция.

Хасиль ждала нас возле будущей больницы, да и не только она. Иртэгенцы по своей привычке и складу характера не могли оставить важное событие без внимания, и, когда мы подошли, бывшая вторая жена Архама, оперев руки в бока, скандалила с одной из женщин.

– И что тебе за дело, Хыну? Иди себе, куда шла, без тебя умные найдутся! – донесся до нас возмущенный голос бывшей каанши.

– Как захочу, так и пойду, тебя спросить забуду, – едко ответила ей невидимая еще нам Хыну. – А ты стой и молчи, всё одно умного не скажешь. Люди знают, людей не обманешь, все твою глупость слышали.

– Не глупей тебя буду! – взвизгнула Хасиль, и я поняла, что она уже на грани.

– Поспешим, – сказала я и поглядела на Берика.

Он кивнул и зашагал вперед.

– А ну разойдись! – гаркнул ягир. – Дайнани идет!

Люди обернулись в нашу сторону, открыв этим нехитрым маневром пунцовую от негодования Хасиль и сухопарую тагайни лет сорока. Женщина уперла кулаки в бока и выглядела более спокойной и уверенной в себе. Обе спорщицы одновременно посмотрели в мою сторону и так же дружно воскликнули:

– Ашити! Дайнани!

Хыну оказалась проворнее и первой устремилась в мою сторону, оставив Хасиль за своей спиной задыхаться от злости и возмущения.

– Вот скажи, дайнани, ты умная...

– Милости Белого Духа, добрые люди, – не слушая женщину, произнесла я, обращаясь разом ко всем собравшимся.

– И тебе милости Отца, дайнани, – поклонились иртэгенцы.

– Пусть духи будут к вам добры, – приветствовала их и Эчиль.

– Духи мудры, Эчиль, – с достоинством ответили ей.

– Доброго дня, – уже проще поздоровался Элькос.

– И тебе, хамче, – ответили и ему.

Весь этот поток приветствий сбил накал, царивший между спорщицами. Заодно уменьшил апломб самоуверенной Хыну, которой пришлось замолчать и ждать, когда до нее дойдет очередь. Однако пока я не спешила ответить на ее призыв. Благожелательно улыбнувшись, я обошла ее и, приблизившись к Хасиль, взяла ее за плечи. У этого жеста было два значения. Первое: показать ей поддержку и призвать успокоиться. Второе: показать всем, что с Хасиль все споры в прошлом.

– Прости, Хасиль, мы задержались, – сказала я с улыбкой. – Как проходят работы?

– Если бы тут не ходили... – в прежнем запале начала бывшая каанша, и я едва заметно покачала головой, останавливая ее.

После медленно выдохнула, глядя Хасиль в глаза. Она поняла верно и выдохнула следом за мной. Я вновь улыбнулась ей и повторила вопрос:

– Как идет работа?

– Хорошо идет, дайнани, – уже иным тоном ответила Хасиль и все-таки не удержалась: – Если бы всякие под руку не лезли, то еще лучше бы шла.

И тут же ожила Хыну, молчавшая всё это время. Она встрепенулась и направилась к нам, но обнаружила я это, когда за спиной раздалось:

– А ты слушай умных советов, и сама, глядишь, поумнееешь.

– Молчи, – едва слышно шепнула я Хасиль и развернулась к скандальной советчице.

На лице моем вновь была благожелательная улыбка. Шагнув к Хыну, я взяла ее под руку и вынудила отойти к толпе, явно желавшей тоже высказаться, но пока люди просто слушали, удовлетворяя любопытство. Мое место рядом с бывшей второй женой Архама заняла его первая и ныне единственная супруга. Эчиль что-то тихо заговорила Хасиль, но этого я уже не слушала, потому что была занята своей собеседницей.

– Скажи мне, уважаемая Хыну, – начала я, – что здесь делают плотники?

– Как это что? – искренне удивилась женщина. – Работают. Строят.

– Верно, – важно кивнул один из пастухов, его имя, признаться, я попросту не знала, только род деятельности.

– А что строят? – снова спросила я и обвела взглядом всех любопытных.

Тагайни посмотрели на дом, после на Хасиль, а затем на Хыну, ожидая ответа. Она тоже посмотрела и на дом, и на недавнего оппонента в споре, а затем на меня.

– Как это что? – она пожала плечами. – Дом строят. Видать, Хасиль от Илана уйти хочет, вот и выбрала новый дом.

Я удрученно вздохнула и покачала головой.

– Чем же тебе Хасиль не угодила, что ты ей счастья не желаешь?

– Почему не желаю? Пусть будет счастлива, мне-то что до нее? – удивилась женщина.

– Вот и я думаю, уважаемая Хыну, какое тебе дело до счастья Хасиль? Разве же ты слышала, чтобы она с Иланом ругалась? Живут душа в душу. За них бы порадоваться, как Отец велит, а ты напраслину возводишь, будто дурного желаешь. Нехорошо, Хыну, Отец печалится, когда в душе своих детей тьму видит.

Она округлила глаза и всплеснула руками. Затем обернулась к народу, явно ожидая поддержку, но увидела, как иртэгэнцы качают головами.

– Нехорошо, Хыну, – снова заговорил пастух. – Не знаешь, а наговариваешь.

– Верно, – кивнул его приятель. – Илан на Хасиль с нежностью смотрит, и Хасиль с Илана взгляда не сводит. Два дня назад видал их на курзыме. Он ей и девочкам сладостей набрал и тканей новых. А ткани-то как хороши... ой и красивые ткани у нас стали делать.

– Да, ткани хороши, – согласились остальные. – И в Курменае таких нет. К коже приложишь, будто ласкает.

Они говорили о тех самых тканях, какие еще прошлым летом соткал брат одной из швей. Должно быть, вы помните тот день, когда на меня было совершено покушение на курзыме, а после к стенам Иртэгена подошло объединенное войско. А как раз перед покушением мне подарили чудесное платье из той самой новой ткани. Но мы отвлеклись.

Я с улыбкой слушала, как тагайни, уже позабыв о доме, перешли совсем к иным темам. Предсказать, куда бы людей завела праздная болтовня, было невозможно, однако узнать это мне было не суждено.

– Так, не уходит от Илана, стало быть, Хасиль? – вернула всех к началу разговора Хыну.

– Да с чего бы? – подала голос сама бывшая каанша. – Илан мне тархам поднес, я его приняла и воду выпила. Летом свадьбу играть будем.

Живо развернувшись к ней, насколько позволяло мое положение, я прижала ладони к груди.

– Какая добрая весть, Хасиль! – воскликнула я. – Прими мои искренние поздравления. Пусть духи будут к вам добры и щедры на милости.

– Благодарю, – с достоинством ответила моя бывшая свояченица.

И я вновь вернула внимание Хыну.

– Как видишь, всё у них хорошо, и потому не гневи Создателя, пожелай счастья и более не разноси сплетен.

Ответить женщина не успела, потому что теперь иртэгэнцы обрушили на Хасиль поток пожеланий и благословений. Ей было приятно, это ясно читалось по вновь зарумянившимся щекам, но теперь уже не от злости, а от удовольствия.

– А зачем дом тогда строит? – спросила Хыну, и внимание вновь вернулось к нам.

– Как, уважаемая Хыну, ты не знаешь? – я в удивлении приподняла брови. – Так какой же умный совет ты можешь дать? Выходит, говоришь на ветер? Такого ума Хасиль не надо. Она-то уж точно знает, что здесь делают плотники. Вот и выходит, что ей своего ума хватает, чужой уже лишним будет.

– Так ты скажи, дайнани, будь доброй, и мы тогда знать будем, – встрял всё тот же пастух.

– Тогда и чего хорошего посоветуем, – согласно кивнула Хыну.

Сжав пальцами подбородок, я подняла глаза к небу, изобразив размышления, а после «сдалась».

– Ну, хорошо. Вот скажите мне, добрые люди, где лучше сделать операционную палату? А когда череп вскрывают, с мозга пыль стряхивают или в воде полоскают? А если полоскают, то

таз где поставить? А ланцет лучше под рукой держать или человека к нему приставить и звать по надобности? – И вновь «подумав», я задала следующий вопрос: – А стетоскоп и клизму? Если носик клизмы засунуть в стетоскоп, что выйдет?

Тагайни замерли с открытыми ртами, и не только любопытные, но и Хасиль с Эчил, и Берик не стал исключением. Да что там, даже Элькос!

– Так что, уважаемая Хыну? – полюбопытствовала я. – Советуй. – Затем обвела взглядом остальных: – Может, вы подскажете? Нет? А вот Хасиль знает ответы на эти вопросы. И раз она знает, а вы нет, то и вправду не стоит давать советы и называть кого-то глупым, тогда и о вас не скажут того же самого. – И теперь я смотрела только на Хыну.

Она отвернулась. Помолчав с половину минуты, женщина проворчала:

– Дело у меня, пойду. – И направилась прочь, всё более прибавляя шаг. Быть глупой ей не хотелось.

Остальные расходиться не спешили, однако и заговаривать снова не решались.

– Ты о чем говорила, дайнани? – несмело спросил пастух.

– Придет время, и узнаете, – улыбнулась я.

– Ну а строят-то чего? – слышался женский голос из-за спин тех, кто стоял в первом ряду.

– Больницу, – ответила я и уже хотела направиться к бывшим кааншам, но меня остановил новый вопрос:

– Это как твой лызирет? Опять на нас идет кто?

Подавив зарождающееся раздражение, я растянула губы в улыбке, но все-таки укоризненно покачала головой:

– Если бы на нас кто-то шел, то вы об этом узнали бы не от меня, а от дайна. Неужто вы думаете, что больница нужна только для раненых? Сами подумайте, добрые люди, заболит кто-то тяжело, и что делать?

– К Орсун бежать, – ответили мне.

Я спорить не стала.

– Хорошо, сбегали за Орсун. Она пришла, травок дала, а потом ее в другое место позвали, а вам хуже стало. Так ведь можно и не дожидаться, верно? А в больнице, если болезнь тяжелая, вы будете под присмотром и помощь окажут сразу. Или вот, например, приехали к нам из соседнего тагана, и в дороге хворь приключилась, да такая, что назад не вернуться. И где же болеть человеку? В больнице. А еще бывают такие болезни, что на других переходят. И опять больница выручит, чтоб домочадцев не заражали. Пришли сюда, да и отлежались. И лечить вас станут, и накормят, и в постель уложат. А как поправитесь, тогда и домой уже можно.

– А лечить кто станет?

– Хасиль и ее помощники. Она у Орсун училась и хорошо справлялась прошлым летом, когда Елган с Нальком пришли.

С этим спорить не стали. Впрочем, вопросов не убавилось, даже наоборот. Это было понятно и предсказуемо. Разумеется, они желали теперь обсудить новость и получить новые ответы, но вот мне давать их сейчас не хотелось. А если учесть, что людей постепенно становилось всё больше, то и разговор мог затянуться надолго.

Подняв руки, я объявила:

– Расходитесь, добрые люди. У нас много дел, да и у вас тоже. Потом спросите, что хотели. Милость Отца с вами.

После этого посмотрела на Берика и направилась к свояченицам. И пока ягир мягко, но непреклонно выпроваживал иртэгенцев, меня перехватил Элькос.

– Душа моя, что вы там несли? Пыль с мозга стряхивать? Полоскать в тазу?! А про стетоскоп и клизму? – спросил магистр. – Эти приборы, прошу великодушно меня простить, но они для совершенно разных мест! И даже их применение различно по своей сути...

- Ах, оставьте, – отмахнулась я. – Всё это мелочи, и они несущественны.
- Да как же несущественны? – возмутился хамче.
- Здесь нет ни клизмы, ни стетоскопа, я просто хотела обескуражить.
- Вам это удалось, – усмехнулся магистр.
- Тогда давайте займемся наконец делом, – сказала я, и мы все вместе направились к будущей больнице.

Глава 7

Солнце щедро заливало землю уже по-летнему теплыми лучами, хоть до наступления лета еще и оставалось семь дней. Белый мир утопал в разноцветье пробудившейся жизни. Он благоухал пьянящими ароматами, и душа отзывалась бурным ликованием и радостью.

Закрыв глаза, я наслаждалась весной, солнцем и теплым ветром, ласкавшим мое лицо легкими прикосновениями. И не сдержав своего восторга, я вскинула руки и воскликнула:

– Хвала тебе, Отец! И тебе, Хэлл! Хвала вам, великие духи!

После рассмеялась и, открыв глаза, поспешила вновь взять в руки вожжи. Сегодня я сама правила повозкой, в которую был запряжен мой восхитительный Ветер, такой же стремительный и игривый, как и Великий Странник – мой Покровитель.

Это был мой первый опыт управления повозкой, и не скажу, что забиралась в нее полная уверенности в себе. И если бы не норы саулов, то я вручила бы вожжи Берiku. Однако в этом случае Ветер не сошел бы с места. Или я, или повозка останется стоять на месте.

– Жизнь моя, это несложно, – поучал меня Танияр еще дома. – Всё то же самое, что и сидеть в седле. Да, саулы предпочитают возить всадника на своей спине, но не противятся и повозке. Кто еще будет сидеть в повозке – саулу плевать, главное, чтобы правил тот, кому он доверяет всей душой. И беречь тебя Ветер будет точно так же.

– Быть может, ты поедешь с нами? – спросила я с надеждой.

– Улбах засмеет, если меня будет возить жена, – ответил с улыбкой дайн. – Я поеду рядом на Тэйле.

До ашруза мы с дайном и магистром шли вместе. Там нас уже ждал отряд из пятнадцати ягиров, готовых сесть в седло, Тэйле и, конечно, мой красавец Ветер. Последний выражал яркое несогласие с тем, что его впрягли в повозку. Мяуканье и шипение я слышала еще издалека и сразу поняла, кто именно бранится на все лады.

– Мой мальчик, – усмехнулась я. – Никто так красиво и витиевато не может выразить свое отношение к происходящему.

На негодование саула никто внимания не обращал. Ягиры стояли возле своих скакунов и переговаривались. Здесь были не только наши... О Хэлл, что за чушь! Здесь были все наши воины! Именно так, и никак иначе. И родом они были из разных частей Айдыгера. Да, одежды их все еще оставались разного цвета, но причиной тому было лишь то, что до сих пор этому никто не уделил внимания.

– Ужасное упущение, – фыркнула я, досадуя на саму себя, и Танияр ответил внимательным взглядом.

Какая глупость думать только о великом и не замечать малого. Впрочем, с одной стороны, это даже было и неплохо – Айдыгер был объединенными землями, но с другой – воинство оставалось воинством и следовало определиться с их одеянием и знаками различий. Герб тоже был нужен новый.

– Что надумала, жизнь моя? – спросил супруг, так и не дождавшись ответа на немой вопрос.

– Нашла себе еще одно важное занятие, – усмехнулась я. – Только и всего.

– У Ашити голова большая, – широко улыбнулся Берик, шагнувший нам навстречу, – теперь только немой не повторил шутку Архама.

– Обычная, – я пожала плечами, – но я умею удобно складывать ее содержимое, и потому вмещается в мою голову многое.

После хмыкнула и направилась к своему негодующему саулу, мне до его душевного состояния дело было уж точно.

– Милости Отца, – кивнула я ягирам, склонившим головы при приближении дайна, а затем сразу же раскинула руки и поспешила к Ветру: – Мой бедный мальчик, ты опять braniшься...

Саул тут же обернулся на мой голос и поспешил навстречу, жалуясь на несправедливую судьбу. Повозка, разумеется, тронулась следом, и Ветер зашипел на нее, даже клацнул зубами, но негоднице угрозы были безразличны, и она продолжила катиться за сердитым скакуном.

– Сядь, дайнани, в повозку, – подсказал ашер, на которого всё это время ругался Ветер. – Он увидит, что всё это для тебя, и сразу успокоится.

Мы с саулом повернули головы к мужчине, и он, махнув рукой, ушел в ашруз, а мы с Ветром остались. Разумеется, я была согласна с ашером, но! Как же можно было сразу взять и сесть? Даже не поговорив?! В конце концов я ведь тоже стала тагайни, рыжеволосой, зеленоглазой, но все-таки признанной дочерью Белого Духа. А любой уважающий себя тагайни обязан высказать свое мнение, даже когда его не просят. Что до саула, так он и вовсе был урожденным иртэгенцем. И мы с Ветром приступили к делу.

А когда я при помощи супруга все-таки забралась в повозку и взяла в руки вожжи, Ветер уже деловито переступал передними ногами, готовый ехать, будто и не ругался на то недоразумение, что тащилось следом за ним. Он спокойно отнесся к тому, что в повозку сел Элькос, но на Берика покосился с подозрением, потому что мой телохранитель устроился рядом со мной. Однако, увидев, что ягир не пытается забрать вожжи, успокоился и затопал вперед, как только услышал знакомое «хэй».

Управлять саулом, запряженным в повозку, оказалось и вправду почти так же легко, как и саулом под седлом. Разве что непривычно, но я быстро осваивалась, а Берик помогал мне советами. В общем-то, для того он и сидел рядом со мной, а не на своем Элы.

А спустя еще некоторое время поездка начала приносить удовольствие, и не только мне. Ветер резво перебирал ногами, время от времени мяукая, словно радовался наконец возможности пробежаться вместе со своей всадницей, пусть она и сидела не на спине. И даже Элькос, когда саул разогнался, издал:

– Ух! – весело рассмеялся, а после воскликнул: – Вот это скорость!

– Нет, друг мой, это вовсе не скорость, – с улыбкой ответила я. – Саулы бегают много быстрее, а сейчас всего лишь резвая рысь. Если вас однажды выберет один из этих восхитительных скакунов, то вы сумеете познать, что такое настоящая скорость.

– Думаете, у меня есть шанс? – живо заинтересовался магистр, но ответил ему Берик:

– В тебе есть сила, хамче, саулы ее чувствуют. Попробуй.

– Это было бы замечательно, – отозвался Элькос. – Когда я могу это сделать?

Я легко рассмеялась и оставила Берика отвечать на вопросы магистра. Танияр поглядывал на нас со стороны, и я увидела на его лице улыбку. Улыбнувшись в ответ, я вновь переключила внимание на дорогу. Мне не хотелось разговаривать, мне хотелось насладиться бегом моего Ветра и видами окрестностей, где я не была с прошлого лета.

И вот тогда я и воскликнула свое:

– Хвала тебе, Отец! И тебе, Хэлл! Хвала вам, великие духи!

Без причины, просто оттого, что на душе моей было легко и радостно. Тут же отозвался саул и побежал еще быстрее без всяких понуканий. За спиной охнул магистр. Я понимала его, когда-то и сама с опаской держалась за край скамейки, чтобы не вылететь через бортик. А теперь не опасалась.

Ягиры, которые ехали по обе стороны от повозки, как и их дайн, тоже поглядывали на нас, и на губах некоторых мелькали улыбки. Чаще это были воины прежних Зеленых земель. В глазах остальных ясно читалось любопытство. Не все еще привыкли ко мне, и это объяснялось просто. Кто-то вернулся с началом весны домой, а на их место прибыли новые ягиры. Но и в

Иртэгене с момента моего возвращения я больше общалась с простыми обывателями. Да и с теми, кто стоял на воротах днем в холодную пору, больше обменивались только приветствием.

Более всего мы разговаривали с ягирами во время моих поездок по бывшему тагану, но это было прошлым летом и еще до того, как три тагана превратились в дайнат. Так что новые воины ко мне всё еще продолжали привыкать. К тому же в прошлом году я отличалась только цветом глаз, а теперь еще и белоснежные волосы превратились в пламя, какого в Белом мире не видели. А может, и видели, но очень давно, и до нынешних времен рыжих попросту не осталось. Слишком много всего было, что ушло в небытие.

Коротко вздохнув, я выкинула все досужие размышления из головы. Еще придет время подумать, а пока же под копытами Ветра стелилась дорога. И она несла нас к нашей цели. Я вновь любовалась окружающим нас пейзажем и, когда появился лес, встрепенулась.

Где-то здесь умирающая рырха доверила мне своих детенышей. Мои милые комочки, ставшие матерыми хищниками, сейчас бродили где-то по лесным дорогам. А потом мне пришлось на ум, что Торн именно в эту минуту уже могла стать матерью. Или готовится к родам и собирает запасы на время, когда не сможет охотиться.

А что же ее братья? Живут ли они по законам стаи, и тогда Торн пришлось уйти подальше, чтобы сберечь свое потомство, или же остались семьей? Хоть бы так... Тогда они позаботятся о сестре и ее детенышах. Впрочем, Мейтт и Бойл сами могут стать отцами. Они красавцы! Какая самка устоит перед ними? Если только слепая или глупая.

И я рассмеялась, вдруг осознав, что думаю о рырхах как о людях. Более того, думаю как ревнивая мать, которая не видит в своих отпрысках изъяна. Но ведь его и вправду нет! Мощные, сильные, отважные, умные и, конечно же, красивые – вот каковы мои клыкастые детки.

– Хоть бы пережили зиму, – шепнула я и вновь вздохнула.

Постепенно мы миновали лес и вскоре выехали к перекрестку, где одна дорога расходилась на две. Правда, наше ответвление было неприметным – к Каменному лесу паломничества не было до настоящего момента. Первым свернул Танияр, уехавший с несколькими ягирами вперед, ну а я уже направила Ветра следом за ними.

Признаться, дыхание я затаила в ожидании встречи с местом неприятным, но таинственным. И хоть я прекрасно помнила, что собой представлял Каменный лес, но было до невозможности любопытно увидеть, во что он превратился. Танияр рассказывал мне, что теперь он залит светом и от болот мало что осталось, но хотелось самой удостовериться в этом.

– Милый, а вам встретился кто-то из тех тварей, что населяли лес прежде? – спросила я мужа, когда он вернулся из своей первой поездки этого года. – Хотя бы следы?

– Нет, никого не осталось, – ответил дайн. Именно потому мне и было позволено отправиться с ним сегодня.

– Как же любопытно! – произнес из-за моей спины магистр. – Безумно хочу увидеть это место и почувствовать энергию Илгиза, если она, конечно, осталась.

– Зачем тебе чувствовать Илгиза? – нахмурившись, спросил Берик.

– А затем, дорогой мой, что, зная силу врага, легче отыскать ей противодействие, – ответил Элькос и поправился: – Возможность противостоять.

После этого мой телохранитель посветлел ликом и покивал, соглашаясь. Никто еще толком не знал возможностей нашего хамче, даже он сам, но уважение Эгчена, которое он не скрывал после случая с летающим столом, свое дело сделало. Ягиры начали доверять словам, что магистр принесет дайнату пользу. А после того как Элькос заговорил на языке Белого мира, он и вовсе занял свое законное место среди жителей Айдыгера.

Магистр даже начал оставлять меня без своего общества. Впрочем, моего обожания говорливых тагайни в себе не обнаружил. Однако держался стойко и хранил на лице благоже-

лательное выражение, отвечая на их вопросы. Выучка, полученная в королевских чертогах, оказалась весьма кстати.

– Утомительный народ, – сознался хамче не так давно в нашем разговоре.

– Восхитительный, – с улыбкой возразила я. – Искренние, открытые, честные.

– Но невероятно любопытные.

– И в этом их прелесть, – ответила я. – Их просто нужно принимать такими, какие они есть. Теперь это ваши земляки.

– Я не жалуясь, – отмахнулся Элькос. – Мне нравится Белый мир и его жители тоже нравятся. Но раздражает, когда до цели приходится продираться сквозь ворох вопросов и бесконечные остановки.

Целью мага стал кузнец Тимер. С ним маг сошелся как-то легко и быстро. Однако вело Элькоса к кузнецу не только желание пообщаться. Магистр решил поучаствовать в создании нового оружия, которым занимался Тимер.

– Чрезвычайно увлекательно, – так отозвался о своих новых изысканиях хамче, но пока оставил меня без подробностей.

Я знала только, что он составляет какие-то чертежи, для чего стащил у меня один из карандашей и драгоценную бумагу, чем едва не пробудил во мне рырха. Однако ради блага дайната я готова была смириться с утратой нескольких листов. Немного поворчала, но, вздохнув, признала, что и это тоже важно.

– Ашити!

Это восклицание вернуло меня в повозку, и я остановила Ветра, потому что Танияр уже спешился, как и ягиры, ехавшие впереди, и теперь направлялся ко мне, чтобы помочь спуститься на землю. Впрочем, позвал меня не он. Неподалеку стоял наш добрый друг и союзник – вожак племени кийрамов.

– Улбах, – я широко улыбнулась. И когда встала на землю, продолжила: – Рада тебя видеть. Пусть Отец будет к тебе милостив, а Хайнудар не оставит кийрамов своим покровительством.

– Тебя духи слышат, Ашити. – Вожак кийрамов сжал мои плечи. – Пусть Мать будет стоять рядом, когда придет срок. Будет у Танияра славный сын, знаю.

– Благодарю, – ответила я, приложив ладонь к груди, и указала на Элькоса: – Знакомься, Улбах, это наш хамче Мортан Элькос. Он пришел со мной из родного мне мира.

– Милости Белого Духа, – с достоинством произнес Элькос, не склонив головы. – Ашити много рассказывала о кийрамах. Рад познакомиться с тобой, Улбах. Я Мортан, можно просто Морт.

Вожак не ответил. Он рассматривал магистра с головы до ног и в обратном направлении, как и любой зверь не спеша довериться чужаку.

– Хамче обладает немалой силой, – важно сообщила я.

Улбах перевел на меня взгляд, после снова посмотрел на мага и расхохотался.

– Он старый! – воскликнул кийрам, всё еще посмеиваясь.

Элькос на открытую насмешку не отреагировал. Я и вправду немало рассказывала о племенах вообще и о кийрамах в частности, потому магистр не склонил головы, чтобы не показать, что принимает над собой власть Улбаха. А еще он помнил, что затевать с кийрамом спор не самое лучшее решение. Любой представитель этого племени готов был отстаивать свое превосходство и злился, если не мог победить. Одержатъ верх над хамче вожак не мог, потому что сила его была не в мышцах.

– Ни я, ни ты, Улбах, не осилим Морта, – подходя к нам, произнес Танияр.

Я улыбнулась супругу. Он встал на защиту магистра и опять проявил мудрость. Танияр был признан Улбахом достойным соперником, и потому слова, сказанные дайном, не звучали для кийрама вызовом, напротив, вызывали любопытство.

– Почему это? – ожидаемо спросил вожак, но в глазах его зажглось упрямство.

– У хамче иная сила, – ответил дайн. – Он не бежит быстрее нас с тобой, но обгонит меня, даже если я сяду на Тэйле и пушу его во весь опор. И руки его слабей, чем у меня или тебя, но Морт с легкостью поднимет то, на что нам с тобой не хватит силы и вдвоем.

– Это так, – кивнул Элькос и...

Оказался в десяти шагах от нас, переместившись через портал. После, рисуясь, щелкнул пальцами, и огромный валун взмыл вверх, проплыл над головами двух ягиров, говоривших с кийрамами, а после плавно опустился на землю.

В Каменном лесу воцарилось молчание. Воины дайната и племени воззрились на немолодого мужчину, не обладавшего мощной статью, а вместе с ними не сводил с мага взгляда и Улбах. Только мы с Танияром остались спокойны и невозмутимы. А потом ягиры, приложив ладони к груди, склонили головы.

– Хамче, – почти дружно признали они силу человека, чье звание, данное еще шаманкой, казалось странным и неубедительным до этой минуты.

– Вот так, вожак, – развел руками дайн. – И он теперь верный сын Белого Духа и айды-герца. С Ашיתי в наш мир пришла великая сила: ее знания и дар Морта.

– Благодарю, государь. – И вот теперь Элькос склонил голову, показав, чью власть он признает и почитает. – Моя сила принадлежит вам до последней капли.

– Почему он говорит тебе так, будто тебя много? – спросил Улбах.

Впрочем, ожидать от кийрама признания чужой силы не приходилось, тем более от вожака. Не исключая, что он даже был рад тому, что появился повод заговорить о чем-то другом.

– Так принято в их мире, – ответил Танияр на вопрос кийрама и сразу сменил направление разговора: – Идем посмотрим, что там за дальними столбами. Ашיתי, – теперь он обернулся ко мне, – от ягиров ни на шаг. Можешь сходить прямо, там мы уже были. Магистр, вы тоже остаетесь с дайнани.

– Я понял, государь, – кивнул Элькос.

– И я поняла, милый, – заверила я.

Семь ягиров и кийрамы ушли с дайном и Улбахом, мне остались восемь воинов плюс магистр и плюс Ветер, которого успели выпрячь из повозки. Так что защищена я была настолько, что даже на миг ощутила себя заключенной в крепости. Впрочем, я преувеличиваю... да попросту брюзжу. Конечно, мне хотелось бы идти свободно, и для охраны хватило бы и Элькоса с Бериком, ну еще Ветра. Однако место, где мы находились, к праздной прогулке не располагало. Да и жаловаться я не намеревалась, забота мужа была мне приятна.

А еще спустя минуту я наконец огляделась. От прежнего Каменного леса и вправду осталось немного. Теперь здесь сияло солнце, и зелень, ощутившая прилив света, потянулась к нему, более не напоминая печального подобия своих собратьев. Не было редкой поросли на земле, сейчас щиколотки щекотала ярко-зеленая трава, стелившаяся под ногами пышным ковром.

Деревья хоть и оставались кривыми и тонкими, но я верила, что скоро они напитаются силой жизни и потянутся вверх. А спустя несколько лет здесь уже будет шептать не каменный, а самый настоящий лес. И его заполнят звери и птицы. Дурпак и духи-близнецы не оставят это место без своего покровительства.

Однако и столбы никуда не делись. Танияр разрушил лишь несколько. Этого хватило, чтобы уничтожить свод, но уцелевших еще хватало. Они были хорошо приметны впереди. Стояли на своих местах, подобно окаменевшим исполинам, и взирали на людей, посмевших покуситься на их мрачное царство.

– Что-то ощущаете, друг мой? – обратилась я к Элькосу.

– Несколько неудобно, но не больше, – ответил магистр. – Мы можем дойти до тех столбов?

– Да, прогуляемся, – согласилась я.

Ягиры не возражали. Только Юглус и Берик могли открыто сказать мне «нет», но у них было на это право, которое они заслужили не честной службой, ибо каждый воин служил честно, но дружеским расположением и искренней привязанностью ко мне. Они были моими советчиками, заботливыми няньками и строгой охраной. Однако и Берик пока не мешал моей прогулке, возможно успокоенный количеством телохранителей, да еще силой хамче.

Что до Ветра, то он шел рядом со мной. Не шипел и не мяукал, требуя внимания. Только время от времени припихивался или тыкался носом мне в плечо. Я гладила его, а потом и вовсе уложила ладонь на лоснящийся бок, раз уж не могла оседлать. Этого саулу хватило, и он стал совсем похож на хорошего и воспитанного мальчика.

– Дайнани, дозволю спросить, – заговорил бритоголовый ягир из бывшей Песчаной косы. Обернувшись к нему, я улыбнулась:

– Спрашивай.

– Как твои волосы стали огненными?

Невольно хмыкнув, я пропустила между пальцев прядь своих волос, но прежде спросила сама:

– Как твое имя?

– Тахир, – ответил ягир, и я продолжила:

– Это воля Создателя, Тахир. Когда я пришла в этот мир, Отец покрыл мою голову инеем, чтобы его детям было легче принять меня. Но в последний день лета Он услышал мое желание сказать родным, что я жива, и отправил туда, откуда я появилась. И как только я оказалась в родном мире, иней истаял, и вернулся настоящий цвет моих волос. А когда снова вошла в Белый мир, Белый Дух оставил всё как есть. Я такой родилась, Тахир, – после улыбнулась воину и, сожмурив один глаз, посмотрела на солнце. Хорошо!

– А что сказал дайн про твои волосы? – спросил второй бритоголовый ягир и сразу же представился: – Меня зовут Тунсы.

– Дайн всегда знал, какого цвета мои волосы, – охотно ответила я. – Прошлой зимой его ранили кийрамы. Тогда еще Архам был кааном, и он отправил брата, чтобы тот прогнал охотников.

– Мы не сразу увидели, что он идет в западню, – помрачнел один из ягиров бывших Зеленых земель, и я отрицательно покачала головой:

– Ты не должен корить себя или других ягиров – это было волей Отца. Танияр говорил, что он увидел белоснежного саула с голубыми глазами...

– Там не было саула, – возразил тот же воин. – Я был с Танияром.

– Белых саулов не бывает, да еще с голубыми глазами, – заговорил воин из бывшего Белого камня: – Мое имя Веран.

Я обвела свое сопровождение лукавым взглядом и кивнула, соглашаясь:

– Не бывает, Веран. И разумеется, этого саула никто не видел, кроме того, кому он показался. На всё воля Белого Духа. И тогда его воля была отправить Танияра к шаманке. Мама разбудила меня в ту ночь, когда почувствовала, кого к ней везут. Я помогла ей, а после спряталась в лихуре. Мама не хотела, чтобы меня видели до поры, и теперь я знаю почему. Всеми виной неприязнь тагайни к тем, кто на них не похож. Потом ягиры ушли, и она начала творить свой ритуал. Я слушала ее голос и удары хота, думала о тех, кто в ту минуту оказался посреди метели, и впала в транс...

– Куда упала? – переспросил Тахир.

Я рассмеялась и пояснила:

– Это такое состояние... Будто спишь. – Ягиры покивали, кажется поняв, о чем я говорю. – А потом появился Белый Дух...

– Ты видела Отца? – недоверчиво спросил Веран.

– Несколько раз, – кивнула я. – В первый, когда мама привела меня к Нему. Тогда она сказала, что Отец признал меня и она станет моей матерью в этом мире. Тогда же и дала мне это имя – Ашити. Имени, которое получила при рождении, я не помнила. А еще в тот раз Создатель выбелил мне волосы. Второй – в ту ночь в лихуре. Он склонился ко мне и позвал. Я открыла глаза и поняла, что нужна маме. Ей требовалась моя помощь – велела смыть кровь с тела Танияра. Я исполнила ее волю. И пока обтирала его, произнесла вслух имя. Глаза Танияра открылись, и он сжал мою руку. Спросил: «Кто ты?» – а после снова потерял сознание. А потом рассказал, что увидел меня во Мраке. Он сказал, что волосы мои не были белыми, они пылали огнем. Сказал, что пошел за мной... – замолчав, я улыбнулась своему воспоминанию.

Должно быть, молчание затянулось, потому что вернул меня к реальности Берик. Он спросил:

– А что было потом?

– Потом мама сказала, что я оказалась участником ритуала и что она отогнала Смерть, а я вернула Танияра. А когда летом он заманил нас с мамой в Иртэген на праздник лета, я рассказала ему о себе, и про цвет волос тоже. Танияр не удивился, он уже видел меня такой, пока блуждал во Мраке. И вот теперь подумайте, откуда взялся белый саул и зачем меня позвал Создатель. Танияр всегда был избранником Белого Духа. Я была ему предназначена, а он мне. Об этом я расскажу не сейчас, но когда придет время.

– Отец заманил дайна в западню, чтобы вы могли встретиться? – спросил Тунсы. – Это Он явился белым саулом? – Я смотрела на него, ожидая, чтобы ягир продолжил свою мысль, и он сделал это: – Белых саулов не бывает, да еще и с голубыми глазами. И тебя показал настоящей, а Танияр увидел и принял.

– Верно, – улыбнулась я.

– А ты? – спросил Берик. – Каким ты видела Создателя? Вещая говорила тогда на сангаре, что каждый видит Его по-разному.

Теперь на меня снова смотрели все ягиры и даже Элькос. Он уже знал всю историю и во всех подробностях, но сейчас и магистру стало интересно. Скрывать мне было нечего, и играть в таинственность я не стала.

– Я увидела Отца человеком. Он прекрасен... Невероятно прекрасен. Мне сложно найти слова, чтобы описать Его. Волосы Создателя белы как снег, но глаза... У них нет цвета, точнее, они меняют цвет. Сначала кажутся почти прозрачными, как лед, но потом ты видишь летнее небо, а после будто опускается вечер, и глаза становятся синими, пока не превращаются почти в черные, и кажется, что в них зажигаются звезды... А еще в них мудрость, великая древняя мудрость, как само время. Еще тепло, доброта и капелька лукавства. У Создателя невероятные глаза.

И вновь воцарилось молчание. Я смотрела на ягиров и больше не видела недоверия. Впрочем, у моей откровенности имелась своя цель. Мне хотелось, чтобы они осознали – за нами с Танияром стоит сам Белый Дух. Это было важно в грядущих переменах. Если люди поймут, что их желает Создатель, то и споров будет меньше. А сейчас меня слушали воины из разных частей Айдыгера.

– Почему Белый Дух показался тебе? – произнес Веран. – Ты не родилась в нашем мире, а мы...

– Ты неправ, Веран, – остановила я. Теперь я говорила строго. – Каждый изо дня в день смотрит на Создателя. Он – это весь мир. В каждом Его творении ты видишь Отца. И Он всегда рядом, всегда за твоим плечом. Никогда не сомневайся в Его милости, потому что Белый Дух со своими детьми. Строг, но справедлив. Велик и мудр Отец.

– Истинно, – мужчины склонили головы, соглашаясь.

– А меня не удивляет, что Белый Дух явил свой лик Ашити, – внезапно произнес Элькос, и взгляды переместились на него. – В нашем мире правят иные боги. И по нашим традициям мы выбираем себе среди них Покровителя. Обычно женщины предпочитают богиню Левит. Она помогает женщинам, защищает и оберегает их. Но Ашити избрала Хэлла. У нас называют его богом-счастливчиком, Великим Странником и Весельчаком. Говорят, что скакуном Хэллу служит ветер и он несет на своих крыльях удачу. Обычно его почитают те, кто ищет удачи в делах. А еще наша Ашити, и Хэлл принес ее в Белый мир в минуту, когда девочке угрожала страшная опасность.

И пока он говорил, взгляды нескольких ягиров переместились на Ветра, после на меня, и я улыбнулась, подтверждая их догадку.

– Так вот почему ты ловишь ветер, – произнес Берик. – Ты трогаешь своего Покровителя из родного мира.

– Хэлл всегда со мной, – улыбнулась я. – Даже когда я не помнила себя, то слышала его голос в шелесте листвы. Хэлл говорил, что он всегда со мной, что рядом. Он и Белый Дух. А еще Дурпак, Хайнудар и Тагудар. А теперь я, надеюсь, еще и Илсым не оставит в нужную минуту.

– А твое имя? – спросил Тахир. – Ты вспомнила, как тебя называли при рождении?

Ответить я не успела, потому что вместо меня заговорил магистр:

– О, у нашей дайнани чудесное имя. При рождении ее называли Шанриз, что означает «солнечный луч».

– Как и Ашити, – улыбнулась я. – Ашит значит «свет», а Ашити – «луч света». Выходит, что в обоих мирах меня зовут одинаково.

И я легко рассмеялась, улыбнулся и магистр. Берик кивнул, соглашаясь, а кто-то из ягиров произнес:

– Потому и светишь, как ласковое солнышко.

Я привычно уже смутилась и поспешила сменить тему беседы:

– Ну вот мы и добрались до столбов. Оставим все вопросы на потом и осмотримся.

– Как скажешь, дайнани, – не стали спорить мои телохранители.

Мы остановились перед каменным столбом и дружно задрали головы кверху, рассматривая его. Даже Ветер. Саул потянулся к нему носом, после фыркнул и отошел в сторону, кажется, громадина моему мальчику не понравилась. А может, попросту не вызвала интереса.

На ягиров каменный исполин также не произвел впечатления, несмотря на грандиозные размеры. Кто-то фыркнул похоже на Ветра и отвернулся. Впрочем, это больше походило на наблюдение за окрестностями, чем просто презрение к творению Илгиза. Двое и вовсе направились за столб, чем еще больше укоренили в мысли об охране. Воины пришли сюда не любоваться.

– Что-то чувствуете, магистр? – спросила я Элькоса.

Он стоял перед столбом, пока не спеша прикасаться к нему и не производя иных манипуляций. И молчания нарушать тоже не спешил. Однако после моего вопроса повернул голову и, посмотрев рассеянным взглядом, попросил:

– Расскажите еще раз об этом месте, душа моя.

– Извольте, – с готовностью отозвалась я. – Это место было чем-то вроде мира в мире. Эти столбы держали свод, если уместно такое определение. Раньше здесь был полог, который не пропускал солнечного света, и в этом месте всегда царил сумрак. Из-за этого растительность почти отсутствовала, зато были болота, населенные созданиями Илгиза. Жуткие и бесполезные твари, стоит заметить. Мне довелось лично познакомиться с черыном. Он парализовал жертву своим криком, а после пожирал ее. Еще об одном слышала от илгизитов, его прозывают ползун,

но, хвала Высшим Силам, с ним я не познакомилась даже издали. И если он был поблизости, не видела...

– Всё это интересно, – прервал меня хамче, – но я прошу рассказать мне не о флоре или фауне этого места, а вот о нем, – он указал взглядом на столб. – И о том, что с ним связано.

Одарив магистра недовольным взглядом, я все-таки признала, что отдалилась от сути дела.

– Ну, хорошо, – кивнула я. – Стало быть, столбы держали свод, хотя я могу и заблуждаться. И если поначалу, пока меня вели илгизиты, я видела их, как сейчас, то в какой-то момент мы оказались на обрыве, на дне которого также были столбы, но мы уже находились над пологом. Сама я едва не упала, увлекшись вопросами, но Рахон удержал, а после заскользил по нему, как мы катаемся на коньках по замерзшему озеру. И таким образом мы переместились к горам, за которыми находится Дэрбинэ. А когда мы спустились с полога, то никакого леса уже даже не было видно, он остался где-то очень далеко. Однако стоит отметить, что без подручного махира я бы прошла место разрыва по лесу – и ничего бы для меня не изменилось. Так объяснял пятый подручный.

– Я услышал вас, дорогая, – ответил маг и попросил: – А теперь не мешайте. Я немного поработаю.

Вздыхнув, я покорилась и отошла на несколько шагов, однако продолжала наблюдать за Элькосом. Мне отчего-то подумалось, что он сейчас опять встанет на четвереньки и будет слушать землю, как выразились дочери Архама. Но магистр не спешил падать ниц перед исполненным. Вместо этого хамче оперся на столб ладонью, после закрыл глаза и медленно выдохнул. Так и замер, сам став похожим на истукана.

Не знаю, сколько времени прошло, но я устала просто стоять и ждать, когда маг огласит результаты своих изысканий. Даже Ветер успел уже обследовать каждый клочок земли вокруг меня, а Элькос всё еще не пошевелился.

Передернув плечами, я скинула оцепенение и направилась прочь от столба и хамче. Недалеко. Попросту решила последовать примеру саула и оглядеться. Берик и два ягира пошли за мной, Ветер, разумеется, тоже. Остальные воины продолжили следить за подступами к месту, где изнывала от ожидания и любопытства их дайнани.

Я вспомнила место, где провела ночь, когда попала в Каменный лес впервые. После покрутила головой и пожала плечами – найти схожесть или различия мне не удалось. Наконец я решила, что это все-таки не то место, потому что здесь не было валуна, из-за которого на меня смотрел черын. Впрочем, ностальгии по тем событиям у меня не имелось, потому на воспоминания махнула рукой и прошла еще дальше.

– Остановись, – велел Берик, и я послушно замерла там, где меня настиг приказ.

Мой телохранитель и один из ягиров прошли вперед. Берик вытянул наполовину из ножен ленген, второй воин скинул с плеча лук и наложил на него стрелу.

– Что там? – отступив назад, спросила я. Однако шею вытянула и попыталась рассмотреть, что могло встревожить ягиров.

– Болото еще не высохло, – ответил воин, оставшийся со мной. – Тянет гнилью.

Я принялась и теперь ощутила то, о чем говорил ягир. И вправду тянуло гнилью, но запах был столь слабым, что я даже не заметила его. Либо болото все-таки основательно высохло, либо пахло не оно. А потом я увидела, как ягир, ушедший с Бериком, все-таки натянул тетиву, и стрела улетела мимо моего телохранителя.

После этого ягиры развернулись в обратную сторону, и я спросила:

– Что там было?

– Это ленай, – ответил Берик. – Жрал кого-то.

– Кого-то? – охнула я.

– Похоже, ту тварь, которая жила в этом болоте, – ответил мне второй ягир. – Ленай и пададь съест – не подавится, а этот, похоже, недавно сдох.

– А зачем стрелял? – спросил воин, оставшийся со мной. – На людей ленай не нападает, если не трогать.

– Он зубы показал, – усмехнулся Берик. – Якил ему ответил. Не убил, – тут же добавил он, увидев, как я прикрыла рот кончиками пальцев. – Мимо стрелял, просто пугнул. Ленай даже не отошел, дальше жрет.

– Я этого зверя никогда не видела, – сказала я. – Могу я на него взглянуть? Любопытно.

– Идем, – мой телохранитель кивнул и снова повернул к болоту.

Запоздало вспомнив, чем занят змееподобный зверь, я было приостановилась, но затем всё же продолжила путь, чтобы не показывать свой страх перед мертвецами. Тагайни, а тем более ягиры, не преминули бы после напичкать меня остротами. Пусть дружескими, но вполне возможно, неприличными. Выслушивать их у меня желания не было. И потому я решила, что буду смотреть только на животное.

– Вон он, гляди, – Берик вытянул руку, и я последовала за ней взглядом.

Ленай больше напоминал огромного червяка, чем змею. У него не было чешуи, но было розовато-коричневое голое тело. Этаким короткий и толстый червяк, если соотносить длину и объем. Что сзади, что спереди он был округлым. Только спереди еще имелись маленькие черные глазки и зубастая пасть. К тому же ленай не ползал, а передвигался на коротких когтистых лапах. И, глядя на него, даже не верилось, что это не особо приятное существо слывет синонимом коварства и хитрости.

– У него кожа такая, что стрелой не прошибешь, – сказал один из ягиров.

В это мгновение ленай дернул головой в сторону, и мои внутренности скрутил острый спазм, потому что из пасти его торчала рука, которую зверь оторвал от мертвого тела на наших глазах. Я хорошо разглядела тонкие растопыренные пальцы с перепонками между ними. Но была ли это конечность черына или кого-то еще, я знать не желала. Да и не смогла бы спросить, потому что меня вывернуло прямо себе под ноги.

– Девочка моя, что за тошнота за неделю до родов? – послышался голос магистра.

– Ка... какая мерзость, – задыхаясь, выдавила я.

Элькос приблизился ко мне. Бросив взгляд мне за спину, он передернул плечами, а после накрыл мне лоб ладонью, будто благословляя по традиции Белого мира. Однако магистр был занят иным. Я ощутила приятную прохладу, разлившуюся по телу, затем успокоение, и спазмы исчезли.

– Лучше? – спросил хамче.

– Намного, благодарю, – выдохнула я и поспешила уйти от берега почти пересохшего болота.

Уже вернувшись к каменному столбу, я оперлась на него ладонью, но магистр, взяв меня за запястье, отвел мою руку в сторону и приобнял за плечи, так дав поддержку.

– Не надо это трогать, дорогая, – сказал Элькос. – Этот столб еще полон энергии, чуждой энергии Белого Духа. Неприятная сила, мне не понравилась.

– Вы ощутили силу Илгиза? – живо заинтересовалась я, в одно мгновение забыв о том, что творилось на берегу болота.

– Не только ощутил, но и собрал в накопители, – ответил магистр. – Теперь я могу попытаться сделать от нее защиту. Нужно только получше разобраться в ней. Хорошо бы иметь какую-то вещьцу от илгизитов.

– Танияр уничтожил все шавары, которые попали к нему в руки...

– Напомните, душа моя, о чем вы, – попросил Элькос.

– Шавар – это медальон илгизитов, – пояснила я. – Он связывает отступников...

– Вспомнил! – кивнул маг. – Но ведь не всех же шпионов переловили, верно? – Я и ягиры посмотрели на него с любопытством, и Элькос не подвел: – У меня есть образец энергии, и теперь, почувствовав ее, я смогу обнаружить носителя подобной.

– Но это же восхитительно! – воскликнула я.

– О чем говорит хамче? – спросил один из ягиров.

– О том, дорогой мой, – ответил сам магистр, – что я теперь могу отыскать илгизитов на запах.

– Вы наш рырх, дорогой друг, – рассмеялась я, и воины одобрительно покивали.

Теперь оставалось донести добрые вести дайну, и мы отправились к месту встречи.

Глава 8

Айжэм благоухал. Он покрылся ярко-алыми цветами еще вчера, точно в тридцатый день весны, и сегодня я сделала пометку в календаре в той части, где было написано: «Лето».

– Первый день, – сказала я, глядя на портрет мужа, а после опустила взгляд на свой живот и, погладив его, шепнула: – Завтра, малыш, мы увидимся с тобой завтра. – И вздохнула, уже ни к кому не обращаясь: – О-ох...

Я вновь волновалась. Близость неизбежного события тревожила и немного пугала. В конце концов это были мои первые роды, и я не представляла еще, что и как будет происходить. Теоретически знала, конечно. Амбер в свое время, да и Эчиль, Хасиль и прочие женщины немало делились со мной опытом. Но всё это были рассказы, а перед внутренним взором стояла Агылъ – та женщина, при родах которой я помогала матери. Я помнила, и как ей было тяжело, и покрасневшие от натуги глаза, и как она вцепилась мне в запястье.

Отчего-то именно это воспоминание теперь было ярче веры не только в Элькоса и шаманку, но даже в Белого Духа. Я стыдилась, винилась перед Создателем, клялась больше не допускать малодушия и вновь тревожилась. Возможно, расскажи я о своих страхах Тани-яру, мне стало бы легче, но опять не хотелось казаться слабой. Он не стал бы насмехаться, но упрямство оказалось сильнее. И в своих переживаниях я страдала одна.

Впрочем, и разрешиться от бремени хотелось. Вот уже два дня у меня ныла поясница. Как сказала Сурхэм, верный признак. Однако доброго расположения духа это не добавило – мое состояние раздражало. Недомогание испытывала редко, болела я нечасто. А теперь чувствовала себя нехорошо, и это мешало привычной жизни.

– Шанни, душа моя, чего же вы хотите? – спросил меня Элькос, выслушав жалобы. – Теперь это закономерно. Потерпите, в ближайшие дни всё закончится. Его Высочество готовится к встрече со своими родителями.

– А убрать эти ощущения невозможно? – сердито спросила я.

– Ваша названная матушка дала травки, заварите. А я сейчас влезать не стану, дабы не навредить. Это ведь не тошнота. Ваше тело готовится к родам, а мое вмешательство уберет недомогание, но может приостановить процесс. Этого делать не стоит. Выпейте травки.

– Благодарю покорно, – фыркнула я, но вздохнула и проворчала: – Простите. Что-то я сама не своя.

– Волнение вполне понятно и закономерно, – улыбнулся магистр. – Я не обижаюсь.

Травку я тогда пить не стала, рассудив, что могу потерпеть. Слова Элькоса о возможном вреде возымели определенное действие. И хоть я понимала, что мама дурного не посоветует, но облегчать себе самочувствие не решилась. И потому недомогание так и осталось со мной.

– Терпеть недолго, – сказала я себе и, поднявшись из-за стола, погладила поясницу. – Всего лишь до завтра. – И, передернув плечами, покинула кабинет.

В доме сейчас, кроме меня, была только Сурхэм. В очаге тлели остывающие угли – на сегодня готовить наша прислужница закончила. И то, над чем она колдовала с рассвета, уже забрали и унесли на поляну, где стояли столы в ожидании большого праздника.

Люди уже должны были собираться, но начнется празднование наступления лета только после того, как придет дайн. Сегодня с нами за столом должны были сидеть и пагчи с кийрамами. И если пагчи уже были айдыгерцами, то Улбах с женой и выбранные им воины-охотники оставались просто гостями, но гостями почетными.

Ягиры из бывших таганов к ним уже успели привыкнуть, и даже те, кто приезжал торговать или к родственникам, жившим на бывших Зеленых землях, смотрели без особого любопытства. Кийрамы с прошлого лета стали явлением обыденным, а в нашей части Айдыгера еще

и почитаемы как союзники. Все помнили, что они шли за Танияром встречать объединенное войско, а после сражались под стенами Иртэгена.

Как помнили и о помощи пагчи, которые привели с собой унгаров. И если последние так больше и не появились на наших землях, то пагчи, как я уже успела напомнить, стали нашими соотечественниками. Жители бывших Зеленых земель спокойно принимали подопечных Дурпака, не пеняли на зеленые глаза и черные волосы, да и на искажение привычных слов внимания не обращали.

А вот тем, кто прежде жил в Белом камне, мирное соседство с пагчи давалось сложнее, да и представители племени не питали к этим тагайни добрых чувств. Вражда, длившаяся многие поколения, никак не желала отпускать бывших противников. Впрочем, пагчи по своей природе были открыты дружбе, но заискивать ни перед кем не собирались.

И однажды между ними вспыхнул конфликт. Не прежняя бойня, но всё могло бы закончиться плохо, если бы не вмешался дайн, к которому успели отправить гонца.

– Довольно! – прогремел тогда голос взбешенного правителя, ворвавшегося в самый центр едва закипевшей драки. – Нет больше Белого камня, как нет земель племени. Они ушли, а с ними старые распри. За что грызетесь? Чего не поделили? Землю? Так ее полный Айдыгер, каждому места хватит. Обидели кого-то? Так идите ко мне, и я решать стану, кто виновен, а кто нет. Но если бывшее делите, то и идите вслед за бывшим, я держать не буду! В настоящем есть Айдыгер, вы его верные сыны, а я вам отец и повелитель. И как отец, я запрещаю моим детям драки. А если сцепитесь и кровь прольете, карать буду каждого, кто сойдется! Услышали? Всех!

– Мы слышали тебя, дайн, – ответили противники, и Танияр заговорил спокойнее:

– Забудьте распри, вам некого винить в них, кроме себя самих. Тагайни нападали на пагчи, пагчи мстили тагайни, тагайни мстили пагчи за месть, и так по кругу. Никто из вас не в силах вспомнить, кто начал первым. Хватит. Все мы дети одних Отца и Матери, все почитаем одних и тех же духов. И враг тоже один. А еще мы живем в одном доме, имя которому Айдыгер. Нам не враждовать в нем следует, а укреплять и наполнять силой. Не можете смотреть друг на друга, стерпите. Сначала тяжело, потом привыкнете, а после и друзей надежней не будет. Что ответите?

– Ты прав, Таньер, – ответили пагчи.

– Мы слышали, дайн, – отозвались тагайни.

– Белый Дух тоже слышит вас и ваши души. И я услышал, – подвел итог Танияр.

Это случилось еще перед началом зимы, и пока никто из бывших противников слова не нарушил, даже, кажется, начали потихоньку общаться. По крайней мере, мы слышали, что двоих охотников из бывшего Белого камня на охоте сильно потрепали звери, и они непременно погибли бы, оставшись в лесу к началу ночной метели, если бы не пагчи. Они увидели раненых и принесли в свое поселение, куда прежде чужаков почти не пускали. А когда мужчины достаточно окрепли, проводили их домой.

В домах охотников была великая радость, потому что живыми их уже не чаяли увидеть. Так что пагчи, которых поначалу встретили мрачным молчанием, домой отпустили уже с дарами и благодарностью. А потом пришли и сами охотники, и не с пустыми руками. Они принесли спасителям только что убитую дичь. После этого уже пагчи устроили праздник, и с дарами ушли тагайни. В общем, лед, похоже, начал трещать, чему мы с Танияром были несказанно рады.

– Болит чего? – голос Сурхэм вырвал меня из размышлений.

Улыбнувшись ей, я уселась за стол и подперла щеку ладонью.

– Как и вчера, – ответила я. – Поясница ноет.

– Скоро уж, – покивала головой прислужница. – Может, не пойдешь на праздник?

– С чего бы? – фыркнула я. – Танцевать не буду. А сидеть и есть, что дома, что на поляне – разницы никакой. Но там хоть на других полюбуюсь, а тут с тоски умру. Сейчас маму привезут, и пойдем.

– Поедет ли вещая? – усомнилась Сурхэм.

– Прошлым летом Танияр ее обманом выманил, – усмехнулась я. – Обещал и сегодня привезти, но там уж как мама сама решит. Откажется, значит, завтра с ней увижусь. Но мне бы хотелось, чтобы приняла приглашение.

– Могла бы и Орсун позвать, чего в священные земли ехать? – проворчала Сурхэм. – Кто за дайнанчи присмотрит, пока ты отдыхать будешь? – Я ответила пристальным взглядом и поджатыми губами, и прислужница махнула рукой: – Молчу-молчу, не ругайся. Вещая так вещая, а я своего дождусь.

– Мимо дома назад не проедем, – смягчившись, улыбнулась я.

– Славный дайнанчи будет, – улыбнулась в ответ Сурхэм и встала со своего места. Она повернулась ко мне спиной, и я расслышала тихое ворчанье: – Слова не скажи, сразу смотрит, как рых голодный. Того и гляди голову откусит, будто я плохое что говорю.

– Су-урхэ-эм, – протянула я с иронией.

– Чего, дайнани? – Она обернулась, и я встретила с честным, открытым взглядом.

– Что ты там сказала?

– Рта не раскрыла, – по-прежнему честно соврала прислужница.

– Так молчала, что от ворот слыхать, – донесся до нас новый голос, и я радостно воскликнула:

– Мама! Ты приехала!

Я поднялась на ноги и поспешила ей навстречу. Шаманка тепло обняла меня, после накрыла ладонью лоб, благословляя, а затем уже и поцеловала в щеку. Первая. Я умилилась, но мама тут же махнула рукой, останавливая меня. И тогда я просто прижалась к ней и затихла ненадолго, насыщаясь чувством покоя, шедшим от Ашит.

– Как же хорошо, что ты приехала, – сказала я и отстранилась.

– Приехала, – ответила она. – Могла б – вперед саула побежала, лишь бы от твоего мужа избавиться. Килимом был, килимом остался, хоть и дайн. – Я рассмеялась, а мама проворчала: – Он за мной ходил. Куда я, туда и он. И всё говорит и говорит, говорит и говорит...

– Что говорит? – полюбопытствовала я.

– Всё говорит. Что за зиму было, что весной. Про тебя, про ягиров, про саулов, про племена, про брата, про советников своих. Что вы надумали, что сделали, что еще делать будете. Уруш устал слушать, убежал, а мне бежать некуда.

– Вещая меня черпаком ударила, – весело поблескивая глазами, пожаловался дайн. – Но я всё равно ей всё-всё-всё рассказал.

– Как в повозку села, тогда только замолчал, – продолжила ворчать мама. – И за что его Отец любит?

– За то, что честный, – усмехнулся Танияр. – Ни словом тебе не солгал, рассказал всё как было.

– Видеть тебя не могу, – махнула на него кулаком шаманка.

И я рассмеялась, представив, что происходило на священных землях. Бедная, бедная Ашит! Даже не сомневаюсь, что Танияр ни минуты ее не уговаривал. Пригласил, получил отказ и не стал настаивать, но почел своим долгом дать полный и всеобъемлющий отчет! Вымотал душу шаманке одним своим присутствием и голосом. В прошлом году лгал, а в этом был сама честность. Мой муж восхитителен! Впрочем, для меня это уже аксиома.

– Разговорами будем сыты или же едой накормите? – усмехнулась мама, напомнив, для чего ее осаждал дайн.

– Дозволь пригласить за стол, – улыбнулся Танияр.

– Ведите, раз уж выманили, – важно кивнула шаманка, и мы наконец покинули дом.

Элькос ожидал нас у ворот. Магистр мило болтал с ягирами, стоявшими на страже, они даже над чем-то смеялись, и выглядел хамче вполне органично. Во-первых, он решил окончательно отказаться от одежды, которую принес с собой, и уже какое-то время носил одеяния Белого мира. А во-вторых, пользуясь собственным даром, он отрастил себе волосы до плеч и завязывал их в хвост. А если добавить, что из-за седины голова мага была белой, да еще прибавить светло-голубые глаза, то можно было лицезреть истинного тагайни, а вовсе не чужака, поселившегося в Иртэгене совсем недавно.

Впрочем, стоило бы отметить и еще одну перемену, о которой я еще не поминала ни разу. Магистр помолодел. Да-да, вы не ослышались, именно помолодел. Не годами, конечно, но лицо его и без того не выглядевшее на настоящий возраст мага, разгладилось и посвежело еще больше, и теперь я смело могла бы дать Элькосу лет сорок, но никак не его собственные годы. И когда я это заметила, он пожал плечами и ответил:

– Похоже, дело в силе Белого мира, точнее, в ее обилии. Я полон энергии, которую практически не могу израсходовать, и она омолаживает меня. Когда-то давно маги в моем возрасте выглядели если и не юношами, то и не так, как я еще недавно. У них было море магии, а у меня здесь безбрежный океан, так что вам придется еще не одно десятилетие терпеть мою персону.

– Боги с вами, магистр, – отмахнулась я. – Это новость добрая, и я ей безмерно рада.

– Не могу с вами не согласиться, – широко улыбнулся хамче, на том разговор и закончили.

Так что сейчас мы лицезрели мужчину, полного сил не только магических, но и физических, который вполне мог еще себе позволить жениться. А учитывая, что брачный закон одаренных в Белом мире силы не имел, то и сдерживать себя при возникновении взаимных чувств смысла не было. Впрочем, сам Элькос на мое замечание ответил: «Там будет видно».

Но вернемся к сегодняшнему дню. Помимо магистра, у ворот стояли и наши гости – кийрамы. Состав был уже знаком: Улбах с женой, его брат с женой и несколько охотников, кого выбрал вожак. На поляну они не пошли, и причиной тут было не то, что они не являются айдыгерцами и не могут себе позволить подобную вольность без хозяев. Всё это чушь. Во-первых, это племя было лишено всяческой скромности. Гонора с чужаками у них было много, а вот скромности пару капель на всё племя. Зверь идет, куда хочет. К тому же кийрамы уже давно стали своими, хоть и не присоединились к нашему государству.

Однако кийрамы оставались кийрамами. Улбах не мог позволить себе встать в один ряд с простыми иртэгенцами. Он обязан был доказать свое особое положение и силу. Драться за превосходство он не мог, иначе это уничтожило бы дружбу между нами, а племя тоже успело оценить ее плоды по достоинству. Так что терять доброе соседство было глупо.

А потому нужно было явиться на поляну вместе с дайном. Вожак с вожаком. Это и почет, и уважение, и сохраненное достоинство... по мнению Улбаха. Впрочем, он не рассматривал и встречу с почетом на поляне, если бы пришел туда, когда появится дайн, который мог пойти навстречу.

– Мы не еду идем выпрашивать, – передал мне слова вожака Танияр.

И потому встречать пришлось бы еще на дороге, что по традициям уже тагайни заняло бы немало времени, потому что пришлось бы пройти половину пути до земель кийрамов. Думаю, вы помните об этом обычае. Именно так мы тогда встречали Улбаха с домочадцами. Но тогда это затянуло бы начало праздника. Да и утро дайн провел, выматывая откровениями мою названую мать.

– К дому твоему придем, – так решил Улбах.

И пришли. Да не просто пришли, а через дальние ворота, сильно увеличив себе путь, потому что пришлось обогнуть всё поселение, чтобы миновать поляну. Но такие мелочи кийрамов не волновали, главное, достоинство вожака не пострадало.

– Милости Отца, – улыбнулась я, здороваясь разом со всеми. – И пусть Хайнудар не оставит своих детей, – это уже относилось к нашим гостям.

– Хайнудар смотрит на нас с улыбкой, – ответил Улбах, а после добавил: – И тебе он тоже улыбается, Ашити. Ты вырастила рырхов сильными, за то и твоему сыну будет дана сила и отвага рырха и хитрость йартана.

Мне хотелось ответить, что все эти качества мой сын унаследует от своего отца, но вместо этого улыбнулась и ответила:

– Благодарю за добрые слова, вожак.

– Пора воздать духам благодарность, – произнес Танияр. – Идемте, люди нас заждались.

И я поняла, что дайн успел приветствовать кийрамов еще до того, как зашел за мной, потому что обычно при встрече двух вожаков следовало крепкое рукопожатие.

– Душа моя, как вы себя чувствуете? – спросил меня Элькос, когда мы направились в сторону ворот из Иртэгена, за которыми раскинулась большая поляна.

Но я рта открыть не успела, вместо меня ответила мама, правда, в своей излюбленной манере:

– Земля еще носит. Что ей сделается?

– Шанни жаловалась на боли в пояснице, – заметил хамче.

– Сама от травы отказалась, – отмахнулась Ашит. – Значит, нравится жаловаться.

Я не нашлась, что возразить, только в беспомощности посмотрела на Танияра.

– Сурхэм заварит, – сказал он, но я отрицательно покачала головой.

– Сейчас не тревожит, а Сурхэм пусть отдыхает. Праздник лета только один раз в году.

– Осталось только костра дожидаться, – с ехидством ответствовала мама.

– А и дождалась бы, – задрала нос наша прислужница. – Да только нет такого красавца, с кем бы я в круг огня вышла. Пусть без меня тешатся.

Дайн хохотнул, я спрятала улыбку, а магистр никак не отреагировал. Про традицию в окончании праздника он знал, но предпочел сделать вид, что не понял, о чем говорят шаманка и прислужница. Воспитание и выдержка со сменой одежды не исчезают. Что до самих спорщиц, то они хмыкнули, на том и успокоились, а кийрамы и вовсе в тонкости традиций тагайни не вникали. Или же попросту считали, что это не их дело.

Иртэген опустел. Его не наполняла суета, смолкли человеческие голоса, и только живность, оставшаяся на подворьях, клекотала, блеяла и подвывала. Негромко. Животные продолжали свое повседневное существование, но без людей, потому что хозяевам ныне было не до них.

Впрочем, исчезли не все люди. Ягиры, оберегавшие сегодня столицу, никуда не ушли. Они стояли на своих постах и честно несли службу. Вскоре им разнесут еду, приготовленную для празднества, но полюбоваться на чужое веселье смогут лишь те, кто стоял на стене со стороны поляны. Воины же, охранявшие дом дайна, не увидят и этого, но после непременно послушают со скрытым любопытством и удовольствием.

Что до остальных иртэгенцев... Пока негромкий рокот их голосов мы слышали, еще не покинув пределов нашей столицы. И мне вспомнилось, как год назад вот так же мы шли по пустым улицам. Тогда еще гости, которых заманили на праздник обманом. И если шаманка была почитаема тагайни, то я оставалась всего лишь загадочной пришлой с зелеными глазами пагчи. Впрочем, об этой своей «особенности» я узнала на следующий день, а в этот день, год назад, был лишь праздник и Танияр...

Повернув голову, я посмотрела на мужа, и он, почувствовав мой взгляд, ответил теплой улыбкой. Хорошо... Как же всё хорошо! Год назад – пришедшая, сегодня «наша Ашити», дай-нани, а главное, жена самого восхитительного мужчины Вселенной, о котором только можно мечтать. А завтра я сделаю ему самый лучший подарок, на какой способна женщина, – рожу его продолжение, его наследника... нашего сына.

– Боги, как же я счастлива! – вырвалось у меня от переполнивших вдруг чувств, и почувствовала, как рука Танияра, лежавшая на моей талии, прижала меня к нему чуть сильнее.

Я вновь посмотрела на мужа, и он негромко ответил:

– Я тоже, свет моей души, я тоже.

Магистр вновь тактично остался глух и нем, а мама едва приметно приподняла уголки губ, так и не повернув головы. Только Сурхэм не стала прятать одобрительной и даже горделивой улыбки. Но она имела на это право, как член нашей пока еще маленькой семьи... Я сказала – маленькой? Ах, какая несправедливость!

Наша семья была вовсе не мала. У нас были Эчилъ, Архам и пять его дочерей. Была мама Ашит и магистр Элькос. А еще Юглус и Берик, ставшие нам... мне много ближе, чем простые телохранители. Ну и разумеется, наша дорогая ворчунья Сурхэм. И это только те, кто жил в мире Белого Духа.

Но ведь еще оставались и родственники, скрытые от нас пеленой Мироздания. Мои родители, сестрица с супругом и их дети, род Доло со всеми своими ветвями и ответвлениями. Да даже род Гендриков, из которого происходил Элдер! А еще мой дорогой друг и названный брат Фьер Гард со своим семейством и, конечно же, проныра Нибо Ришем. И пусть только несколько человек знали, что мы существуем где-то неподалеку относительно бескрайней Вселенной, но отрицать и эту часть нашей семьи было непозволительно.

А еще оставались те, кто были нам близки, хоть и не имели ни кровного, ни душевного родства, но оставались нашими друзьями. И они ожидали нашего появления на большой поляне, где праздник лета уже вступал в свои права, и мы поспешили за ним, чтобы не томить наших подданных и попросту милых моему сердцу детей Белого Духа.

И когда мы шагнули на поляну, люди поднялись с уже занятых мест и, развернувшись к нам, склонили головы, приветствуя дайна, дайнани и вещь. Я дарила людям свет своего сердца, щедро лившийся через улыбку. В эту минуту меня переполняли радость и счастье, и не поделиться ими было невозможно. Иначе меня попросту бы разорвало от распиравших чувств.

Сурхэм вскоре отстала. Она устроилась рядом со своей заклятой подругой Тамалык и, кажется, была этому только рада. Еще бы! Им всегда было о чем поспорить, поругаться и продолжить делиться сплетнями. Впрочем, сегодня тишине не было места, как и ссорам. Люди были заметно оживлены. Они этот праздник любили и начинали ждать, едва он заканчивался.

А среди белокурых голов за одним из столов были хорошо приметны и жгучие брюнеты – пагчи, кто пришел на праздник. Но более всего меня порадовало, что они не сидели сплоченной группой среди тагайни, а перемешались с ними, и за тем столом, как и за другими, царило веселье. Туда же шагнули и охотники-кийрамы, как только им махнули рукой. Улбах с братом и женами, разумеется, продолжили путь с нами.

Мы приблизились к тому же столу, к которому подходили и год назад. Но тогда мы лишь приветствовали каана, а ныне занимали главные места. Но и Архам со своим семейством тоже был здесь, правда, теперь как брат и правая рука дайна. И Илан сидел с нами, как советник дайна, и Хасиль с ним. А вот Нихсэту места пока не было, он не являлся ни родственником, ни советником правителя. Но если его брат был прав и этот тагайни покажет себя, то однажды и он окажется рядом со своим повелителем.

Что до Эгчена, то он ушел к ягирам, как велела традиция, но там занял место во главе стола, как байчи и советник. Балчут, глава пагчи, и его жена Учгей расположились за нашим столом, а дети, пришедшие с родителями, уже носились шумной ватагой вместе с детьми иртэгенцев, на равных участвуя в их играх. И было безумно радостно видеть это единение народов, некогда тесно соседствовавших друг с другом, а после разделенных по пока неизвестной причине.

Поприветствовав тех, кто находился за нашим столом, мы прошли к своим местам. В центре, разумеется, сидел Танияр. По правую руку от него оказался брат с семьей и прочие тагайни, о ком я уже успела сказать, кроме пагчи. И там же устроились и Кхыл с женой.

По левую руку от дайна села я, рядом со мной мама, а за ней магистр. Улбах с женой устроились между магистром и пагчи. А чтобы мы все были хорошо видны друг другу, как и прочим айдыгерцам, я при подготовке велела поставить наши столы подковой, на вершине которой оказались мы с Танияром.

Не терплю, знаете ли, выворачивать голову. Хоть Совет, хоть празднество, но удобство должно было стоять на первом месте. О, разумеется, я ведь не пояснила, к чему были эти нововведения в установке главного стола. А дело как раз в том, что он главный, и потому все располагались по одной стороне, чтобы не загораживать вид на других сотрапезников. Остальные же тагайни сидели за своими столами лицом друг к другу.

– Милости Белого Духа, люди Айдыгера, – голос Танияр прокатился над поляной, и народ смолк. Дайн сейчас единственный остался на ногах, и видел его каждый, где бы он ни расположился. – Миновала зима, первая зима Айдыгера. Мы пережили ее, порадовались весне и теперь встречаем лето. И пусть оно будет таким же благодатным, как зима. Потому что за эту зиму мы потеряли всего пятерых! Пять человек на три бывших тагана и землю пагчи. Дикие звери не нападали на поселения. Они подходили и уходили, не устраивая засады. И те, кто пал от их зубов, был на охоте. Таких было трое. Могло бы быть больше, но двоих спасли и выходили пагчи... – От стола, за которым сидели представители этого племени, послышались одобрительные выкрики. Балчут просто кивнул с улыбкой, так благодаря дайна. – А одного спасли из ловушки кийрамы. – Улбах остался невозмутим и никак на слова дайна не отреагировал. – Еще один айдыгерец попал в метель, но виной тому буртан, которого оказалось слишком много, а ума и осторожности мало. И еще один замерз, заблудившись в лесу. – Танияр на миг замолчал, обводя взглядом свой народ, а после продолжил: – Запасов хватило всем, никто не просил помощи. Такой доброй зимы мы еще не знали, а потому я говорю, духи благоволят нам, люди Айдыгера. А раз так, то, выходит, что мы делаем, как они желают. Обещаю вам, мы не сойдем с этого дороги и духи будут смотреть на нас с улыбкой! Пришло время праздника, так будем веселиться!

– Будем! – закричали ему в ответ, и праздник начался.

Сначала, конечно же, насыщение под добрую беседу, тем более и соседи по столу, и обилие яств к этому располагали. Признаться, есть мне не хотелось, и я лениво ковырялась в своей тарелке, лишь иногда поднимая шамкаль ко рту. Зато слушала, о чем переговариваются рядом Танияр с братом. Однако вскоре переключила внимание на магистра и маму.

Элькос спрашивал об искусстве шаманов, и Ашит отвечала ему. Скупое, но все-таки отвечала. Похоже, магистр решил использовать момент, когда моей названной матери деваться было некуда. Вопросов он скопил немало, говорить на языке Белого мира научился и теперь удовлетворял свою любознательность.

– Шанни рассказывала мне о призыве души, – говорил хамче. – Это невероятно интересно. В нашем мире подобным занимаются немногие, и нужен особый дар, чтобы общаться с мертвыми. Мне не приходилось практиковать... делать что-то подобное, попросту не было нужды. Однако же из того, что говорила Шанриз, я понял, что вы используете совсем иные приемы. Быть может, я мог бы поучиться у вас этому ритуалу?

– Можешь, – кивнула Ашит. – Только не получится.

– Почему? – встряла я в их беседу, заинтригованная ответом шаманки.

– Если когда и сможет, то иначе, – ответила мама. – Он не шаман.

– То есть магистр не может овладеть искусством шамана?

Элькос посмотрел на меня, а после опять перевел взгляд на шаманку и уже не сводил его с нее, ожидая пояснений.

– Почему, мама? – повторила я свой вопрос, потому что шаманка вернулась к своему блюду.

Она наколола на шамкаль кусочек мяса, посмотрела на него и усмехнулась. После отправила в рот и некоторое время жевала, будто испытывая наше с магом терпение. А когда проглотила, причмокнула:

– Хорошо, – и только после этого произнесла: – Разные мы. Шаману Белый Дух силу дарит, а он хамче. Ему дано с рождения.

– То есть? – спросил уже магистр.

– То и есть, – усмехнулась Ашит и наколола новый кусок мяса. Макнула его в соус, но прежде, чем отправить его в рот, скосила на меня глаза: – Ты же умная, дочка, умеешь думать.

– Умею, – согласилась я, – но лучше поясни сама.

Однако снова пришлось ждать, пока она прожует и проглотит, и только после этого мама ответила:

– Мои знания – дар Отца. Я родилась, как все, а потом Создатель позвал. – Историю, как Ашит стала шаманом, я помнила, потому кивнула, и мама продолжила: – Не всех Отец зовет, кто-то сам хочет стать шаманом, но у того силы меньше будет.

– Почему? – спросил Элькос.

– Потому что Отец выбирает тех, кто похож на него. Я похожа, мне силы много дал, а кто другой, тому столько, сколько принять может.

Признаться, я была озадачена. Что мама хотела этим сказать? Опять эта теория первородства? Но она сама же высмеивала тех, кто называет себя любимым дитя Белого Духа, и вдруг – кто похож... Я в задумчивости водила шамкалью по блюду, пытаюсь осознать, что скрыто за откровением вещей. А она теперь смотрела только на меня, и в глазах я уловила толику иронии. Ашит кивнула и улыбнулась уже открыто и хитро.

– Думай, Ашити, думай, – велела она. – Ты знаешь, о чем я говорю. Думай.

Я нахмурилась. Знаю? Что я знаю? Как Создатель выбирает людей, похожих на него? Чем? Лицом, статью, норовом? Силой? Но у шамана, выходит, сил при рождении нет, как у мага. Их пробуждает Белый Дух и дает знания... То есть... Я вскинула взгляд на названую мать, однако она только кивнула, поощряя меня к дальнейшим размышлениям. Хм...

– Не по запаху же, – усмехнулась я и вдруг застыла, сраженная пониманием.

Разумеется! Когда-то я уже слышала о чем-то подобном, но было это еще у илгизитов. Рахон рассказывал мне о том, как отбирают бальчи – личную гвардию великого махира, так сказать. Второй подручный на запах определял, кто схож с Алтаахом. Но Создатель, конечно же, не мог действовать так грубо. И значит, мерилом было нечто иное...

– Созвучие, – шепотом предположила я. А после продолжила уже более громко и уверенно: – Отец выбирает тех, в ком видит способность принять его дар. Того, кто подходит для знаний шамана.

– Верно, – улыбнулась Ашит.

– И потому тот, кто приходит по собственной воле, попросту не может принять всего, что получает избранный. И поэтому он слабей. Что дается легко одному, то не дается другому.

– Да, – снова кивнула мама. – Говори дальше.

– А магистр рожден иным, – не стала я противиться. – Ты не зря назвала его хамче, потому что он одарен с рождения. Он не может стать шаманом и повторить твои ритуалы по той причине, что его дар имеет собственную направленность и не созвучен тому, что получают шаманы. Но у меня есть вопрос, мама. Есть ли другие хамче? Такие, как магистр, только еще спящие? Быть может, мы можем их пробудить и обучить? И тогда магов станет больше, чем один?

– Да, – живо откликнулся Элькос. – И мне был любопытен этот вопрос. Хотя... – он вздохнул, – признаться, жаль, что я не могу перенять знания шаманов. Я всегда готов учиться.

– У тебя свой путь, – ответила ему Ашит и посмотрела на меня. – У меня нет ответа на твой вопрос. Его спроси, – и она кивнула на мага.

Удивленно приподняв брови, я перевела взор, но и в глазах Элькоса отчетливо читалось недоумение. Откуда пришельцу было знать о реалиях его нового дома? И мама постучала себя пальцем по лбу, предлагая подумать и Элькосу. Он хмыкнул, потер подбородок и усмехнулся.

– Понимаю. Да, в магах я разбираюсь лучше, чем в шаманах. Душа моя, думается мне, что я все-таки единственный. – Он развел руками. – Дар или есть, или его нет. Если он есть, то проявляется независимо от того, умеет ли маг управлять им. Это неконтролируемые вспышки поначалу. В нашем мире с этого момента начинается обучение, чтобы помочь одаренному обуздать его силу. И если бы в Белом мире происходило подобное, то люди знали бы. И если кто-то сумел обуздать свой дар самостоятельно, то он бы начал передавать свои знания, и о хамче не только бы знали, но они бы заняли значительное место в жизни таганов. Скорей всего, сама история пошла бы по иному руслу.

Да, скорее всего, так. Обладая немалой силой, которая превозносит тебя над другими, сложно не использовать ее. Амбиции, высокомерие – эти чувства могут легко поглотить душу. Особенно когда вокруг необразованные люди, которым можно внушить многое, даже веру в собственную божественную сущность. Шаманы – иное дело. Их одаривает сам Создатель, и возгордиться – предать доверие, а таких отступников Отец карал безжалостно.

Имелась еще причина, по которой я была склонна согласиться с магистром, – Шамхар. На страницах его книги о магах не говорилось, и это я уже поминала. Шаманы были, аданы были, знахари тоже были. А вот такие вот хамче – нет. Возможно, и слово само появилось позже. Или же оно видоизменилось, однако смысл остался – одаренный духами, но отличными от магии талантами. Наш хамче и вправду был единственным, и потому сила его была безграничной.

– Даже не знаю, что сказать, – рассеянно улыбнулась я. – С одной стороны, жаль. Магия могла бы дать этому миру немало полезного, с другой – слишком заманчиво может быть превосходство одаренного над неодаренным. К чему это приведет в будущем – сказать невозможно. Наверное, лучше уж людям жить своим умом и полагаться на собственные силы.

– Такова воля Белого Духа, – важно кивнула шаманка.

В эту минуту мне захотелось шлепнуть себе по лбу и обозвать как-нибудь нехорошо и уничижительно. Вот же оно! Я должна была понять с самого начала! Ответ на мой вопрос был на поверхности, но я не думала, потому что сразу же положила на маму. А она говорила – думай! Не думала... Точнее, думала, но о множестве других вещей и упустила самое очевидное и простое – воля Отца.

Конечно же, в Белом мире не могло быть магов, потому что его Создатель желал, чтобы Его дети жили своим умом, рассчитывали на свои силы и учились на своих ошибках. По той же морали жила и Ашит, о чем столько раз говорила. А я упустила. Магия не то, что позволит людям следовать заветам Отца. Она и благо, и зло. Всё зависит от того, в чьих руках этот великий дар. Но главное, магия не путь развития. Всё, что будет достигнуто, утерется, едва исчезнет чудесная сила. Главная магия, по мнению Белого Духа, – это разум и труд, а не волшебство.

Дар шамана – это доверие Белого Духа. Одаренные Им люди помогают, когда иного пути нет, но не указывают, не усиливают, не властвуют. Потому приходят, когда нужны, и не лезут, если не звали. И в ответах скупы, и на советы особо не расщедряются. Как сказал Танияр Эгчену: «Такова воля Отца, и ты это знаешь, иначе вещь не помогала бы нам. Ашит идет не к дочери, но по велению Белого Духа. Только Ему она послушна». Именно так. Как бы мама ни относилась ко мне, но она пальцем не шевельнет, если на то не было веления Создателя. Достаточно вспомнить все мои похищения.

Я посмотрела на шаманку и увидела прежнюю иронию в глазах, но теперь она согласно кивнула, подтверждая все мои соображения. Затем протянула руку и постучала пальцем мне по лбу:

– Думай, Ашити, думай.

– Ты права, мама, – улыбнулась я. – Всё было понятно сразу, надо было только начать размышлять. Но... – Моя улыбка стала шире. – У меня большая голова. Там столько мыслей, что не всегда сразу найдешь нужную.

– Когда захочешь, найдешь, – усмехнулась шаманка.

Глава 9

Гул человеческих голосов катился над поляной, словно полноводная река. Она несла свои чистые воды, то разлетаясь радужными брызгами веселого смеха, то грохотала на порогах, когда кто-нибудь повышал тон в азартном споре. И было это без всякой злобы, лишь с одной целью – донести до оппонента свою точку зрения, перекрыв голосом громкие взрывы хохота зрителей, слушавших болтунов.

Да и как было молчать, когда уже успели разнести буртан, и люди воздавали должное этому легкому и веселящему напитку? Столы переместили на край поляны, куда отправились и мы. А освободившееся место занимали те, кто желал танцевать, пока не ослабеют ноги или не сотрутся туфли.

– Недурно! – причмокнув, воскликнул магистр, опустошив очередной стакан с буртаном. – В самом деле, недурно! Не пьянит, но бодрит.

– Если слишком увлечетесь, то всё поменяется, – с улыбкой сказал ему Танияр. – Буртан коварен, Морт, не стоит верить его легкости слишком истово. Но воздать должное необходимо. – И он поднял свой стакан. – За возрождение!

– За возрождение! – с воодушевлением подхватил Элькос.

Мама важно кивнула:

– Добрые слова.

– Лучшие, – улыбнулась я и подняла свой стакан, в котором была налита вода. – Этот мир слишком долго угасал в забвении. За возрождение!

За великое дело, угодное духам, выпили все, кто находился рядом и слышал слова дайны, и даже те, кто не слышал, но увидел, что правитель держит в руках стакан.

– Хорошо, – крикнул Улбах, вытерев рот тыльной стороной ладони. – Я бы мог выпить весь буртан, какой есть в Айдыгере, и голова бы моя осталась чистой.

– На то ты и вожак кийрамов, – легко согласился с ним Танияр, привычно польстив союзнику, чтобы не ввязываться в состязание. Проиграть на глазах айдыгерцев он не мог, как и выиграть, чтобы не пробудить в союзнике желания продолжать бессмысленный спор.

Кийрам самодовольно ухмыльнулся, принимая добровольную сдачу тагайни. Дайкари – жена Улбаха, посмотрела на мужа с гордостью – для нее сомнений в том, кто сильнее, не было. Впрочем, и для меня этих сомнений не имелось, и потому я подарила взгляд, полный обожания, своему супругу.

А после перевела взор на танцующих и тихо вздохнула, почувствовав укол зависти. В прошлом году я тоже была среди них, тоже отплясывала, не жалея ног, и вместе со мной танцевал Танияр. Это было восхитительно! Я бы и сейчас с радостью вышла в центр поляны, но подобная роскошь была мне, увы, недоступна. По крайней мере, еще сегодня, а завтра мне будет не до танцев... И я снова вздохнула.

– О чем грустишь, дочка? – спросила меня мама.

– Ноги рвутся в пляс, а чрево держит на месте, – с улыбкой ответила я.

– Мы устроим праздник в честь рождения нашего сына, и тогда ты станцуешь, – накрыв мою талию ладонью, сказал Танияр, и я потянулась к нему.

Дайн поцеловал меня, одарил новой улыбкой, и я уместила голову у него на плече. А в следующее мгновение глаза мои округлились, и я радостно воскликнула:

– Как же замечательно, милый, смотри!

Танияр проследил взглядом направление, куда я указывала, и негромко хмыкнул. Мы смотрели на одну из пар, и я ощущала глубочайшее удовлетворение. Юноша-тагайни, уже считавшийся мужчиной, вытащил в круг девушку-пагчи. Он некоторое время показывал ей на другие пары, явно объяснял, как нужно танцевать, но прелестница махнула рукой и танцевала

так, как научилась в своем племени. Парень с минуту наблюдал за ней, а после присоединился, но по-своему. И скажу я вам, вышло у них весьма недурно!

– Сегодня костер будет пылать для них, – услышала я и подняла взгляд на мужа, и он добавил: – Если Балчут позволит.

– О чем говоришь, Таньер? – спросил глава пагчи, услышав свое имя.

– Говорю, что у костра сегодня может появиться пагчи, если ты не запретишь.

– Чего мне запрещать? – искренне удивился Балчут. – Она взрослая, он тоже. Хотят – пусть идут к костру.

– Разве ты не этого хотел? – полюбопытствовала у дайна Учгей.

– Верно, я хотел смешения народов, – кивнул мой супруг. – Но наши традиции были слишком долго различны, и я не хочу навязывать того, к чему пагчи или кийрамы не готовы. К костру выходят по согласию. Насилием никого не обижают. Но если...

– Традиции пагче молчат, – широко улыбнулся Балчут. – Захочет Катэбай, я ее держать не стану.

– И кийрамы не против, – важно добавил Улбах.

– Значит, так угодно духам, – согласился Танияр, а мама кивнула.

А потом, глядя на юную пару, в круг вышли и остальные пагчи, а вскоре к ним присоединились и Архам с Эчиль. Илан и Хасиль уже были там, и за столом остались только мы с мужем, мама, магистр и пагчи с кийрамами.

– А хорошо бы они и после костра не разошлись, – сказала я, продолжая следить взглядом за Катэбай и Талгыром – так звали юношу.

Я узнала его – это был сын бочара Микче. Бывало, он помогал отцу на курзыме, там я его и видела. Паренек был бойкий, но улыбчивый и приятный в общении. За словом в карман не лез, но и не дерзил. Мне было неизвестно, что собой представляет Катэбай, однако уже создалось впечатление, что она под стать сыну бочара.

Впрочем, женщины-пагчи умели за себя постоять, их этому обучали наравне с мужчинами, что было вполне естественным и закономерным. Малочисленное племя, по соседству с которым жил непримиримый противник, должно быть готово защищаться. Однако это всё былое, и не стоило его ворошить на шумном празднике, который воспевал саму Жизнь.

– Если духам будет угодно, то так и случится, – ответил мне Танияр.

– Тагайни не примут, – отмахнулся Улбах. – Может, и потанцуют, и к костру выйдут, а в свой дом не приведут. Нет, не примут.

– Уже принимают, – я кивнула в сторону танцующих. – Придет время, и уже никто не будет удивляться тому, что тагайни строят семьи с пагчи, кийрамами или унгарами, ни от кого не прячась и не боясь осуждения собратьев. В конце концов так уже было когда-то. Все были равны и жили сообща, не глядя на цвет волос и глаз. Кто знает, Улбах, нет ли в тебе крови тагайни?..

Я одарила вожака таинственным взглядом, и он задрал подбородок, собираясь возразить.

– Ай-ай, Улбах, – я покачала головой. – В чем коришь тагайни, когда сам нос задираешь? Что дурного в том, что в твоих венах течет кровь не только кийрамов?

– О чем говоришь, Ашета? – спросила Учгей, так и не дав кийраму раскрыть рта.

– О прошлом Белого мира, разумеется, – улыбнулась я. – Я не стану сейчас рассказывать обо всем, еще не время. Хочу, чтобы меня слышали все, и хочу знать всё до конца. Но кое-чем поделюсь. – Теперь я удостоилась внимания всех, кто сидел за столом. Впрочем, трое из них знали, о чем я скажу. – Еще прошлым летом мне довелось посетить последний савалар Отца. Сейчас это развалины, ничего уже не напоминает о былом величии, но Создатель показал мне его таким, каким он был во времена наших далеких предков. А еще я увидела аданов – это те, кто оберегал савалар...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.